

УИЛЬЯМ ЛЕДЕРЕР

и

ЮДЖИН БЁРДИК

ГАДКИЙ АМЕРИКАНЕЦ

W. W. Norton & Company

New York • London

THE UGLY AMERICAN

WILLIAM J. LEDERER and EUGENE BURDICK

Copyright © 1958 by William J. Lederer and Eugene Burdick

Copyright renewed 1986

First published as a Norton paperback 1965; reissued 1999

All rights reserved

Printed in the United States of America

Library of Congress Catalog Card No. 58-7388

ISBN 0-393-31867-2

W. W. Norton & Company, Inc.

500 Fifth Avenue, New York, N.Y. 101 10 www.wwnorton.com

W. W. Norton & Company Ltd.

Castle House, 75/76 Wells Street, London W1T 3QT

Перевод на русский язык, примечания © 2025, Сергей Бокарёв

"If this were not a free country
this book would be banned..."

"A BOMBSHELL"

New York Herald Tribune

The Ugly American

WILLIAM J. LEDERER and EUGENE BURDICK

3/6

СОДЕРЖАНИЕ

Примечание от авторов	6
Счастливчик Лаки Луи №1	7
Счастливчик Лаки Луи №2	20
Девять друзей	25
Джо Бинга любят все	38
Конфиденциально, лично в руки	43
Возможность трудоустройства за границей	45
Девушка, которую завербовали	49
Посол и работающая пресса	51
У каждого есть уши	54
Рэгтайм Кид	63
Железо войны	66
Уроки войны	76
Что бы вы сделали, если бы стали президентом?	83
Как купить американский нижний класс	89
Шестифутовый провидец из Саванны	100
Капитан Бонинг, ВМС США	110
Гадкий американец	119
Гадкий американец и гадкий сарханец	124
Согбенные спины Чангдонга	134
Сенатор, сэр...	138
Сумма крошечных мелочей	152
Документальный эпилог	157

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ АВТОРОВ

Эта книга написана как художественный роман, но она основана на фактах. То, о чем мы пишем, по сути, уже произошло. И не только в Азии, где разворачивается основное действие книги, но и по всему миру — в пятидесяти девяти странах, где живет более двух миллионов американцев.

В конце книги мы добавили документальный эпилог, который, как мы надеемся, убедит читателя в том, что написанное нами — не просто гневный сон, а скорее превращение фактов в вымысел. Имена, места, события — это наши выдумки; но наша цель не в том, чтобы смутить отдельных людей, а в том, чтобы побудить их к размышлениям — и, как мы надеемся, к действиям.

БИЛЛ ЛЕДЕРЕР
ЮДЖИН БЁРДИК

Пёрл-Сити, Оаху
Территория Гавайи
1958 г.

Счастливчик Лаки Луи №1

Достопочтенный Луис Сирс, американский посол в Сархане, был недоволен. Несмотря на то, что кондиционер поддерживал прохладу в его кабинете, ему было жарко и он чувствовал себя раздраженным. Посол разгладил редакционную страницу газеты “Сархан Истерн Стар”, самой популярной газеты в Хайдхо, и внимательно изучил карикатуру.

— Мне плевать, что там рассказывает премьер-министр и все эти его мелкие советники, — произнес вслух посол Сирс, — эта проклятая “Истерн Стар” — красная газетёнка, а эта карикатура слишком похожа на меня, чтобы быть простой случайностью.

Он с раздражением оторвал взгляд от газеты и повернулся к окну. Газон посольства длинной, очень зеленой, аккуратно подстриженной волной спускался к главной дороге Хайдхо, сверкая с каждой стороны яркими цветами... красные и пурпурные бугенвиллеи, более мягкие цвета гибискуса, бесчисленные орхидеи, свисающие с баньяновых деревьев в элегантном ленивом изяществе, четкие прямые линии бамбуковых деревьев. В конце лужайки территорию посольства от суматохи и шума дороги отделяла кованая ограда.

Как и в любое другое утро, из сельской местности в Хайдхо непрерывной вереницей шли женщины, неся на спине вязанки дров или корзины с овощами — редисом, весенним луком и бобами, уложенными в простом совершенстве на влажных листьях. Изредка мимо проходила женщина с корзиной рыбы на голове — крошечные серебристые тела ловили лучи утреннего Солнца. Иногда мимо проезжал мужчина на велосипеде, прокладывая себе путь среди болтающих женщин.

“Странные маленькие обезьянки, — подумал посол Сирс, на мгновение позабыв о своем раздражении по поводу карикатуры. — Женщины делают всю работу, а мужчины развлекаются”.

Единственными машинами, которые он мог видеть, были грузовики, переданные сарханскому правительству американской военно-консультативной группой. Они быстро ехали по дороге и непрерывно гудели, как будто их клаксоны включили при запуске двигателя. Они везли военные грузы на север: аккуратные ящики с ручными гранатами, мотки колючей проволоки, бочки с бензином и маслом, большие прямоугольные ящики, в которых лежали разобранные пулеметы .50-го калибра.

“И все это сделано в Америке”, — к послу Сирсу тут же вернулся гнев, и он снова посмотрел вниз на “Истерн Стар”. Карикатура была очевидна. Хотя он не мог читать по-сархански больше нескольких слов, навязанных ему постоянным повторением, смысл был ясен. На карикатуре был изображен невысокий толстый американец с потным лицом и открытым ртом, похожим на рот брыкающегося мула, который вел худого, изящно сложенного сарханца за веревку на шее к вывеске, состоящей из двух немногих слов на сарханском языке, которые послу удалось распознать: “Кока-кола”. Под невысоким толстяком было написано единственное английское слово: “Счастливчик”.

Послу Сирсу хотелось бы, чтобы кто-нибудь из американцев, находившихся в посольстве, умел читать по-сархански. Пытать местных переводчиков, прикрепленных к ЮСИА,¹ о смысле карикатур он ненавидел, подозревая, что эти проклятые маленькие обезьянки всегда лгут. Но в этом случае они не могли его смягчить, тем более, когда толстого персонажа звали “Счастличик”.

Счастличик Лаки Луи² — так прозвали посла Сирса, когда он занимался политикой в Соединенных Штатах. На протяжении восемнадцати лет он был популярным и успешным сенатором, но о нем говорили, что он всегда выигрывал выборы по счастливой случайности. Когда Сирс, демократ, победил в первый раз, Дрю Пирсон сказал, что он был избран потому, что ему повезло оказаться демократом в демократический год. Во время второй гонки его соперник-республиканец умер за десять дней до выборов, что даже Сирс признал редкой удачей. Во время третьей избирательной кампании жена его соперника оказалась замешана в скандале. Но, как язвительно заметил Сирс, когда в четвертый раз он проиграл, почему-то никто не считал это невезением.

На самом деле Сирс не слишком переживал, когда проиграл последние выборы. Он достаточно долго занимался политикой, чтобы понять, что партия ему кое-чем обязана. Через два дня после выборов, с протоколом голосования под мышкой, он направился в Национальный комитет.³

Политические стратеги оказались к этому готовы.

— Какую работу ты хотел бы получить, Лаки? — спросили они.

— Федеральный судья с хорошим длительным сроком полномочий, — быстро ответил он.

— Хорошо, но вакансия появится только через два года. А пока, Лаки, как ты смотришь на то, чтобы поработать послом?

— Я? Послом? — спросил Сирс, тут же представив себя в утреннем халате и полосатых пижамных брюках перед Сент-Джеймским дворцом⁴ или управляющим большим красивым зданием посольства в Париже. Сирс был достаточно проницательным политиком, чтобы не выдать своего предвкушения. — Послушайте, ребята, посол должен тратить гораздо больше, чем зарабатывает. Если у вас есть филантроп, который мог бы меня поддержать, то без проблем; но вы знаете мое личное положение. После восемнадцати лет все, что я получил, ушло на нужды партии.

Стратеги кивнули, воздержавшись от комментариев. Подобные замечания они слышали слишком часто, чтобы они их трогали.

— В Сархане открыта вакансия посла, — ответили стратеги. — Там платят 17 500 долларов, и вы должны быть в состоянии на этом экономить. Надбавка на развлекательные мероприятия составляет 15 000 долларов, а спиртное можно

¹ Англ. *United States Information Service (USIS)*. Имеется ввиду местное отделение основного американского органа внешнеполитической пропаганды, Информационного агентства США (*United States Information Agency, USIA*) — здесь и далее примечания переводчика.

² Англ. *Lucky*. Собственно, счастливчик.

³ Главный партийный орган в США, осуществляющий управление повседневной деятельностью политической партии.

⁴ Один из старейших дворцовых ансамблей в Лондоне, сейчас резиденция принца Уэльского.

покупать без налогов. Есть также посольский особняк, который вы получаете в аренду бесплатно.

— Где, черт возьми, находится этот Сархан?

— Это небольшая страна возле Бирмы и Таиланда.

— Знаете, я не предвзят, но я просто не очень хорошо работаю с черными.

— Они не черные, они коричневые. Ну, если вы не хотите, мы можем устроить вас помощником по юридическим вопросам к...

— Я согласен!

Поначалу послу Сирсу нравилось его назначение. Насчет дешевого спиртного не соврали, а особняк посла оказался самым просторным и прекрасно обставленным домом, который он когда-либо занимал. Миссис Сирс была от этого в экстазе. Однако вскоре после его приезда начали появляться карикатуры, и посол Сирс был глубоко ими уязвлен. В Америке он никогда не возражал против того, чтобы над ним подшучивали по поводу его тучности и красного лица. На встречах “Ротари-клуба”⁵ он всегда начинал свои речи словами: “Как для толстяка я думаю, что у вас, ребята в Вашингтоне, все в порядке” — и это всегда вызывало смех. Но посол считал, что это немного дерзко, и совсем другое дело, когда над его телосложением подшучивают местные жители.

Он все еще смотрел на карикатуру, когда открылась дверь. Это была Маргарет Джонсон, пресс-атташе посольства. От волнения она раскраснелась и начала говорить, даже не сказав “доброе утро”.

— Господин посол, вчера вечером толпа людей избила Джона Колвина — этого человека, занимавшегося сухим молоком — и бросила его тело на ступеньки посольства, — торопливо сообщила она. — Мы вызвали врача, и он считает, что пострадавший будет жить, но нам лучше подготовить заявление для газет.

— О, ради всего святого, — сердито высказался посол Сирс. — Почему такие вещи всегда происходят так рано утром? Почему его избили?

— Мы не уверены, — продолжила Маргарет. — К его телу была прикреплена записка, в которой говорилось о том, что он совращал сарханских девушек.

Посол Сирс откинулся в кресле и рассмеялся.

— Ну, будь я проклят, — произнес он с удовлетворением. — Мне всегда казалось, что этот парень Колвин слишком серьезен. Говорю тебе, Мэгги, всегда есть такие тихони, которые, если не могут заполучить какую-нибудь киску, прибегают к силе.

По лицу Маргарет было видно, что слова посла ей неприятны, но когда она заговорила, голос ее был спокоен.

— Это может оказаться довольно серьезным делом, господин посол, — сказала она. — Никогда нельзя быть уверенным, что какая-то из политических партий не подхватит что-то подобное и не раздует из мухи слона.

— О, перестань, Мэгги, — сказал посол Сирс. — С каких это пор интрижка мальчика с девочкой связана с большой политикой? Если хочешь о чем-то побеспокоиться, то побеспокойся лучше об этой карикатуре. Соедини меня с

⁵ «Ротари-клуб» — американская неправительственная организация, заявляемая цель которой — объединение деловых и профессиональных лидеров для реализации гуманитарных программ.

принцем Нгонгом, или с этим, как его там, черт возьми, зовут, ну который отвечает за протокол. Когда мы разберемся с этим газетным делом, тогда, полагаю, мне придется отправиться в больницу и навестить этого дурака Колвина.

Мисс Джонсон вежливо кивнула и вышла из кабинета.

Среди смутных и ничем не примечательных сновидений Джон Колвин осознавал, что его перевязывают. Он медленно возвращался к реальности. Появилась больничная палата, солнечная и тихая. В углу прочно занял свое место умывальник, а перед ним появилась его кровать. Наконец он понял, что и сам является участником этой сцены, — он лежал в кровати, обмотанный марлевыми бинтами, и за мягким барьером лекарств чувствовал боль.

Воспоминания о событиях, из-за которых он попал в больницу, возвращались в его сознание, пока, наконец, они не выстроились в голове и не утвердились как факт. Он даже помнил, как не верил в происходящее и думал, что это невозможно, чтобы Деонг, человек, который был его другом, который спас ему жизнь десять лет назад, который делил с ним ужасы, сейчас держит пистолет у него за спиной. Они познакомились вскоре после того, как в 1943 году Джон был сброшен на парашюте в Сархан. И эта встреча спасла ему жизнь.

Колвин был заброшен в Сархан вместе с двумя другими американцами. Они прошли тщательный отбор, все прекрасно знали сарханский язык и имели рост и телосложение среднего сарханца. Их лица были выкрашены в светло-коричневый цвет, присущий местным уроженцам. Они были агентами У.С.С.,⁶ и все трое были достаточно выносливы и компетентны, чтобы не считать, будто они будут жить вечно. Через две недели в живых остался только Колвин, которому четырежды удавалось спастись от японских патрулей. Только дружба с Деонгом позволила ему выжить.

Джон бежал по тропе в джунглях, пытаясь спастись от четвертого японского патруля, окружавшего его, когда вышел на небольшую поляну, где Деонг поливал водой семейного буйвола. Они долго смотрели друг на друга, и Колвин сразу же решил довериться местному.

— Я — агент американской разведки, который сражается с японцами, — быстро проговорил Джон на сарханском языке. — Меня окружает японский патруль, и если через мгновение я не найду укрытие, они схватят меня. Ты можешь мне помочь?

Деонг, сидя на плечах водяного буйвола, некоторое время смотрел на Колвина сверху вниз. Затем он соскользнул с животного и подошел к американцу.

— Я помогу тебе, — глаза Деонга сияли от возбуждения.

Колвин кивнул, и тут же сарханец взял его за руку и побежал с ним к широкой неглубокой канаве. Одной рукой он схватил у края канавы три полых тростинки, а другой толкнул Джона в воду.

⁶ Управление стратегических служб — американская специальная служба, занимавшаяся в годы Второй мировой войны стратегической разведкой, организацией подрывных кампаний, диверсиями и саботажем. Впоследствии преобразована в ЦРУ.

— Дыши через тростник, не двигай головой и не выходи из воды, пока я не вытащу тростник у тебя изо рта, — произнес Деонг.

Он толкнул Колвина дальше в воду и положил ему на грудь большой камень, чтобы удержат под водой. Глубина канавы составляла два фута, а воды в ней было достаточно, чтобы Джон оказался на глубине шести дюймов.

На несколько секунд он почувствовал настоящую панику. Затем расслабился и, к своему огромному облегчению, обнаружил, что может дышать через тростинку.

Через пять минут на поляне появились трое солдат из японского патруля. Джон смутно слышал их разговор и смог определить, когда они ушли. Он оставался на месте еще десять минут, а потом почувствовал, как его мягко потянули за тростник. Он приподнялся, с его лица и тела стекала грязная вода.

Деонг ухмылялся.

В течение следующих восьми месяцев эти два человека обошли почти весь Сархан. За это время они взорвали двенадцать японских эшелонов с боеприпасами, разрушили шесть военных мостов и установили бомбы замедленного действия на корпусах восьми вооруженных японских речных патрульных катеров.

За это время Колвин познавал Деонга, а также жителей Сархана так, как будто вероятность смерти делала каждое впечатление более пронзительным. Однажды им двоим пришлось прятаться от японского патруля на скорбной и изысканно красивой Равнине Гробниц,⁷ где под искусно высеченными камнями покоились поколения сарханцев. Равнину окаймляла великолепная бахрома кипарисов. Восемь часов они ползали среди надгробий, постоянно держась от японского патруля на расстоянии одного-двух рядов, пока в сумерках японцы не прекратил поиски.

На другой день они спрятались в сарханском храме на берегу красивой Оранжевой реки, но на этот раз не от обычного взвода японских войск, а от специального контрразведывательного отряда, который был переброшен из Индонезии с конкретной целью уничтожить Колвина. Джон не хотел прятаться в храме; он стал спиной к реке, что закрывало возможный путь к отступлению. Деонг не стал спорить, но с полной уверенностью заявил, что храм — самое безопасное для них место.

Храмом руководили два монаха в шафранно-желтых одеждах. Компанию им составляло огромное количество священных обезьян, которые сновали туда-сюда по великолепному и разрушающемуся храмовому камню. Оба священника находились в разгаре долгой утренней молитвы, когда в храм рысью вошли Деонг с Колвином. Они не подняли глаз, когда оба пришельца забрались высоко в храм и спрятались среди тяжелых каменных стропил, где обычно обитали только обезьяны, и так же не подняли глаз, когда появился японский патруль. Два жреца, их бритые головы блестели на Солнце, продолжали склоняться над сложенными в молитве руками, и их песнопения не умолкали под грубыми вопросами японского

⁷ Англ. *Plain of the Tombs*. Возможно, авторы делают намёк на Долину Кувшинов — группе площадок с историко-археологическими памятниками, расположенной на границе Лаоса и Вьетнама.

лейтенанта. Даже когда офицер, с искаженным от гнева лицом, приставил пистолет к голове одного из священников, их голоса не умолкли. Когда лейтенант нажал на курок, и мозги и окровавленные осколки костей разлетелись по ступеням храма, другой священник не перестал молиться. Перед лицом такого единодушия японский офицер оказался беспомощен, и после бесплодных поисков увел свой отряд подальше от храма.

После ухода японцев они еще долго сидели среди каменных стропил и тихо разговаривали. Деонг терпеливо рассказывал о красоте и величии смерти в стране Сархан; но с таким же терпением он объяснял, почему не хочет умирать в тот день. Деонг был деревенским парнем и происходил из простой семьи, но ему хотелось жить в городе и узнавать о больших и более интересных вещах.

За восемь месяцев пребывания в Сархане Колвин полюбил жителей этой странной страны. Это были маленькие, хрупкие люди, их кожа была красивого коричневого оттенка, все их движения были грациозными и сдержанными. Даже люди из самых низших каст обладали достоинством и очарованием, которые произвели на Джона огромное впечатление. Все они были очень щедрыми. Они давали ему еду, информацию и помощь. Они шли на большой риск ради него, и единственная их просьба заключалась в том, чтобы он обсуждал с ними философию. В сарханском языке *философия*, как выяснил Колвин, охватывала вопросы жизни и смерти, жестокости и великодушия, хороших манер, воспитания детей, прелести крепкого вина и возможность жизни после смерти.

Перед самым освобождением Джон научил Деонга использовать ипекак.⁸ По радио им передали инструкции встретить в изолированной бухте подводную лодку. Она прибыла по расписанию, и капитан сообщил им, что морские пехотинцы США высадутся в Сархане через пять дней. Он дал им 25-фунтовую банку ипеака и велел им приложить все усилия, чтобы утром в день высадки добавить порошок в пищу в лагере японской армии.

Джон объяснил Деонгу, почему. Ипекак являлся самым сильным рвотным средством, известным медицине. Пока он не будет выведен из организма человека, у того будет оставаться энергия только на одно — рвоту. Если дать ему достаточно много этого средства, человек может умереть от спазмов.

С помощью сарханских поваров, находившихся в лагере японской армии, им это удалось. На следующий день они ждали в кустах за пределами лагеря. В 7:30 утра японцы позавтракали. В 8:00 высадились морские пехотинцы. В 8:10 утра японцы, пошатываясь, вышли из лагеря.

На несколько мгновений это казалось забавным — дорога, полная солдат, которые останавливались на бегу только чтобы их вывернуло наизнанку. Но напряжение усугубило действие ипеака, и люди начали шататься и падать. Их тела вздымались, выгибались и скручивались, когда в желудке ничего не оставалось. Через час, когда первые патрули морской пехоты приблизились к лагерю, дорога и трава рядом с ней были заполнены окровавленными и изможденными людьми, слишком слабыми, чтобы поднять голову.

⁸ Ипекакуана или рвотный корень (*Psychotria ipecacuanha*) — лекарственное растение семейства мареновых. Отвар, настой и порошок этого растения используют в качестве отхаркивающего средства; в больших дозах вызывает рвоту.

Это было последнее, что Деонг и Колвин сделали вместе. Через три недели Джон вернулся в Соединенные Штаты. Через год он ушел в отставку и занялся семейным бизнесом в Висконсине: покупал оптом молоко, перерабатывал его в порошок и упаковывал. Это был хороший и надежный бизнес, и Колвин вел его хорошо.

Примерно в 1952 году газеты сообщили, что внутри Сархана нарастают трудности и страна склоняется к коммунизму. Колвин не мог в это поверить. Он написал длинные письма своему конгрессмену, объясняя сложную структуру сарханской культуры и предлагая, как следует поступить с сарханцами. В ответ он получил только вежливые письма, в которых сообщалось, что его предложения были переданы в Государственный департамент. Но политика Соединенных Штатов не изменилась. Когда с коммунистической страной к северу от Сархана возникли пограничные трудности, Колвин не смог сдержать своего нетерпения.

Он был убежден, что ситуация в Сархане решается плохо; он также был убежден, что несет личную ответственность за сложившуюся ситуацию, поэтому придумал гениальный план.

Дождливые склоны сарханских гор были покрыты жесткой, низкорослой и очень густой травой. Эта трава была настолько грубой, а ее корневая структура настолько разветвленной, что зачастую убирать ее в других пригодных для использования землях было нецелесообразно. Колвин послал за образцами этой травы и обнаружил, что она является съедобной для коротконогой, проворной и быстрорастущей породы скота, выведенной в Техасе. Если научить жителей Сархана использовать молоко и его сопутствующие продукты, то не было причин, по которым скот не мог бы процветать на земле, которая в противном случае окажется бесполезной. Кроме того, в Азии имелись хорошие рынки для сопутствующих продуктов. Масло можно было превращать в *ghi*⁹ и продавать в Индию, кожу сарханские ремесленники могли бы дубить и делать из нее готовые изделия, внутренности можно было использовать в местных лекарствах, которые предпочитали нехристиане.

Но сначала сарханцев нужно было приучить к молоку. Колвин сделал эту часть работы сам. Он приехал в Сархан, чтобы продавать молоко, восстановленное из порошка. Когда через год начнут прибывать техасские коровы, можно будет перейти на свежее молоко. Как только бизнес будет налажен и запущен, Колвин намеревался продать свои акции и уехать.

Джон понимал, что дело рискованное, и первым делом, вернувшись на Сархан, попытался найти Деонга. Но тот исчез. Колвин самостоятельно организовал первый центр по дистрибуции молока за пределами города Хайдхо. Он управлял им всего две недели, и имел успех, несмотря на то, что посольство заявило о нецелесообразности проекта. На самом деле Луис Сирс, американский посол, после нескольких публичных выступлений просто умыл руки.

⁹ Очищенное топленое масло, используемое в индуистских ритуалах; также является важнейшим компонентом местной традиционной кулинарии и медицины (аюрведы).

И вдруг из ниоткуда появился Деонг и наставил на Колвина пистолет. Лежа на Солнце в тишине больничной палаты, Джон вспоминал, как почувствовал дуло пистолета, прижавшееся к его коже, и как нереально это выглядело в окружающей его обычной рутине. Мягкий ветерок из джунглей проникал в открытый склад, а снаружи длинная очередь сарханских женщин терпеливо ожидала своей порции молока, их голоса звучали за дверью низким и, несомненно, реальным шепотом. Рядом с Колвином стоял огромный автоматический молокосмеситель “Атлас”, готовый принять 100-фунтовую банку сухого молока. Но среди этих обычных звуков и образов были и нереальные — упаковка ипекака, лежащая на полу за смесителем, и Деонг, его старый компаньон, стоявший позади него с пистолетом, приставленным к ребрам американца.

Деонг нарушил молчание первым.

— Давай, Джон. Запускай машину и добавляй молоко и ипекак.

— Деонг, ты сошел с ума, — произнес Колвин. — Убери пистолет.

— Возможно, когда человеку предстоит умереть, он всегда думает, что его палач сумасшедший, — тихо ответил сарханец. — Но ты ошибаешься. У каждого человека есть разумное время для смерти, и, возможно, настало твое время.

— Что в этом разумного? — спросил Колвин. — Я не занимаюсь политикой, я просто пытаюсь организовать центр распределения молока для вашей страны. Ваш народ нуждается в нем.

— Джон, сухое молоко и скот — это часть политики, а значит, и часть истории, — сказал Деонг. — Поторопись. Положи сухое молоко и ипекак в машину. У меня мало времени.

— Нет, — откликнулся Колвин. — Я не буду добавлять ипекак в молоко, ты же знаешь, как он действует.

— Конечно, знаю; ведь это ты меня научил.

— Деонг, от ипекака эти люди могут умереть, — взмолился Колвин. — Это же твои соплеменники.

— Нельзя приготовить омлет, не разбив яйца, — отрезал сарханец. — Давай, Джон. Не трати время, начинай смешивать. Если бы я знал, как это сделать, я бы сделал это сам. Но если ты не сделаешь этого к тому времени, когда через три минуты двери откроются, я пристрелю тебя и расскажу всем, что ты собирался подмешать ипекак в молоко.

— Но какая от этого польза? Кому это поможет?

— Слушай, Джон, я же говорил тебе, что молоко — это часть истории. Если ты запустишь эту свою безумную схему с молоком и коровами, то со временем это может изменить экономический баланс в Сархане.

— А что в этом плохого? Это то, что я хочу сделать.

— Ничего. Это хорошая идея. Мы много раз обсуждали ее в джунглях. Но ты не тот человек, которому можно было бы разрешить это сделать. Если это удастся, сарханцы поверят, что Америка — их спаситель.

Тут Колвин все понял.

— Деонг, ты стал коммунистом.

— Как будто здесь есть выбор, — мягко ответил сарханец. — Послушай, Джон, ты снял меня со спины водяного буйвола и научил меня жить в большом внешнем мире. И я понял, что побеждает та сторона, у которой больше мозгов и силы. И,

Джон, это больше не твоя сторона. Когда-то была, но не сейчас. У Америки был шанс, и она его упустила. И теперь победят коммунисты.

— Послушай, Деонг, однажды ты мне поверил, — быстро произнес американец. — Я могу сказать, что наша сторона победит. У нас все еще есть сила и воля.

— Нет, у вас нет ни силы, ни желания, ни чего-либо еще, — сказал Деонг, и в его голосе прозвучала каменная уверенность. — С конца войны вы только и делаете, что проигрываете. И все по одной простой причине: вы не знаете, что такое сила идеи. Клерки, которых вы присылаете сюда, пытаются купить нас, как скот. Вы похожи на басню о богаче, который был идиотом.

Колвин понял, что переубедить Деонга не удастся, и с тоской осознал, что теперь может спасти себя только сам.

— Поддай мне ипекак, — с горечью произнес он.

— Подними его сам, и положи в миксер, — сказал Деонг и Джон впервые почувствовал, что дуло пистолета убрали от его спины. В быстром повороте Колвин развернул свое тело и ударил рукой по воздуху, целясь в основание шеи Деонга, как раз там, где она соединялась с плечами. Если бы он попал точно в нужное место, рука сарханца оказалась бы парализована, но хотя удар был нанесен с потрясающей силой, он пришелся немного мимо цели. Американец стоял на ногах, полуприсев, но пистолет все еще был в руке Деонга, и теперь он был нацелен в грудь Колвина. На лице сарханца отражалась мучительная боль, и он, похоже, отчаянно пытался не потерять сознание. Американец бросился к бочкам с сухим молоком, и в тот же миг Деонг выстрелил. В то мгновение, когда он падал на пол, Колвин осознал две вещи. Во-первых, что пуля попала ему в правое предплечье и, вероятно, перебила кость; и во-вторых, что его противник вот-вот выронит пистолет из-за накопившейся от удара боли.

В тот момент, когда Джон коснулся пола, он снова вскочил на ноги, и бросился к ряду бочек, начав их обходить, и не пытаясь финтить. Деонг либо выронит пистолет, либо будет преследовать Колвина в тесном складе, так что прятаться не имело смысла. Сарханец смотрел на свою руку, его лицо исказилось, когда он осознал последствия удара. Рука Деонга конвульсивно разжалась, пистолет .38-го калибра на мгновение завис на спусковой скобе, а затем упал на пол.

Колвин бросился к Деонгу, его правая рука беспомощно болталась с боку, и врезался в него левым плечом. Болевой шок свел на нет эффект от предыдущего удара, и в тот же миг сарханец яростно забился под Колвином. Джону пришлось удерживать Деонга на расстоянии от пистолета, не прибегая к помощи рук. Он обхватил ногами среднюю часть тела своего противника и сжал их мощными “ножницами”. На мгновение в пустоте склада воцарилась почти мертвая тишина, Колвин слышал, как из легких Деонга вырывается дыхание. Однако сарханец увидел поврежденную правую руку Джона и дважды ударил по ней кулаком. Боль ворвалась в руку Колвина раскаленным добела металлом, и ноги американца ослабли. Деонг успел сделать несколько судорожных вдохов, после чего Джон вывернул ноги так, чтобы сарханец не мог дотянуться до его раненой руки. Боль, словно какой-то туман, собравшийся в голове и заслонявший взор, начала медленно уходить.

Колвин с удивлением заметил, что очередь сарханских женщин подошла к двери склада и с любопытством их разглядывает. Впереди стояла морщинистая остроглазая пожилая женщина лет семидесяти. Как и все остальные, она была в замешательстве, но было видно, что она — лидер.

— Я стрелял в него, потому что он собирался подсыпать в молоко коколь! — пронзительно закричал Деонг. — Помогите мне вырваться, и мы сдадим его полиции.

На мгновение оцепеневший разум Колвина не смог до конца осознать сказанное Деонгом. Затем рычаги памяти сдвинулись, и он почувствовал огромное возмущение. *Коколь* — местный наркотик, получаемый из бобов коки; считалось, что он является мощным афродизиаком. В Хайдхо ходило множество народных историй о добродетельных девушках, потерявших девственность благодаря *коколю*, а также о его использовании в качестве смертельного средства, с помощью которого девственниц склоняли к проституции. Сарханцы верили в его быстрое и всеобъемлющее действие и поэтому очень боялись его.

— Он лжет! — вскричал Колвин. Он весь кипел, но в его ярости чувствовалось что-то юмористическое; как будто он находился в самом разгаре ужасной комедии. — Этот человек пытался убедить меня добавить в молоко ипекак!

Несколько секунд мужчины замерли в одной позе, изучая лицо старухи. Затем Деонг выдохнул то же обвинение; Колвин попытался выкрикнуть свое отрицание, но с чувством полной бесполезности понял, что его голос настолько слаб, что женщины его не слышат. Он также увидел, что посетительницы были глубоко потрясены одним лишь упоминанием о *коколе*.

Колвину оставалось пробыть в сознании всего пять минут, и это оказались минуты дикого и жестокого кошмара. Худенькие, нежные женщины Хайдхо, которых Колвин считал добросердечными подругами, набросились на него, как стая разъяренных ястребов. Маленькие изящные ручки рвали его ноги и посылали по телу крошечные уколы боли; пальцы царапали ткань его рубашки и оставляли на груди ярко-красные линии. Руки, внезапно ожесточившиеся от гнева, били его по лицу, еще больше сбивая с толку.

— Я друг, — попытался сказать Джон таким слабым и тонким голосом, что услышал его только он сам. С ужасающей ясностью он осознал неадекватность своих слов и беспомощность своего тела.

Удары женщин сыпались на него со все большей жестокостью. Одна из женщин устроилась прямо на его раздробленном предплечье, превратив его в сплошную пульсацию боли. Белесый туман боли и шока не только застилал ему глаза и мозг, но и медленно, словно пар, распространялся по складу. Колвин смутно различал беспорядочную массу кричащих и вопящих над ним женщин. В какой-то момент он перестал чувствовать боль, — даже ту, которая возникала от того, что его голова была зажата за обеими ушами, и жестоко билась о бетонный пол. Шум был пронзительным, резким и неопишуемым.

Ногти, крошечные царапающие злые ногти, наступали на него со всех сторон. Каждая маленькая ранка сама по себе была терпимой, но в таком количестве они жгли все тело. Ему казалось, что его до смерти исцарапали странные, похожие на куриные, когти. Но даже среди этой боли он чувствовал нечто худшее — потерю видения себя и народа Сархана, и их общей дружбы.

Наконец наступило облегчение. Зрение потускнело, слух ослаб, и на него нахлынула тупая разрядка. Он почувствовал, что его язык начал высовываться изо рта. Из носа и ушей потекла кровь, и Деонг вырвался из хватки его ног. Колвина охватило бессознательное состояние, которое казалось не более чем сгущением тумана боли и ужаса.

Спустя два часа бессознательное тело американца бросили на ступеньки американского посольства в Хайдхо. Он был полностью обнажен, а его тело покрывали сотни крошечных царапин, которые, затвердев, превратились в рубцы сухой пурпурной крови. Ему с трудом удавалось дышать. Его левую грудь протыкала большая спица с запиской на английском языке, в которой говорилось: “Вот американский насильник. Можете забрать его. То же самое произойдет и с другими американцами, которые попытаются совратить наших дочерей”.

В кабинете посла Сирса находился принц Нгонг. Ему уже приходилось проходить через подобные собеседования.

— Еще несколько подобных карикатур, и я буду вынужден доложить в Вашингтон, что ваш народ не очень благосклонен к американским представителям, — говорил посол Сирс. — Для меня лично это ничего не значит, но подобные карикатуры чертовски неуважительны и вредят отношениям между нашими странами.

Принц Нгонг был одним из самых выдающихся поэтов и драматических критиков Сархана, но, как и все сарханские интеллектуалы, он должен был служить своей стране там, где его таланты были нужнее всего. В данный момент он выполнял функции сотрудника службы протокола.

— Господин посол, не буду пытаться вас обмануть, — произнес принц Нгонг. — Я думаю, что “Истерн Стар”, возможно, стала несколько критично относиться к нашей внешней политике. В частности, в редакции не желают, чтобы мы предоставляли авиабазы в этой стране в обмен на иностранную помощь. Но, как представитель демократической страны, вы, конечно, можете понять наше нежелание вмешиваться в работу свободной прессы.

Они проговорили еще несколько минут, в течение которых принц Нгонг сказал послу Сирсу, что понимает раздражение посла и восхищается его прямоотой. Уходя, принц правильно оценил ситуацию — посол Сирс был оскорблен.

После обеда состоялось заседание специального консультативного комитета сарханского кабинета министров. Первым выступил принц Нгонг.

— Джентльмены, я думаю, что мы никогда не обманывали себя относительно наших отношений с Соединенными Штатами и Советским Союзом, — сказал он. — Мы не хотим быть в лагере ни одной из этих стран. Мы хотим независимости и развития Сархана. Это означает, что мы примем помощь и содействие от любого, кто нам поможет, но не любой ценой. И не ценой потери нашей независимости.

— Коммунисты обвиняют нас в том, что мы “лакеи колониалистов”, а американцы говорят, что мы “сторонники нейтралитета”, — добавил премьер-министр.

— Мы хотели бы, чтобы нам помогали, но без всяких условий; но судя по всему, это практически невозможно, — продолжил принц Нгонг. — В результате мы делаем то, что должен делать любой маленький народ, окруженный могущественными государствами: мы торгуемся. Думаю, все согласятся с тем, что есть только два типа людей, с которыми можно выгодно торговаться: с мудрым человеком, который ясно видит свою проблему и лишен тщеславия или гордыни; или с человеком глупым. Американцы, по непонятным для меня причинам, решили отправлять нам в качестве послов глупых людей.

— Расскажите нам о вашем утреннем разговоре с послом Сирсом, — произнес премьер-министр.

— Счастливчик Лаки Луи не в лучшем расположении духа, — без улыбки ответил принц Нгонг. — Однако не стоит недооценивать этого человека. Он глупее многих, но вполне способен за себя постоять. Он был глубоко оскорблен утренней карикатурой в “Истерн Стар”, и ситуацию невозможно было отшутить. Полагаю, что двадцатимиллионный кредит, о котором мы пытаемся договориться с Соединенными Штатами, окажется под серьезной угрозой, если перья посла Сирса не будут разглажены.

Никто в зале ничего не сказал. Премьер-министр дал сигнал, и участникам принесли полные чашки горячего чая. Но никто так и не заговорил.

— Господа? — спросил премьер-министр. Все понимали, что нужно делать, но было бы невежливо, если бы премьер-министр напрямую попросил принять меры.

— Полагаю, мы могли бы попросить издателя “Истерн Стар” опубликовать лестную карикатуру и редакционную статью о после Сирсе, — неохотно произнес Ю Нанг. Он был издателем “Истерн Стар”, а также шурином Нгонга.

— Думаю, это было бы прекрасным решением проблемы, — сказал премьер-министр. Затем, чтобы спасти чувства Ю Нанга, он быстро перешел к следующему вопросу повестки дня.

Поздним вечером того же дня посол Сирс отправился в больницу к Джону Колвину. Он находился в прекрасном расположении духа — всего полчаса назад позвонил издатель “Истерн Стар” и зачитал ему по телефону содержание лестной передовицы, которую газета собиралась напечатать о нем на следующий день. Посол Сирс поблагодарил издателя и тут же поручил своему секретарю отослать тому ящик виски.

Входя в больничную палату Колвина, Сирс приостановился. Глаза Джона были открыты, лицо покрыто множеством мелких царапин. Посол подошел к нему и доверительно наклонился вперед.

— Ну, сынок, ты, наверное, попал на настоящую чертовку, — весело произнес он. — Выглядишь так, будто связался с жужжащей пилой.

Колвин закрыл глаза.

— Вы знаете, что произошло со мной вчера? — спросил он.

— Конечно, мой пресс-атташе говорит, что ты связался не с той девушкой. Помни, сынок, я предупреждал тебя о том, что здесь, на холмах, не стоит вести себя

своевольно. Такие вещи выставляют Америку в дурном свете. Я распоряжусь, чтобы ты вернулся в Штаты, как только тебя отсюда переведут.

Колвин больше не открывал глаза. Посол подождал несколько минут, затем повернулся, чтобы уйти. Он был уже на полпути через всю комнату, когда Джон заговорил с такой силой, что посол остановился.

— Сирс, — сказал он. — Я никуда не поеду.

Счастливчик Лаки Луи №2

Лев Крупицын родился в русском городе Иваново, в 1917 году, в семье зажиточного крестьянина. Однажды, когда он был еще мальчиком, он увидел, как расстреляли обоих его родителей. Это произошло почти случайно. Лев стоял в окне земляной хижины и слушал, как его родители спорят с командиром, командовавшим группой солдат. Его отец покачал головой и отвернулся, а командир выхватил из кожаной кобуры короткий уродливый револьвер и выстрелил отцу Льва в заднюю часть черепа. Повернувшись, он затем выстрелил в мать.

Все произошло слишком быстро, чтобы Лев успел почувствовать злость или потерю. Все, что он чувствовал, — это страх. Он осознал, что могло бы его защитить: короткий уродливый револьвер в руке или его замена.

Его отправили в воспитательный центр для сирот в Мурманске, где его крестьянское тело выросло на грубой пище. Лев обнаружил, что у него хороший ум. К шестнадцати годам у него появился приемный родитель — государство. Он узнал, что его родителей убили за то, что они были виновны в “сознательном саботаже государственной сельскохозяйственной политики”. Они были “кулаками” — социальной группой, которую Лев уже успел возненавидеть.

В 1934 году за свой очерк «Динамика советской диалектики» он был удостоен Ленинской премии в области достижений комсомольской литературы. Все знали, что молодой Лев Крупицын — быстро достигающий успеха юноша. Некоторые коллеги — но только за глаза — стали называть его “Счастливчиком”.

В 1935 году началась его дипломатическая карьера: он был назначен шофером в советское торговое представительство в Нью-Йорке. Вся дипломатическая прислуга — шоферы, привратники, буфетчицы и буфетки — отбиралась из Корпуса учеников дипломатической службы. Они работали в качестве слуг половину рабочего дня, а остальное время посвящали учебе. Таким образом, русские избегали присутствия иностранцев в своих посольствах и представительствах и в то же время могли обучать своих молодых людей основам дипломатической службы.

Во время службы в Нью-Йорке шофер Крупицын изучал организацию американских профсоюзов, а по вечерам проходил курс профессора Александра Уилларда “Психология американской элиты” в Колумбийском университете.

В 1937 году он отправился в Прагу, снова в качестве шофера. В 1938 году Министерство иностранных дел направило его в Пекин в качестве секретаря комиссии по культуре.

В 1939 году он был отозван в Москву и следующие два года провел в Академии иностранных языков, по ночам работая дешифровщиком.

Сведения о том, чем занимался Крупицын в период с 1941 по 1945 год, отсутствуют, но точно известно, что в армии он не служил.

В 1945 году, когда ему было уже 28 лет, он был назначен наблюдателем в штаб Мао Цзэдуна. Мао отправил его с батальоном в Юньнань, чтобы посмотреть, “как военная рука используется в качестве политического и экономического

инструмента”. За исключением трех отпусков на родину по шесть месяцев каждый, Крупицын пробыл в Китае три года. Во время последнего отпуска он женился на Надежде Колосовой, своей коллеге по дипломатической службе.

В 1949 году он вернулся в Москву и занял должность в азиатском отделе Министерства иностранных дел СССР.

Вместе с женой он ходил на гидрографическом судне “Горький”, которое было нанято правительством Сархана для обследования и составления карт прилегающих к Сархану вод Юго-Восточной Азии.

Затем супруги вернулись в Москву, где посещали московскую школу стран Юго-Восточной Азии при МИДе, и в списке своего класса Лев Крупицын значился как “кандидат на посольскую должность в Сархан”. Это место определялось как должность посла первого класса не только потому, что Сархан был богатой страной с населением более 20 миллионов человек, но и из-за его стратегического положения. Рядом с надписью “Сархан” Советы поставили цифру 30, указывающую на то, что они надеются включить его в коммунистическую орбиту в течение 30 месяцев.

В московской школе стран Юго-Восточной Азии сам посланник и мадам Крупицына прошли двухлетний курс интенсивного обучения, чтобы подготовиться к новой работе. Они научились читать и писать по-сархански; узнали, что идеальный мужчина в Сархане — стройный, изящный и вежливый, что он обладает физической формой и внешним спокойствием, что он религиозен (буддизм является преобладающей религией), и что он ценит древнюю классическую музыку.

Вновь назначенный посол вписал себя в эту модель. Он сидел на диете и похудел на сорок фунтов; брал уроки балета; читал сарханскую литературу и драматургию и стал довольно искусным игроком на флейте. Также он регулярно посещал лекции по буддийской религии и практике.

Посол Лев Крупицын прибыл в Сархан ровно через неделю после того, как свои верительные грамоты вручил новый американский посол Луис Сирс.

В аэропорту посла Крупицына встречали всего несколько чиновников, и, вежливо поприветствовав их на родном языке, он сел в свой автомобиль и поехал в советское посольство. На следующее утро, вручив свои верительные грамоты премьер-министру, он во второй половине дня отправился в большой монастырь на окраине столицы, куда заехал засвидетельствовать свое почтение главному настоятелю, который был лидером всех буддистов в этом районе. Прибытие Крупицына вызвало замешательство, так как визит в монастырь белого человека был событием необычайным. Монахи во внешнем зале с любопытством смотрели на него, некоторые из них улыбались и кивали головой. Один из них поспешил уйти, чтобы найти старшего, который знал бы, как поступить в этой странной ситуации. Наконец молодой человек в светлом одеянии — очевидно, новичок в монастыре — поспешно вошел, подошел к советскому послу и спросил по-английски:

— Могу ли я помочь вам, сэр?

Тот ответил по-английски.

— Я пришел засвидетельствовать свое почтение Его Преподобию Великому Магистру, — произнес он и предъявил визитную карточку, напечатанную с одной стороны на русском, а с другой — на сарханском языке.

Молодой монах извинился и вышел из комнаты. Вернувшись минут через десять, он сказал:

— Сейчас вас примет Мастер. Но он не знает иностранных языков, поэтому я буду сопровождать вас в качестве переводчика.

Пройдя по длинным тусклым коридорам, они вошли в огромный зал, в котором не было ничего, кроме большого золотого кресла в дальнем конце, на котором восседал пожилой монах. Когда они оказались перед монахом, Лев Крупицын низко поклонился и произнес на классическом сарханском языке:

— Со стороны Вашего Преподобия очень милостиво оказать мне такую честь.

— Вы не сказали моему секретарю, что разговариваете на нашем языке.

Крупицын, все еще низко кланяясь, ответил:

— По традиции, Ваше Преподобие, лучшие слова берегут для хозяина.

Крупицын сел на пол, скрестив ноги, и Великий лидер всех буддистов Сархана и Лев Крупицын, советский посол, начали беседовать. Сначала это была болтовня, а потом собеседники перешли к философии. Так они просидели до конца дня, пока не стемнело.

В тот год Сархану не повезло. Несколько тайфунов пронесли над землей как раз перед началом сбора урожая и уничтожили большую часть посевов. Через несколько месяцев в южных районах начался голод. Толпы уже успели разграбить амбары богачей.

В советском посольстве от одного из своих информаторов, работавшего переводчиком в американском посольстве, они узнали, что Соединенные Штаты отправляют в пострадавший район 14 000 тонн риса. Вскоре после этого русские узнали от другого информатора — шофера американского посла — что первый из американских кораблей с зерном прибудет через два дня.

Крупицын действовал инициативно и смело. Он закупил в столице несколько тонн риса по ценам черного рынка, погрузил его в грузовик и проехал 300 миль на юг, в район, где голод был наиболее сильным.

Когда он прибыл в Плутал, главный город юга страны, там собралась большая толпа. Коммунистическая газета вышла со специальным выпуском, заголовки которого сообщали, что Россия, друг Сархана, облегчит голод, и что советский посол лично прибудет в этот день с первым символическим пожертвованием риса.

А потом вышел сам Крупицын.

Выступая через громкоговоритель и по всем доступным в районе радиостанциям, Крупицын заявил, что Советская Россия прилагает все усилия, чтобы помочь своим друзьям. Пять тонн риса, которые он привез с собой, — это все, что они смогли найти на месте. Но наберитесь терпения, сказал он им на отличном сарханском языке, через несколько дней прибудет несколько советских судов с тысячами и тысячами тонн риса, который будет роздан бесплатно. Далее он

сказал, что Сархан и Россия — друзья и союзники и должны поддерживать друг друга, потому что очевидно, что колониальные и капиталистические страны не станут помогать другому народу, если не смогут извлечь из этого выгоду.

Через два дня в гавань Хайдхо, столицы Сархана, прибыло первое американское судно с зерном. Там же с операторами и магнитофонами оказались и журналисты ЮСИА. Чтобы принять зерно от Его Превосходительства Луиса Сирса, американского посла в Сархане, присутствовал лично премьер-министр. Взыли сирены, и прозвучало несколько прекрасных речей. Когда речи закончились, стивидоры начали разгружать мешки с рисом, спускать их с причала и укладывать в американские грузовики, которые ждали, чтобы отвезти рис в пострадавший район.

На полпути к причалу каждый стивидор останавливался у весов, чтобы взвесить свой мешок с рисом, поскольку в Сархане принято платить стивидорам не по часам, а по количеству перевезенного груза. Когда каждый мешок снимался с весов, контролер подходил к нему и писал на каждом из белых мешков несколько слов на сарханском языке.

Когда грузовики прибыли в Плутал, их встретила толпа, насчитывающая около 10 000 человек. По громкоговорителю объявили, что здесь находится рис, обещанный им не так давно русским послом, и вот доказательство того, что Россия держит свое слово.

Из толпы раздались возражения.

— Но это же американские грузовики и американские водители.

— Мы наняли их у американцев, — ответили сарханские коммунисты. — Разве советский посол не предупреждал вас, что капиталисты пойдут на все ради прибыли?

Толпа все еще сомневалась. Они слышали, что корабли, привезшие рис, ходили под американским флагом, а рис доставляли американские грузовики. Но когда грузовики разгрузили и рис начали раздавать, народ понял, что то, что коммунистические пропагандисты объявляли через громкоговорители, — правда. Советский посол выполнил свое обещание.

На каждом мешке риса было начертано по-сархански, чтобы каждый житель мог увидеть и прочитать для себя: «Этот рис — подарок Советской России».

Американцы сфотографировали раздачу риса и улыбающиеся лица счастливых людей. Никто из присутствовавших американцев ничего не прокомментировал — никто из них не читал и не понимал по-сархански, и они не знали, что происходит.

Примерно через неделю американское посольство узнало о случившемся. Посол Луис Сирс произнес пламенную речь, а из Вашингтона донеслись гневные крики о немедленном возмездии. Последующие американские суда с зерном были должным образом защищены, но жители Сархана продолжали верить, что Россия — их друг и кормилец.

Примерно через месяц после инцидента с зерном посол Лев Крупицын сделал свой первый доклад в Москву. Он написал длинное письмо, в котором извещал столицу, что деятельность и программы коммунистов в Сархане развиваются с опережением графика. В отчете подробно описывалась каждая деятельность коммунистов, обсуждались культурные, экономические, политические, религиозные и военные аспекты борьбы России за власть в Сархане.

Его доклад заканчивался двумя короткими, но интересными комментариями.

“Американский посол — это настоящая находка. Он держит своих людей в напряжении, проводя встречи, светские мероприятия, приветствуя и инструктируя десятки сенаторов, конгрессменов, генералов, адмиралов, заместителей министров иностранных дел и обороны и так далее, которые приезжают сюда, чтобы ‘себя показать и других посмотреть’. Он запрещает своим людям ‘уходить в горы’ и по-прежнему раздражает жителей Сархана своими плохими манерами.

Однако я с беспокойством отмечаю, что американская пресса очень критикует посла Сирса за его неспособность противостоять уловкам, которые мы разыграли с судами с грузом зерна. Если подобные нападки в СМИ будут продолжаться, возможно, что со временем его сместят. Нам же выгодно, чтобы он оставался здесь. Поэтому в течение следующей недели или двух я позабочусь о том, чтобы редакционные статьи в местных газетах восхваляли его как понимающего американца и храброго бойца. Я также предлагаю, чтобы в газете ‘Правда’ его подвергли яростным нападкам. Такая комбинация необходима, чтобы убедить Государственный департамент США и американскую общественность в том, что посол Сирс превосходно выполняет свою работу”.

“Есть еще один вопрос, к которому я отношусь с большой озабоченностью. В агентурном донесении из Бирмы описывается деятельность американского католического священника, который работает в одной из провинций этой страны. Его зовут отец Финиан. Если информация в донесении верна, то этот человек — агитатор самого высокого класса, сочетающий при этом типичное для иезуитов владение диалектикой. По слухам, священник говорит по бирмански, питается туземной пищей и, очевидно, участвует в каком-то папистском заговоре. Мне нет нужды напоминать вам предостережения Ленина о ловкости папства, когда его интересы находятся под угрозой. Буду признателен за любое досье, которое у вас может быть на этого человека”.

Девять друзей

ОТЕЦ ДЖОН Х. ФИНИАН, Общество Иисуса.¹⁰ Родился в 1910 году в Вустере, штат Массачусетс. Родители — Джон Х. и Мари Финиан. Имеет трех сестер и трех братьев. Бакалавр, Бостонский университет, 1934 г.; магистр, Католический колледж в Риме, 1941 г.; профессор апологетики в Университете Святой Марии, 1943-44 гг.; капеллан, ВМС США, 1944-47 гг.; доктор философии Оксфордского университета, 1947-50 гг. (Название диссертации: “Социальные доктрины св. Фомы Аквинского”); специальный помощник архиепископа Бостонского, 1950-51 гг.

Публикации:

Статьи: “Агония святой Терезы: эссе о современности смирения”; “Видения святого Бернарда: прозрения современной психологии”; “Новый курс и католическая социальная теория”; “Некоторые мысли о сильных сторонах безбожного коммунизма”; “Является ли коммунизм безбожным?”; “Растущая угроза коммунизма”.

Книги: “Средневековые религиозные воззрения: социальные интерпретации”; “Вызов коммунизма” (1951 г.).

В 1952 году отец Финиан был направлен в Бирму на должности смотрителя католических миссий и адвоката главы конгрегации Общества Иисуса.

Когда отец Финиан прочитал документ, предписывающий ему отправиться из уютной Новой Англии за десять тысяч миль в Бирму, он удовлетворенно улыбнулся.

Отец Финиан был крупным мужчиной — шесть футов три дюйма; возможно, из-за того, что он горбился, слушая людей поменьше, у него появилась сутулость. Руки у него были большие, и хотя они стали гладкими, все равно выглядели сильными. В детстве он доставлял лед, таскал ящики в “Рейлроуд Экспресс”, перебирал тонны угля в поисках серого блеска шифера; когда он учился в Оксфорде, то греб в команде Мертона и был признан лучшим гребцом, который когда-либо у них был.

Зная о слабости всех людей, отец Финиан с радостью принял назначение в Бирму. Хотя ему нравилось изучать религию, и он спокойно и без высокомерия принимал то, что среди членов Общества Иисуса он считается многообещающим интеллектуалом, священник чувствовал, что в Азии его ожидает особая задача. С интенсивностью, которая была почти физической, он хотел справиться с ней.

Он знал о страшной беде — политической чуме, которой заражались люди, восприимчивые к ней из-за голода, бедности или политических разногласий. Воспоминания о его собственном опыте борьбы с этой политической чумой ярко вспыхивали в его сознании, каждая деталь была безупречна и точна.

¹⁰ Так называется орден Иезуитов.

Это случилось во время войны, когда он был капелланом Военно-морского флота. Он разговаривал с морскими пехотинцами, прошедшими боевую подготовку, которые собрались на небольшом холме на островах Рассел. Под ними, в обрамлении кокосовых пальм и белого полумесяца песка, возвышались синесерые корпуса десантных кораблей, которым этой ночью предстояло вступить в бой на Новой Георгии.

Один молодой морпех слушал священника с необычным интересом. Он стоял молча, едва шевеля губами и повернув голову так, чтобы уловить каждое слово. Финиан стал более воодушевленным, чем обычно. Он много говорил о преданности Богу, о необходимости смирения и об уверенности в вечной жизни, если только у человека есть вера.

Когда он закончил, наполненный большим количеством эмоций, чем обычно себе позволял, он быстро обошел группу и подошел к внимательному морскому пехотинцу.

— Да пребудет с вами Бог во время этого вторжения.

Мальчик резко, почти испуганно, вскинул голову. Священник на мгновение подумал, что он, возможно, протестант и смущен вниманием католика.

Затем морпех сплюнул, холодно и высокомерно и Финиан понял, что ошибся во всем. Глаза мальчика были холодными и жесткими, а слова давались ему тяжело.

— Нет никакого Бога, который бы следил за мной или кем-то еще на этом десантном корабле, святой отец. И вы, и я об этом знаем.

Морской пехотинец щелкнул пальцем по золотому кресту капеллана.

— Я коммунист, отец. И я отправлюсь на этот проклятый несчастный остров и выпорю этих япошек... Но не ради вас или этих толстозадых ротарианцев в Штатах, а потому что коммунизм того стоит.

— Сын мой, коммунизм...

— Что вы должны сказать нам, святой отец, так это почему мы не открыли второй фронт. Скажи нам, почему кучка жадных капиталистов не хочет идти в Европу, пока Советская Россия не будет залита кровью? Не рассказывай нам о выдуманном божестве. Он не поможет. Мы должны помочь себе сами.

Суроволицый мальчик выглядел старше, мудрее, бесконечно жестче, чем все мужчины, которых Финиан встречал прежде; он был совершенно неподвластен ни словам, ни логике, ни чувствам.

Отец Финиан никогда не забывал о том случае. Он понимал, что рвение в глазах мальчика и самоотверженность на его лице — это то, что делает из людей святых. Но этот мальчик был посвящен чему-то злему.

После этой встречи с морским пехотинцем священник сориентировался в своих силах. Он начал читать коммунистическую литературу. Сначала он просто читал речи Сталина, Булганина и Жукова в том виде, в каком они были опубликованы в прессе, недоумевая по поводу их вульгарности, очевидности и отсутствия тонкости. Такому хорошо подготовленному иезуиту, как отец Финиан,

их нелогичность причиняла боль; но, очевидно, для миллионов людей их логика была безупречной, а привлекательность — сильной.

Постепенно священник пришел к выводу, что эти коммунистические речи были формой светского ритуала. Грубые лозунги были лишь символами, которые много значили для обращенных; невероятные обещания изобильного будущего были для них так же реальны, как крестные ходы для католиков. Финиан узнал, что известие о кровавой чистке “правых уклонистов” поколебало веру коммуниста не больше, чем веру католика поколебало известие о жестокости инквизиции.

Открытие оказалось решающим. Священник понял, что перед ним лицо дьявола. Коммунисты дублировали ритуал, веру, преданность, рвение и энтузиазм Церкви. Здесь был тот же акцент на обучении, та же апостольская энергия, необходимость видеть за фактами большую истину. Единственное отличие заключалось в том, что коммунисты служили злу. Они служили ему так хорошо, что святой отец понял: обе веры не могут существовать в этом мире одновременно.

Позже он прочитал *“Что делать?”* Ленина и *“Историю Коммунистической партии”* Сталина, *“Анти-Дюринга”* Энгельса и, наконец, *“Капитал”* Маркса, а также многое другое. На протяжении всего этого утомительного чтения, посвященного экономике и политике, социологии и философии, священник ни разу не дрогнул. Другие могли думать, что коммунизм — это результат классового конфликта, долгосрочных экономических перемен или политического фанатизма; но Финиан знал, что коммунизм — это лик дьявола, хитро и проницательно измененный, но все же лик дьявола, явленный на землю, чтобы еще раз проверить нравственность людей. Святой отец намеревался выдержать это испытание, даже если ему придется делать это в одиночку.

Священник был практичным, жестким и вдумчивым человеком. Отправляясь в Бирму, он был хорошо вооружен. Во время долгого путешествия через Манилу, Сайгон, Бангкок и, наконец, Рангун он выкристаллизовал свой план нападения. Во время двухнедельного пребывания в Рангуне и путешествия вверх по реке Ирравади на медленно плывущей лодке он изучал бирманцев и просматривал свои заметки о культуре, истории и антропологии страны. В Финиане не было ничего бессистемного.

Из-за бирманской жары окна в резиденции архиепископа Моктху были без стекол. Вместо них они были закрыты тонкими проволочными сетками, а на ночь для обеспечения уединения внутрь опускались бамбуковые шторы. Заглянув сквозь сетку, Финиан увидел множество странных насекомых, прижавшихся к ней.

За насекомыми, которые путем какого-то обмана зрения, казалось, заполнили все расстояние между ними, Финиан увидел пышную зелень долины Моктху. На окраине Моктху-Тауна жестяные лачуги, дороги, крошечные сточные каналы заканчивались, и начинались джунгли, зеленые, густые и угрожающие. Казалось, город балансирует на грани выживания, и в любой момент вечные, могучие, ленивые джунгли могут накрыть город и похоронить его, как мягкие тропические Помпеи.

— Я хотел бы поскорее выбраться в деревню, — тихо произнес священник. — И я был бы признателен за любую помощь, которую вы можете мне оказать. Возможно, джип, палатка, спальный гамак, немного еды.

— Вы собираетесь остаться здесь больше чем на ночь? — спросил архиепископ.

— Да. На несколько месяцев.

— Святой отец, на территории между нами и Китаем мы закрыли три наши миссии. Коммунисты сожгли одну и забросали фосфорными бомбами две остальные. Оставаться там невозможно.

— И тем не менее, вы сможете мне помочь?

— Да, — жестко ответил архиепископ. — Если это то, что вы должны сделать.

— С вашего позволения, я уеду к концу недели. На три месяца. — Затем, не удержавшись, он добавил: — Нет ничего невозможного. — И тут же почувствовал укол вины, ведь сказал он это только для того, чтобы задобрить архиепископа.

Финиан ехал на север по узкой гужевой дороге, проложенной через джунгли. Он знал, что очень быстро должен сделать три вещи. Во-первых, он должен найти хотя бы одного мужественного католика. Во-вторых, он должен выучить язык. В-третьих, он должен научиться есть эту пищу... а это означало, что ему, возможно, придется пережить несколько недель мучительной дизентерии, пока его кишечный тракт выработает иммунитет к бактериям, содержащихся в туземных продуктах.

Пять недель спустя Финиан стоял под эвкалиптом в тропических джунглях в том месте, где Качинское плато соединяется с горами Ассама. Гигантское дерево стремилось из тумана, запаха и жара джунглей к чистому, бесконечно далекому, аскетически голубому небу. Он сильно недооценил трудности трех своих основных задач.

Его все еще лихорадило от дизентерии, и он полегчал на сорок фунтов. Его лицо было белым и потным, как будто из его плоти вытекла вся жизненная сила. Его кишечник был нежным и болезненным. Когда он двигался, его внутренности соприкасались с грубой пищей, что было невероятно болезненно. Его язык был сухим от лихорадки, а зубы стали меловыми. Кости болели, и однажды в бреду ему привиделось, что костный мозг заменен желатином.

Но он мог есть туземную пищу: в этот самый момент его перегруженный кишечник переваривал две горсти риса, половинку манго и чашку очень нечистой воды. Он знал, что выдержит все это. У него выработался иммунитет.

Финиан также выучил язык. Он вгрызался в него так, как холодный резец входит в гранит. С первого дня пребывания в сельве он говорил только по-бирмански. Он спрашивал название каждого предмета, который видел, указывая на него. Лист, дерево, вода, большой, маленький, ходьба, прыжок, вниз, в сторону, ящерица, река, море, облако, да, нет, огонь, еда, ноги, нос, рот... Он был поражен тем, насколько в этом языке мало основных слов. Даже когда он болел дизентерией, он занимался. Грамматика пришла совершенно неосознанно, и уже

через четыре недели он заговорил простыми предложениями. Он не прилагал никаких усилий, чтобы выучить сложные или трудные выражения. Ему хотелось, чтобы сложное излагалось простыми предложениями, и был уверен, что это можно сделать. Бирманский язык был для него единственным способом поиска надежных помощников.

После того как он нашел первого бирманского католика, найти других хороших людей оказалось уже не так сложно. Он не требовал, чтобы они были католиками, только чтобы они были антикоммунистами, честными и смелыми. “Если подумать, — сказал себе Финиан, — это было довольно сложное требование”.

Он оттолкнулся от эвкалипта и почувствовал боль в кишечнике. Но есть боль или нет, а ему необходимо было стоять, когда придут восемь его новых помощников. Священник на мгновение задумался о том, с какими трудностями ему пришлось столкнуться при их наборе. Потребовалось все его иезуитское образование, вся его бдительность, все доступные хитрости и уловки; и искать их пришлось, пока он был еще ужасно болен. Главная проблема заключалась в том, чтобы найти первого из них — бирманца, который, несомненно и безошибочно, окажется надежным человеком. Его звали У Тьен.

У Тьен был водителем джипа в штате архиепископа, и ему было приказано отправиться со священником. Его дом находился на севере, в горах, примерно в пятидесяти милях от китайской границы. Именно в этом районе священник решил работать. У Тьену было тридцать девять лет, он был женат, имел троих детей и говорил, что он набожный католик. Излагал он это ровно, без горячности, и Финиан чувствовал, что тот говорит правду. Но все же он проверил У Тьена.

Поначалу священник, уезжая в небольшое путешествие, оставил у него свой портфель. Позже, когда он осмотрел его, тонкая, почти невидимая нить, которую он продел через застежку, оказалась нетронутой. Таким образом, он как минимум узнал, что У Тьен честен.

Во-вторых, он сказал бирманцу, что подумывает о переговорах с коммунистами, чтобы те разрешили вновь открыть миссионерские школы. Финиан сообщил ему, что школы могут быть открыты при условии, что в них не будут преподавать ничего против коммунистов. Лицо У Тьена ничего не выражало. Финиан продолжал говорить, что коммунизм — это политика, а католицизм — религия, и нет никаких причин, чтобы они конфликтовали. По его словам, хорошие бирманцы могут быть как хорошими коммунистами, так и хорошими католиками. Было много недоразумений; можно быть хорошим патриотом, хорошим коммунистом и хорошим католиком. Что, спросил он, думает об этом У Тьен?

В глазах бирманца отразилась мука. Финиан знал, что большинство азиатов не любят говорить неприятные вещи. Интуитивно они говорят то, что, по их мнению, хочет услышать слушатель. Святой отец также знал, что коммунист колебался бы, пытался бы выиграть время, пока не посоветовался бы с вышестоящим руководством, что ему следует сказать. Ибо то, что предлагал Финиан, было капитуляцией. У Тьен облизал губы.

— Полагаю, это было бы ошибкой, — сказал он, и голос его звучал низко и подавленно. — Думаю, что невозможно быть хорошим католиком и хорошим коммунистом. Каким-то образом, по причине, которую я не могу вам четко

объяснить, их нельзя смешивать. — Он сделал паузу, подыскивая нужные слова. — Если говорить по-другому: если один путь правильный, то другого быть не может. Это лучшее, что я могу сказать. Мне очень жаль.

Были и другие испытания. Некоторые из них были легкими и быстрыми, другие — более обдуманными. Наконец отец Финиан сделал то, что, как он знал, было жестоким, но необходимым. Финиан отправился на базар в Моктху и стал усердно искать кожаный мешочек. Он спрашивал о таком под сумке в четырех лавках, и в каждой говорил: “Он должен быть достаточно прочным, чтобы в него помещались пистолет и пятьдесят патронов. Я хочу подарить его своему водителю, чтобы он мог охранять джип в эти беспокойные дни”.

На следующий день У Тьен опоздал на работу. Когда он появился за рулем джипа, его лицо было покрыто длинным багровым рубцом, который проходил через глаз и спускался к нижней челюсти. В уголках рта запеклась кровь. Финиан спросил его, что случилось.

— Прошлой ночью пришли коммунисты и избили меня, — сказал он. — Они думали, что у меня есть пистолет и патроны. Они сказали, что знают это точно. Они чуть не разгромили мою комнату в поисках этого. — Он сделал паузу, и в его глазах отразились недоумение и гнев. — Вы поступили неразумно, сэр. Неразумно говорить такие вещи.

В этот момент Финиан сбросил с себя напускную невинность.

— Этого больше не повторится, У Тьен, — сказал он, положив руку ему на плечо. — Время испытаний закончилось. Теперь мы знаем друг друга. Это было необходимо, потому что шпионы есть везде. Мне нужно было найти человека, которому я мог бы доверить дело Божье. Теперь узнай, кто эти шпионы.

Через неделю У Тьен рассказал ему об этом. А еще он рассказал ему, на кого можно положиться. Некоторые из этих надежных людей не были католиками, но они ненавидели коммунистов, и У Тьен в каждом случае объяснил ему причины.

— Теперь, — произнес священник, — мы начнем нашу работу.

Четверо мужчин, среди которых был У Тьен, промелькнули среди деревьев, кивнули Финиану и встали молча перед ним. Они ждали, не разговаривая, и через несколько минут появились еще четверо. Все девять человек присели, чтобы начать разговор.

“Вот теперь все начинается”, — подумал Финиан. Теперь вся многолетняя работа и тренировка подходит к концу, как если бы человек бесконечно работал над гвоздем, а теперь, с помощью нескольких ударов, опробовал его на прочном дереве. Он чувствовал себя спокойно. Его физическая слабость была огромной, всепроникающей и сводящей с ума; но это была лишь слабость тела, то, что поддавалось еде, сну и упражнениям. В остальном он был силен.

Святой отец на мгновение закрыл глаза, попросил наставлений, чтобы его сила не была использована не по назначению, а затем, открыв глаза, начал очень медленно разговаривать с восемью бирманцами.

— Это трудно объяснить, — медленно начал он, произнося слова, которые он выучил за двенадцать лет работы. — Но это нужно сказать. — Он сделал паузу. — В

обычные времена Церкви нет дела до того, что делает государство. Каждая из них занимается разными частями человека: одна — его душой, другая — его политической жизнью. Один великий святой однажды сказал, что пока меч Церкви свободен для борьбы с грехом, он ничего не сделает, чтобы запятнать меч государства.

Он заколебался, размышляя, одобрил бы святой Августин такой способ изложения.

— Но сейчас не обычные времена. Люди, называющие себя коммунистами, говорят, что душа и государство тождественны. Цена за то, чтобы стать коммунистом, — отдать им свою душу и свою волю. Они пытаются сделать себя богами на этой земле.

Все внимательно слушали. Эти люди долго жили под угрозой насилия и смерти. Их нельзя было обмануть мягкими словами. Они узнают правду, даже если она будет жестокой.

— Прежде всего мы должны очень точно решить, чего именно мы хотим. Прежде чем сделать малейший шаг, мы должны договориться об этом, — сказал Финиан. А затем он спросил их с абсолютной открытостью: — Что мы хотим сделать?

В этот момент на поляне воцарилась напряженная тишина. В каждом из мужчин чувствовалась напряженность, ожидание, которое было почти осязаемым.

— Скажите нам, что нужно сделать? — спросил У Пиу, не поднимая глаз.

Финиан знал, что это критический момент, точка равновесия. У Пиу, как он чувствовал, испытывает его.

— Не мне это говорить, — категорично заявил святой отец. — Это касается всех нас. Это ваша страна, ваши души, ваши жизни. Я сделаю то, о чем мы договоримся.

Незаметно, настолько незаметно, что и глазу не под силу было определить, что происходит, шеренга мужчин, казалось, стала прямее, тверже. Их спины выпрямились, руки перестали играть с веточками и комочками грязи; они подняли глаза на священника. Финиан не мог уловить крошечные невидимые вещи, из которых складывается решительная поза; но знал только, что это произошло.

Он был уверен, что впервые белый человек сказал этим людям, что важное и ответственное решение зависит только от них... и что белый человек последует за ним.

— Большая вещь? Это то, что мы должны назвать? — тихо сказал один из мужчин, его мысли вращались вокруг этого вопроса. — Главное, чего мы хотим, — чтобы все наши люди стали католиками.

Несколько бирманцев посмотрели на Финиана, ожидая его реакции, но его лицо оставалось бесстрастным. Боль вернулась, но на его лице ничего не отражалось. Он был выше, более неуклюжим, чем любой из бирманцев, и знал, что ему важно присесть, как они.

— Нет, это не последняя важная вещь, которую мы хотим получить, — сказал У Тьен. Он говорил медленно, тщательно подбирая нужные слова. — Мне все равно, есть ли среди нас буддисты или анимисты. Методисты, баптисты, или даже неверующие. До прихода коммунистов среди нас были такие люди, и они не

запрещали мне поклоняться так, как я хочу, или воспитывать своих детей в своей вере. Но коммунисты сделали невозможным любое поклонение, кроме поклонения Сталину, Ленину, Мао. На территориях, которые контролируют коммунисты, все должны верить в одно *единственное*: в коммунизм.

Снова наступило молчание, пока мужчины осмысливали сказанное.

— У Тьен прав, — произнес один из бирманцев. — Я тоже католик, но я не требую, чтобы все мы были католиками. Я думаю, это означает, что мы хотим иметь страну, где каждый человек может поклоняться любому богу, какому пожелает; где он может жить так, как велит ему сердце. Это, я думаю, и есть последнее большое дело.

Было еще несколько обсуждений, некоторые из них были жаркими. Один или два раза бирманцы смотрели на Финиана, но он просто смотрел на них в ответ. Наконец они пришли к согласию и замолчали... молчание означало их согласие с У Тьеном.

— Если хотите, я подведу итог сказанному вами, — произнес святой отец. — Самое главное, самое важное — это страна, где любой человек может поклоняться и жить так, как ему хочется. — Затем скромно добавил: — Не мое право одобрять или не одобрять, но я согласен с вами.

Лица бирманцев засветились, и крошечная влажная полянка зазвенела от смеха. У Пиу, который был более энергичным, чем большинство бирманцев, от удовольствия хлопнул в ладоши. Финиан впервые за пять недель не чувствовал угрюмой боли дизентерии.

— Следующий шаг будет сложнее и труднее, — тихо сказал он. — Он требует большой честности, много информации и много размышлений. Он заключается в следующем: Почему сейчас у нас нет свободы поклоняться или жить так, как нам хочется? Почему?

— Потому что коммунисты этого не позволяют, — быстро, почти машинально сказал один из мужчин. — Они сжигают церкви, они избивают людей, которые следуют политике У Нью, они высмеивают исповедь и конфирмацию. Коммунисты отказывают нам во всех свободах.

— Но почему бирманцы верят в то, что говорят коммунисты? — тихо спросил Финиан. — Когда-то коммунистов почти не было; теперь же их много, и они контролируют многие районы. Они такие же бирманцы, как и вы. Просто сказать, что коммунисты отказывают нам в свободах, — это ничего не сказать. Почему мы позволяем им отказывать нам в свободах?

— В основном потому, что многие из наших людей верят в то, что они говорят, — ответил У Пиу.

— Но *почему*? — упрямо спросил Финиан, и по его позе было ясно, что он не собирается делать попыток самостоятельно ответить на этот вопрос.

Спор стал таким жарким, что священник не всегда мог за ним уследить. Несколько раз один или несколько мужчин впадали в ярость. Один из них, Токи, замкнутый и молчаливый человек, встал, подошел к дереву и сорвал с него ветку, как будто вся острота его чувств могла рассеяться только через пальцы. Но во всех этих бурных, громких разговорах Финиан уловил гордость и острое чувство открытия. Наконец разговоры стихли. Люди смотрели на У Тьена так, словно он был их представителем.

— Мы думаем... и эти слова могут оскорбить вас, отец... о трех вещах, — медленно произнес У Тьен. — Во-первых, коммунисты могут отказывать нам в свободах, потому что коммунистами стали многие бирманцы. Во-вторых, многие бирманцы стали коммунистами потому, что думают, что коммунисты выступают против белого человека... западного человека. Я прошу прощения, отец, что говорю это. Это трудно, но большинство из нас чувствуют, что белый человек не всегда был справедлив. Это тяжело слышать, но это правда. В-третьих, многие бирманцы выступают за коммунистов, потому что думают, что коммунисты сделают что-то хорошее для народа... для крестьян и рабочих с низкой зарплатой. Что они дадут нам землю и больше еды, а может быть, автомобили, радиоприемники и дешевую медицину. Вот почему, и мы согласны с этим, коммунисты собираются лишить нас свободы вероисповедания.

— Мне кажется, это разумно и верно, — ответил Финиан, как будто просто подытоживая их слова. — Во-первых, мы хотим свободы поклоняться и жить. Во-вторых, что у нас не будет этой свободы до тех пор, пока многие бирманцы не перестанут быть коммунистами; а они перестанут только тогда, когда поймут, что коммунизм — зло для всех. Я уверен, что коммунистам нет дела ни до белых, ни до коричневых, ни до черных; им есть дело только до власти. Но вы не должны верить мне на слово. Мы вместе изучим факты и посмотрим, что нам удастся найти.

Он сделал паузу, и его зубы резко сомкнулись от боли.

— Завтра, если хотите, мы снова встретимся в то же время и вместе прочитаем, чего, по словам коммунистов, они хотят и как они этого добиваются, — сказал Финиан. — Мы прочитаем и узнаем это из того, что пишут сами коммунисты, и из того, что они сами делают. Тогда, возможно, мы узнаем правду и поймем, что нам делать.

Он встал, и внезапно боль стала такой сильной, что ему показалось, что он потеряет сознание. Лицо его побледнело, на нем выступили бисеринки пота, во рту появился соленый привкус. У Тьен сделал движение в его сторону, быстрый жест поддержки, но Финиан покачал головой. Он медленно пожал руки каждому из мужчин и поблагодарил их за то, что они пришли.

Следующим днем бирманцы вернулись. На этот раз они жаждали поговорить, были полны энтузиазма и слов. Они думали с тех пор, как уехали, и в спокойной обстановке отчаянно пытались донести свои мысли.

— Отец, прежде чем что-то предпринимать, мы должны получить всю возможную информацию о коммунистах в этом районе, — сказал один из бирманцев. — Это правильно — знать, чего мы хотим в далеком будущем, но сначала мы должны узнать о трудностях, которые стоят на пути.

Финиан сдержал взволнованную улыбку. То, что предлагали бирманцы, было именно тем, что святой отец собирался предложить в качестве третьего шага: сбор разведанных.

Остальные бирманцы кивнули в знак согласия. Охотно и подробно они стали рассказывать о масштабах власти местных коммунистов. Они рассказали о купцах,

которые были тайными сторонниками коммунистов, выяснили, кто из студентов был лидером, а кто демократом, кто был распространителем пропаганды, где хранилось оружие, каковы масштабы партизанской войны. Они непрерывно говорили в течение двух дней; делали зарисовки на местности, указывали места на картах. Бирманцы были поражены объемом своих знаний и в то же время немного напуганы — ведь никто из них не подозревал, что коммунисты настолько сильны. Не было ни одной деревни, где не было бы теневого аппарата коммунистов, ни одной западной организации, за которой не шпионили бы. В некоторых деревнях коммунисты господствовали над всем с леденящей душу жестокостью; в других же просто вели бесконечную пропаганду на две темы: о зле западного белого человека и о любви коммунистов к простому народу.

— Теперь мы знаем о коммунистах все, что только можно знать, и знаем это одинаково. Каждый из нас информирован не хуже остальных, — подытожил отец Финиан. — Мы не похожи на коммунистов, которые тщательно скрывают информацию от своего народа. Теперь мы должны решить, как действовать. Итак, что же нам делать?

Споры шли каждый день в течение двух недель. Идеи, слова, энтузиазм, гнев, приверженность и волнение кипели на их встречах. И наконец, мучительно и хаотично, пришло согласие.

Спустя много месяцев Финиан подвел итоги их работы в своем отчете. К тому времени можно было видеть все более ясно.

“Мы обнаружили, — писал он, — что независимо от того, кто их убеждает — католическая церковь, лютеране, коммунисты или демократы — люди убеждаются в чем-то одним и тем же способом. О политическом или общественном движении нельзя судить по его методам убеждения, поскольку, если не прибегать к насилию, большинство успешных движений используют одни и те же методы. В ходе наших долгих бесед в джунглях мы обнаружили следующее:

1. Мы хотели иметь сообщество, в жизни и религии которого существовало бы право выбора.
 2. Это было невозможно, поскольку многие бирманцы были обмануты и поверили коммунистам.
 3. Поэтому мы должны были продемонстрировать людям, что коммунисты не заинтересованы в них, а заинтересованы только в захвате власти.
 4. Это нужно было сделать умело, но без применения силы. Это должен был быть процесс убеждения. Поэтому мы должны были стать экспертами в убеждении.
 5. Мы должны были убеждать событиями, которые известны бирманцам.
 6. Мы должны были убеждать словами, которые были бы понятны всем.
 7. Сложные идеи должны были излагаться драматично и мощно.
 8. Убеждать нужно было в то время, когда аудитория была бы восприимчива.
- И это должно было делаться на всех уровнях.

Как только восемь бирманцев пришли к согласию, все остальное стало казаться почти легким. Самым трудным было ожидание и планирование. Мы должны были ждать, потому что время было неподходящим; и мы должны были планировать, потому что нас было всего девять против трех тысяч активных коммунистов.

Первое, что сделали восемь моих соратников, — напечатали на множительной машине, которую я привез с собой, небольшую дешевую газету. Они называли ее ‘Коммунистический фермер’. Это было хитро, потому что название могло означать что угодно, и изначально коммунисты не знали, поддерживать ли газету, которая таинственно и внезапно появлялась на рынках, в магазинах, на порогах домов, на деревенских площадях, в автобусах и на улицах, или противостоять ей. В каждом номере была статья известного коммуниста — Сталина, Маркса, Ленина, Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Плеханова. В одном из номеров была опубликована статья Карла Маркса, в которой он нападал на тупость и отсталость крестьян. В другом номере была опубликована речь Сталина, в которой он оправдывал свою расправу с ‘кулаками’ тем, что сельское хозяйство должно быть коллективизировано. Остальная часть номера представляла собой простое изложение фактов о трудностях сельского хозяйства в России, о сельскохозяйственном прогрессе в США, советы по увеличению производства на фермах, советы по использованию удобрений.

Коммунистическая партия оставалась в замешательстве на протяжении всего двух номеров. Затем они стали яростно атаковать газету в речах, по радио и в других газетах. Они указывали, что ‘Коммунистический фермер’ сообщает лишь часть коммунистической теории; но они не могли эффективно отрицать, что то, что сообщалось, было авторитетным. В своих газетах они кричали, что Сталин любит крестьян. Но это было странно неубедительно в свете его убийств ‘кулаков’. В течение месяца коммунистическая пресса не печатала почти ничего, кроме ответов на материалы ‘Коммунистического фермера’.

Затем они предприняли все усилия, чтобы подавить газету, но это только сделало ее еще более популярной, и ее экземпляры стали цениться. Тогда они пригрозили убить тех, кто печатал и распространял ее; но тут впервые их шпионаж провалился, и они так и не смогли узнать, кто мы такие. Коммунисты постепенно становились шутами в глазах местных бирманцев. Люди смеялись над заявлениями, провозглашаемыми на коммунистических митингах. В Бирме партию можно бояться, уважать, быть эффективным, свирепым... но если она шутовская, то она безнадежна.

В северной провинции коммунистических лидеров заменили. Затем подверглись чистке новые лидеры... а их заместители, в свою очередь, были отстранены. Стала распространяться шутка, что самый быстрый способ умереть — это стать высокопоставленным чиновником Коммунистической партии.

И вот наступил кульминационный момент. В Антхкату прибыл человек из Москвы, русский эксперт по Бирме. Он был высоким, жилистым, с твердым лицом, ветераном чисток, заговоров, заговоров и контрзаговоров. Он никогда не терпел неудач. Звали его Винич.

Винич имел тщательно продуманные планы еще до того, как тайно проник в Антхкату. Он разработал тщательный план уничтожения ‘Коммунистического фермера’, и предпринял меры, чтобы о его присутствии в Антакате не узнали. Он давно понял, что местные жители должны сами заниматься политической работой... иностранцы должны появляться только в крайнем случае, и то как можно незаметнее.

Его план был настолько хорош, что почти заслуживал успеха. Была только одна проблема. В коммунистический аппарат проник шпион Токи, аккуратный и незаметный, с безошибочной памятью.

Через три недели после приезда Винича газета 'Коммунистический фермер' стала появляться почти ежедневно в барах, чайных, офисах, общественных туалетах, на лодках, телегах, в деревнях, судах; в общем, везде. И каждый день в ней сообщалось, что 10-го июня в 14:00 из Мьиткины начнется радиопередача огромной важности с сообщением, имеющим значение даже для некоммунистов.

Десятого июня в Антхкате было мало людей, которые не слушали бы радио. Каким-то образом передача превратилась в критическое событие... Все чувствовали, что это важно.

Незамедлительно в 14:00 10-го июня голос диктора возвестил, что следующие полчаса куплены организацией под названием Бирманская образовательная лига. Затем зазвучал грубый деревенский голос с антхкатским акцентом.

'Мы считаем, что бирманцы Антхкаты были сильно введены в заблуждение злобной пропагандой, направленной против Советской России и коммунистической партии, — медленно произнес местный голос. — Мы считаем, что это плохо. Поэтому сегодня мы предоставляем слово официальному представителю Советского Союза и Коммунистической партии Антакаты. Вы услышите голос Владимира Винича из Москвы, Советской России, который тайно живет в деревне Тонмоу. На прошлой неделе товарищ Винич созвал собрание местных коммунистов, чтобы обсудить, какой будет политика коммунистов в Антхкате. Чтобы убедиться, что коммунизм представлен честно, мы из Бирманской образовательной лиги записали этот разговор на пленку; и сейчас я собираюсь воспроизвести его часть для вас. Коммунисты, как и все остальные, заслуживают того, чтобы о них судили по их собственным словам, а не по словам злобных недоброжелателей. Друзья, следующий голос, который вы услышите, — это голос Владимира Винича из Москвы, Советская Россия, говорящего о целях коммунизма'.

Раздалось царапанье, жужжание магнитофона, какие-то помехи, а затем в эфире появился громкий, резкий голос, говорящий на отличном бирманском языке с русским акцентом.

'Вы спорите уже три часа, а я за это время ни разу не заговорил, — раздался немного усталый голос Винича. — Неважно, что здесь происходит. Я не спрашиваю вашего совета. Я излагаю вам факты... и единственные выводы, которые можно сделать из этих фактов. Во-первых, перестаньте говорить о русских тракторах и обещать, что мы пришлем их сюда. Мы не можем этого сделать. Все, что мы можем сейчас сделать, это поставлять военную технику Хо Ши Мину во Вьетнаме. Во-вторых, покончите с владельцами собственности. Не говорите о социалистической собственности на землю. Это только пугает крестьян. Крестьяне — это отсталые типы.

Им нужна частная собственность, а не колхозы. Позже они поймут необходимость общей собственности, но не сейчас.

— А как же антиамериканская пропаганда, товарищ? — спросил голос.

— Вы зашли слишком далеко, — огрызнулся Винич. Он явно был на грани того, чтобы выйти из себя. — Если зайти в антиамериканизме так далеко, он

превращается в форму шовинизма и бирманцы начинают не замечать недостатков бирманского правительства. Не сваливайте все на американцев, оставьте часть вины для местной оппозиции.

— Сейчас трудно критиковать наше правительство... — произнес один бирманский голос.

— Конечно, это так, — вклинился Винич. — Но надо помнить, что чем хуже, тем лучше. Это еще Ленин говорил. А это значит, что урожай тутовника и риса здесь должен быть неудачным. А это значит, что дорожно-транспортная схема должна провалиться’.

Жужжание магнитофона стало громче, затем прекратилось. Голос местного бирманца, невинный и почти приторный, зазвучал более настойчиво.

‘Мы уверены, что вы благодарны за то, что слышали о принципах и нормах коммунизма и планах русских в отношении Антхкаты из уст высокопоставленного советского представителя, — сказал голос без сарказма. — Мы надеемся, что вы будете вооружены, чтобы не верить в глупую ложь, которую враги распространяют о коммунизме’.

Через день после передачи девять человек снова встретились на поляне в джунглях. Впервые Токи не рвал на мелкие кусочки ветки. Он был доволен собой и тихонько смеялся над шутивными замечаниями своих друзей.

— Сейчас мы должны сделать то же самое в других провинциях Бирмы, — твердо сказал Токи. — И за пределами Бирмы тоже. Например, начинаются проблемы в Сархане. Их язык почти такой же, как наш. Мы можем показать им, как бороться с врагом, пока он не стал слишком сильным, чтобы их завоевать.

Он повернулся и посмотрел на отца Финиана, но не для того, чтобы получить одобрение. Токи и его друзья приняли собственное решение и выбрали свой собственный путь. Взгляд Токи выражал дружбу и равенство.

Отец Финиан почувствовал прилив удовольствия: боль в кишечнике наконец-то исчезла, и он уже прикидывал расстояние до Сархана и надеялся, что тамошняя еда не слишком отличается от бирманской.

Перед тем как покинуть Бирму, отец Финиан добавил абзац в свой личный дневник: “Обнадеживает тот факт, что то, что гуманно, достойно и правильно для людей, также является для них привлекательным, — писал он. — Зло коммунизма состоит в том, что он скрыл от коренных народов тот простой факт, что он намерен их уничтожить. Когда американцы делают то, что правильно и необходимо, они также делают то, что эффективно”.

Джо Бинга любят все

Самым авторитетным источником информации о поездке отца Финиана в Бирму была Рут Джиоти, редактор и издатель газеты “Сеткья Дейли Геральд”, одной из лучших независимых газет Юго-Восточной Азии. Именно Рут первой услышала и распространила историю о приключении Финиана, а также совершила месячную поездку в Северную Бирму, чтобы ее задокументировать.

Рут Джиоти была необычной евразийкой. Ее светлая кожа и светлые волосы были типично англосаксонскими, но другие черты ее лица были азиатскими, — как и ее взгляды. Ее воспитанием и образованием занималась мать-камбоджийка. Это не значит, что она не знала многого о европейцах и американцах. Ее репутация азиатского редактора позволяла ей общаться со многими иностранцами; к тому же она была привлекательной, незамужней и двадцативосьмилетней женщиной.

Рут знала многих американцев. Город Сеткья, где она издавала свою газету, был одним из важных центров американской внешней помощи и просто кишел техническими специалистами Ассоциации международного сотрудничества,¹¹ пресс-агентами ЮСИА и атташе по культуре. Большинство из этих американцев часто обращались к ней за помощью и советом, так что ее приглашение от имени ЮСИА в Америку было неизбежным.

В 1952 году Рут приняла предложение о трехмесячной поездке, чтобы познакомиться с работой прессы в Соединенных Штатах. Ее первое знакомство с Америкой произошло на Гавайях. Она была поражена их красотой и очарованием — после того, как наконец смогла их увидеть. Ее несколько часов продержали в комнате ожидания иммиграционной и таможенной службы для иностранцев. Комната не была ни грязной, ни обшарпанной, но, очевидно, о ней никто никогда не задумывался. А чиновники оказались холодны почти до оскорбления.

Рут была слишком опытным репортером, чтобы терять время или игнорировать первые впечатления, поэтому взяла в руки блокнот.

“Они могут не верить, но в Америке условия для приезжих хуже, чем в коммунистическом Китае, — записала она в своем блокноте. — Где бы вы ни находились в Китае — на каждом заводе, в деревне или спортивном центре — есть гостевой дом. Дом часто бывает грубым, но он всегда лучший из всех имеющихся. И это очень эффективная пропаганда”.

В Сан-Франциско она ждала в аэропорту, пока прибудет ее сопровождающий из Госдепартамента. Купив себе экземпляры “Кроникл” и “Экзаминаер”, женщина уселась в гостевой комнате авиакомпании “Панамерикан” и принялась читать. Она быстро просмотрела обе газеты, и, не найдя нужных ей новостей, на ее лице отразилось разочарование. Она потянулась за блокнотом.

“Сегодня в Сеткье, — записала она, — встречаются лидеры семи крупнейших азиатских государств. Эта конференция может оказать глубокое влияние на азиатско-американские отношения; однако ни в одной из двух крупных газет Сан-Франциско нет упоминания о встрече Южно-Азиатского блока.

¹¹ Англ. *International Cooperation Association (ICA)*.

Интересно, почему американские газеты не сообщают об этих азиатских новостях? Я замечаю, что около 70 процентов газетной площади занято рекламой и комиксами, однако мне нужно прочитать больше газет в разных городах, прежде чем делать обобщения.

Теперь о среднестатистической американке, которую я вижу здесь, в аэропорту. Очень многие из них носят брюки и...”

— Мисс Джиоти?

— Да, — ответила она, подняв глаза. Перед ней стоял обходительный мужчина лет пятидесяти. Сняв свою фетровую шляпу, он слегка поклонился.

— Я Джозеф Риверс из Государственного департамента. Добро пожаловать в Америку. Мне очень понравилось читать ваши статьи об отце Финиане.

— Спасибо, мистер Риверс. Вы слишком великодушны.

— Конечно, мисс Джиоти, как частное лицо отец Финиан имел гораздо больше свободы действий, чем человек, официально работающий на наше правительство.

— Конечно. Из чего можно сделать вывод, что Америке следует поощрять своих частных граждан совершать больше таких поступков, которые совершал отец Финиан.

Мистер Риверс резко посмотрел на нее, и Рут в ответ ему улыбнулась. Больше об отце Финиане они не упоминали.

— Мистер Риверс, не могли бы вы принести мне экземпляр “Нью-Йорк таймс”? — спросила она.

— Конечно, — ответил мистер Риверс, ведя ее через оживленный терминал. — Скажите, мисс Джиоти, не так давно я несколько дней находился в Сеткье. Вы знаете Джо Бинга?

Когда она покачала головой, мистер Риверс был искренне удивлен.

— Но почему? Вы должны его знать! Он начальник отдела информации АМС в Сеткье. Его все знают. О нем была статья в журнале “Лайф” несколько недель назад.

— В Сеткье мы нечасто встречаем “Лайф”, мистер Риверс. Это ужасно дорогой журнал.

— Но вы должны знать Джо Бинга. Он шести футов ростом, толстый, носит клетчатые жилеты “Таттерсалл”. Бездна обаяния; абсолютно мужская ипостась Эльзы Максвелл.¹² Знает всех. Помню, как он сидел в кафе в отеле “Монтень” и кивал всем, кто проходил мимо...

— Кивал всем, кто был европейцем, белым, имел западное образование и был прилично одет, — холодно вымолвила мисс Джиоти. — Теперь я вспомнила этого придурка. Он ездит на большом красном кабриолете, на котором он срезает углы и переезжает через тротуары. И у него именно такой громкий и глупый смех, который стыдно слышать каждому азиату.

— Ну что вы, мисс Джиоти, — укоризненно сказал мистер Риверс. — Старина Джо — опытный газетчик. Он дает все материалы по нашей программе помощи.

¹² Эльза Максвелл была американским обозревателем светской хроники и автором, автором песен, сценаристом, радиоведущей и профессиональной хозяйкой, известной своими вечеринками для членов королевской семьи и представителей высшего общества своего времени.

— Он отправляет их по почте или посыльным, — твердо ответила мисс Джиоти. — И каждый месяц устраивает чертовски большую вечеринку, на которой хвастается, что каждый кусок еды и каждая капля спиртного — из старых добрых Штатов. К тому же по оптовым ценам прямо из армейского продовольственного магазина. Вот уже два года на его вечеринках не было ни одного азиата. На первой вечеринке из напитков у него был только ликер, в то время как буддисты и мусульмане пьют только фруктовый сок, воду или молоко. И слух об этом быстро распространился.

— Мне искренне жаль, что вы не знаете Джо достаточно хорошо, чтобы понять его положительные стороны, — неубедительно произнес мистер Риверс. Его несколько пугала та напряженность, с которой разговаривала мисс Джиоти. Кроме того, он недоумевал, как она может быть другом Америки и при этом говорить такие вещи о старом Джо. В конце концов, все любят Джо Бинга. Его любит министерство, его любят газетчики. Его выбрали для составления расписания поездки Никсона. Как, черт побери, она может говорить такие вещи о Джо?

— Знаете, я узнала о Джо Бинге от отца Финиана, — мило произнесла Рут, когда они садились в лимузин, направлявшийся в Сан-Франциско. — Святой отец написал ему, чтобы узнать, не может ли Джо прислать ему американские шариковые ручки из американского магазина в Сеткье. Священник показал мне потом ответ Джо: “Привилегии магазина распространяются только на американских государственных служащих и членов их семей” с соответствующим постановлением правительства. Это было все.

— Ну, надо же где-то было провести черту, иначе все бы набивались в комиссионки, — сказал мистер Риверс.

— О, я согласна. И в конце концов, отец Финиан хотел использовать ручки в личных целях — в качестве призов туземцам, которые лучше всех распространяли их газету. Сначала это была подпольная газета, но в последнее время она стала одной из лучших сельских газет в Бирме.

— Мы не могли допустить, чтобы отдельные лица использовали вещи из государственных магазинов для поддержки частного бизнеса, — искренне сказал мистер Риверс.

— О, тут я с вами согласна, — ответила Рут.

Мистер Риверс откинулся на спинку сиденья и начал рассказывать о достопримечательностях Сан-Франциско.

Два дня спустя представители прессы Сан-Франциско устроили для Рут ужин, на котором ее попросили сказать несколько слов об американцах, живущих и работающих в Азии. После нескольких любезностей по поводу хорошей еды и американского гостеприимства она энергично взялась за свою тему.

— В целом американцы в Азии неэффективны. Они представляют собой то, что я называю интеллектуальной линией Мажино, полагая, что если они нравятся богатым респектабельным людям, то значит, они хорошо работают. Я могу это понять. Вы смотрите на иностранные лица, слышите незнакомые языки — и вы просто чувствуете себя более комфортно в Пресс-клубе, Американском клубе или

Офицерском клубе. Или в любом другом месте, где спокойные люди носят воротнички и галстуки и говорят по-английски. Но азиаты, которые носят воротнички и галстуки и говорят по-английски, — это особый социальный класс, и большинству американцев очень трудно встретить представителей других социальных классов. И я вынуждена это сказать с сожалением: большинство из вас не прилагают к этому никаких усилий. Я могла бы стоять здесь всю ночь и рассказывать вам истории об одной американской ошибке за другой. Но, возможно, будет полезнее, если я расскажу вам об одном американце, который оказался эффективен.

Это был Боб Мейл из ЮСИА. Не хочу сказать, что все сотрудники Агентства эффективны. Это далеко не так. Но Боб Мейл был именно таким. Он сделал для повышения американского престижа больше, чем кто-либо другой, включая посла.

Боб пробыл в Сеткье около пяти месяцев, прежде чем кто-то из редакторов даже услышал о нем. Обычно первое, что делает новый сотрудник Агентства, — это начинает вмешиваться в нашу работу. Они расшаркиваются и обхаживают нас — если мы говорим по-английски — и начинают строить грандиозные планы в отношении нашей страны, ничего о ней не зная. Это стало такой занозой в заднице, что почти у каждого редактора есть приказ не пускать в свой кабинет ни единого американца. А если кто-то проникает в мой кабинет, я просто делаю вид, что не говорю по-английски.

Боб был другим. Я познакомилась с ним и его женой Доротой на вечеринке, устроенной в его честь наборщиками. Видите ли, вместо того чтобы врываться на самый верх с видом посла, Боб Мейл начал с того, что попытался познакомиться с нашим языком и страной. Он подружился с наборщиками, репортерами, фотографами, тиражниками; показал фотоаппаратам, как увеличить чувствительность фотопленки, чтобы они могли делать фотоснимки в естественной обстановке без вспышки. Он помог им приобрести химикаты; купил вентилятор для темной комнаты и сделал световой шлюз у себя дома.

Он делал все это, не прося благодарности и никому не рассказывая. Взамен он хотел получить репетиторство по нашему языку, уроки нашей кулинарии для Дороты и помощь в устройстве своих детей в наши школы. Он был скромным во всем и ясно давал понять, что, по его мнению, он получает больше, чем отдает.

Не все из этого легко. Я достаточно знаю о западных стандартах, чтобы понять, что отправка американского ребенка в местную школу требует определенного мужества. По вашим меркам азиатские школы грязные, шумные и заразные. Но дети Боба Мейла справились. Один раз они подхватили кожную сыпь, пару раз подрались, но зато получили хорошее образование и поняли, что такое другая жизнь.

Позвольте мне рассказать вам историю, которую вы, как газетчики, оцените по достоинству. Около года назад появилась информация о том, что американский солдат изнасиловал девушку в храме. Из-за упоминания культового сооружения эта история стала сенсацией века. Если бы это попало в заголовки газет, мы бы получили религиозную войну против американцев. Главный американский специалист по связям с общественностью в Сеткье, человек, которого многие из вас наверняка знают, просто засел в своем кабинете и самоустранился. Он никогда не

касался того, что сам называл “туземными противоречиями”. Это означало, что у него не было времени донести это до Вашингтона, чтобы получить ответ.

Боб Мейл, напротив, обратился к редакторам крупнейших газет и новостных служб Сеткья. Он никому не угрожал, не скрывал информацию и не говорил, что эта история будет недружественной по отношению к Соединенным Штатам. Он просто спросил, тщательно ли мы все проверили.

Такие вопросы задают те, кому доверяют. Мы проверили — и все оказалось не так. Американец отправился в бордель, где по причинам, о которых здесь не стоит упоминать, отказался платить при выходе и ввязался в драку. История, которая не стоит и абзаца в любой газете.

Боб никогда не хвастается тем, что делает его контора, да ему и не нужно. В моей стране о добрых делах сообщают по всему миру с помощью бамбукового телеграфа.¹³ А Боб Мейл — самый известный американец в моей стране.

Я бы хотела, чтобы все остальные американцы были такими, как он. И если бы они были такими, коммунисты не смогли бы так долго продержаться в Азии.

¹³ Местный аналог сарафанного радио.

Конфиденциально, лично в руки

От: *Посла Луиса Сирса (Сархан)*
Кому: *Г-ну Декстеру С. Петерсону, Сарханский отдел, Государственный департамент, Вашингтон, округ Колумбия*

Дорогой Декс!

Я пишу это письмо тебе лично (даже сам набираю на машинке этот текст), потому что мне нужна помощь, и я хочу убедиться, что ты знаешь, какие отношения здесь, в Сархане. Честное слово, Декс, эти сарханцы очень хитрые. Иногда мне кажется, что они все коммунисты. И, по правде говоря, я тоже не уверен в лояльности некоторых здешних американцев.

Полагаю, что к настоящему моменту Департамент уже ознакомился со всей ложью, которую печатают в прессе о Сархане. Истории, которые написал репортер “Таймс”, — ложь. Мои отношения с сарханцами не могут быть лучше, и прилагаемая редакционная статья из “Истерн Стар” доказывает это. А его рассказы о том, что я пренебрег этим сумасбродом Колвином из-за незнания обстоятельств, — чистейшая чепуха. Я лично видел Колвина сразу после того, как он попал в беду. Также прилагаются выдержки из сарханских конфиденциальных и личных переписок, опубликованных на следующий день после этого. У Колвина много друзей в Висконсине, и он может поднять шум через своих сенаторов и конгрессменов. Просто покажите им эти вырезки.

У нас тут есть еще один сумасброд — отец Финиан. С этим священником нужно обращаться осторожно. Я не хочу ссориться с римскими католиками, но этот Финиан только что приехал из Бирмы, где начал маленькую революцию; теперь он организует ее здесь, в Сархане, на севере, и местные газеты начинают поднимать шум. Если кардинал Спеллман его поддерживает, то полагаю, что смогу его вытерпеть. Но если католические шишки будут против него, я добьюсь, чтобы его отправили обратно в Штаты.

Декс, если не считать этих двух вещей — и несмотря на газетную ложь, — здесь все идет как по маслу. Сарханские политики продолжают верещать, что если мы не выручим их, то страна станет коммунистической. Не верь этому ни на йоту! Я бываю на чертовски большом количестве светских приемов и официальных обедов здесь, и еще ни разу не встретил ни одного местного коренного коммуниста. И хотя советский посол надул нас на некоторое время с рисом, я распространил сто тысяч листовок, в которых говорилось, что рис поставляли старые добрые США.

В общем, мы здесь в хорошей форме.

Однако мне срочно нужны люди, которым я могу доверять, которые обладают инициативой. Я чертовски устал от того, что все приходится делать самому. Во-первых, нам нужен новый сотрудник по связям с общественностью. Эта девушка, Мэгги Джонсон, ничего, но она слишком часто соглашается с местной прессой. И она постоянно приводит ко мне газетчиков,

особенно американцев, которые донимают меня проблемами, которые их не касаются и с которыми мисс Джонсон должна разбираться сама.

Декс, ты помнишь Джо Бинга? Он произвел на меня большое впечатление, когда выступал перед сенатским комитетом. Ему палец в рот не клади, и у него глаз наметан. Попробуй организовать его назначение сюда, ладно? Он некоторое время служил в Сеткье, так что должен знать азиатскую картинку. А также несколько симпатичных девушек в качестве секретарш — они станут хорошей рекламой Америки и поддержат моральный дух.

Ты умеешь читать между строк, Декс. Я не хочу, чтобы меня торпедировала кучка сумасшедших интернационалистов, которые не знают, с какого конца подойти к делу. И я хочу, чтобы у нас был персонал, которым мы можем гордиться.

Пусть кто-нибудь из персонала займется для нас активным наймом.

Спасибо!

Лу

Возможность трудоустройства за границей

“Возможность трудоустройства за границей” — именно так было напечатано ярко-красным шрифтом в верхней части объявлений. Около 1500 этих красивых рекламных плакатов появились по всему Вашингтону на досках объявлений в правительственных учреждениях, университетских залах, офисах гражданских ведомств, пансионах и дешевых общежитиях, в которых живет так много “правительственных девушек”. Плакаты давали понять, что существует нехватка подготовленных людей для работы за границей; и что если работать за границей, то платить будут хорошо, продвижение по службе вполне возможно, и это будет патриотично — а также появится возможность увидеть экзотические и интересные уголки мира. На плакатах также говорилось, что в конференц-зале Американского университета состоится встреча, на которой выступят “опытные сотрудники дипломатической службы, которые сами жили и работали за границей”. Также будет предусмотрены ответы на вопросы.

К началу встречи конференц-зал был переполнен. Главным докладчиком был мистер Гамильтон Бридж Аптон, который служил консулом в семи различных странах.

Он был олицетворением “Брукс Бразерс”,¹⁴ и Дартмута,¹⁵ уверенность, самообладание, хорошая беседа за коктейлем, никаких грязных шуток, истинный представитель Соединенных Штатов... и все это было правдой. С ним за одним столом сидел очень толстый, теплый, веселый человек по имени Джозеф Ф. Бинг. Он напоминал коммивояжера, выпускника Северо-Западного университета,¹⁶ “большого человека в кампусе”, допстера-инсайдера,¹⁷ хорошего журналиста и человека, который знает свое дело... и все это тоже было правдой.

Мистер Гамильтон Аптон выступал первым, с мастерством и достоинством. Его информация была точной, и слушатели почувствовали, что он — достойный представитель великой державы... человек, который знает, как справиться с трудными ситуациями и хитрыми иностранцами.

— Каждый из нас хотел бы оставаться дома, развиваться в своей профессии, расширять дружеские связи и воспитывать семью, — начал мистер Аптон. — Но во времена столь серьезных кризисов, когда наша страна сталкивается с вызовами, подобных которым она никогда не испытывала, мы также должны осознавать, что у нас, как у граждан, есть обязанности. И не только как у граждан, но и как у

¹⁴ Англ. *Brooks Brothers* — старейший американский производитель мужской одежды и обуви.

¹⁵ Дартмутский университет — частное исследовательское высшее учебное заведение, по традиции именуемое колледжом; один из старейших ВУЗов в США, входящий в элитную Лигу плюща. Один из девяти колониальных колледжей, основанных до Американской революции.

¹⁶ Северо-Западный университет — частный исследовательский университет, основанный в 1851 году, и расположенный в северном пригороде Чикаго, городке Эванстон, штат Иллинойс. Входит в список 20 лучших университетов мира и в десятку лучших университетов США.

¹⁷ Человек, который на основе изучения фактов предсказывает результат спортивного состязания.

членов мирового сообщества. На всех землях нас окружает злой всемирный заговор. Нам нужны наши лучшие люди за рубежом, чтобы помочь сорвать эти умные и зловердные замыслы.

“Мне нравится, что он не называет их коммунистами, этих заговорщиков”, — подумала Мэри Макинтош. Она пришла туда с тремя подругами, все из которых работали в стенографическом пуле Пентагона; жили они все вместе в одной небольшой квартирке недалеко от парка Рок-Крик.

Мистер Аптон говорил минут пятнадцать, создавая впечатление беседы одного высокопоставленного лица с другим. Мэри чувствовала себя впечатленной и вовлеченной в разговор уже от того, что к ней так обращаются.

— А теперь я хотел бы представить вам мистера Джо Бинга, — произнес мистер Аптон, когда закончил. — Мистер Бинг — специалист по связям с общественностью и эксперт по азиатским делам. Он уже несколько лет служит в Сеткье, причем служит отлично. Он попросился на службу в Сархан и, вероятно, в ближайшее время отправится в эту страну. Вот человек, который является экспертом по встрече лицом к лицу с туземцами на равных.

Мистер Аптон сел, а мистер Джозеф Бинг отодвинул стул, поднял свое тело и обойдя стол, сел на край стола. Вся аудитория сразу же расслабилась.

— Меня зовут Бинг, но я занимаюсь связями с общественностью в правительстве, и вы можете называть меня просто Джо, — произнес он. Все засмеялись. Несколько человек в аудитории сказали: “Привет, Джо”, и он помахал им рукой. — Я работаю на таких людей, как мистер Аптон, и скажу вам, что это очень приятно. Иностранные дела — это большой бизнес, и бизнес важный. Вы все это знаете. А теперь, может быть, я расскажу вам несколько вещей о работе за границей на дядю Сэмми, которые вы не прочтете в рекламных буклетах. В конце концов, даже выполняя большую и важную работу, вы все равно должны отдыхать, и я знаю, что вам хотелось бы узнать о неформальной стороне жизни и работы за границей.

Джо потратил несколько минут, рассказывая о том, как добраться до места за рубежом. Самолетом или кораблем, сказал он, но первым классом. Только самое лучшее. Затем он подмигнул, и слушатели заёрзали на своих местах. Мэри Макинтош подалась вперед и обратилась в слух.

— Теперь я знаю, что у вас на уме. По крайней мере, у некоторых из вас, — весело сказал Джо. — Ваша светская жизнь. Ладно, давайте поговорим об этом. Вам придется работать среди иностранцев, но мы не ждем от вас любви к ним только потому, что вы работаете среди них. Мне все равно, куда вы отправитесь работать на дядю Сэмми, но вы будете жить в сообществе опрятных американцев. И у многих из них нет пары, так что если вы не женат или не замужем, одиноко вам не будет.

Мистер Аптон внимательно смотрел поверх головы Джо на какое-то далекое пятно на стене. Но на его лице появился слабый след улыбки, которой все присутствующие были довольны. Они знали, что мистеру Аптону нравится то, что говорит Джо, так же, как и им, и от этого иностранный долг казался семейным делом. Мистер Аптон был правильным, но заботливым отцом, а Джо — дядей, который всегда появляется на Рождество с виски наперевес и подарками в чемодане.

Джо рассказывал об этом двадцать минут. Он умел использовать конкретный пример и отвечать на практический вопрос. Он знал, сколько стоят туфли из кожи аллигатора в Бразилии, сколько стоит виски в Японии, сколько слуг во Вьетнаме, на какую пенсию можно рассчитывать после двадцати лет верной службы. Он рассказывал о военных продовольственных магазинах, где хранится полезная американская еда для американцев, расквартированных по всему миру.

— В Азии можно купить ту же еду, что и в Пеории. Даже, скажем, в Сайгоне есть американское мороженое, хлеб, пирожные и вообще все, что пожелаете, — сказал Джо Бинг. — Мы заботимся о своих людях. Когда живешь за границей, то все равно остаешься на высоком американском уровне.

— Звучит неплохо, не так ли? — прошептала Мэри Макинтош.

Три другие девушки кивнули. Мари догадалась, что все они думают о двухкомнатной квартире, которую они делили на четверых. Двое из них спали на раскладном диване в передней комнате, и им приходилось рано вставать, чтобы накрыть стол к завтраку. Единственной роскошью была бутылка виски каждую пятницу вечером, которую они запивали имбирным элем, потому что никому из них не нравился его вкус.

Джо Бинг закончил свою неформальную беседу, а затем объявил, что он или мистер Аптон будут рады ответить на все вопросы. Никто у мистера Аптона ничего не спросил, но Джо еще полчаса говорил без умолку.

— А как насчет того, чтобы научиться говорить на иностранном языке? — спросила маленькая гибкая девочка. — Я так понимаю, что нужно выучить язык страны, прежде чем туда ехать.

— Минуточку, — произнес Джо, его голос был преисполнен доброго юмора, — кто-то ввел вас в заблуждение. Дядя Сэмми не сумасшедший. Как ты думаешь, сколько в этой стране людей, которые могут говорить по-камбоджийски, по-японски или даже по-немецки? Ну, не очень много. Я и сам не очень хорошо говорю по-русски, но я всегда неплохо устроивался в других странах. Дело в том, что мы не ожидаем от вас знания родного языка. Переводчиков за границей навалом. И, кроме того, лучше заставить азиатов учить английский. Им это тоже полезно. Большинство иностранцев, с которыми вы будете вести дела, прекрасно говорят по-английски.

— Я слышал, что за границей все дорого, — сказал другой слушатель. — Можно ли когда-нибудь сэкономить?

Джо Бинг рассмеялся.

— Послушайте, ваше жилье уже оплачено. Единственные расходы — это еда, спиртное, если вы пьете, одежда и слуги, а за сорок долларов в месяц вы можете купить целую семью слуг.

Заявки подали 67 человек, среди которых были Мэри Макинтош, Гомер Аткинс, инженер по образованию, и газетчик по фамилии Колер. Газетчику было отказано, потому что он однажды написал несколько статей с критикой правительства. Джо Бинг был особенно заинтересован в этих троих, потому что все они заявили, что хотят поехать в Азию. Более того, двое из них упомянули Сархан.

— Знаете, — сказал мистер Аптон неделю спустя, — что-то не так с нашей системой вербовки. За исключением Аткинса, этого инженера, каждый соискатель, работая на правительство, будет зарабатывать больше, чем на своей нынешней работе. Честно говоря, я думаю, что мы получаем недотёп.

— А что не так с тем старым инженером?

— Полагаю, что он, возможно, окажется просто чокнутым. Он сказал, что его нынешний доход от инвестиций составляет 150 000 долларов в год.

Девушка, которую завербовали

Мэри Макинтош было двадцать восемь лет, и примерно раз в неделю она плакала, оставшись наедине с собой. Она была унылой, и она это знала. Ее жизнь была унылой, и она это тоже знала. Ей нужен был муж, и ей это тоже было известно. Единственной надеждой на перемены в рутинной жизни было ее заявление на службу за границей.

Хотя у Мэри было интересное начальство и ответственная работа, жизнь была скучной. Она выходила из квартиры в шесть тридцать утра, чтобы успеть занять место в автобусе, а также чтобы позавтракать в правительственной столовой. Обычно она оставалась в офисе почти до пяти тридцати, а затем ужинала в правительственной кафетерии. Такой распорядок позволял ей избегать переполненных автобусов, и это было гораздо дешевле и проще, чем питаться в переполненной квартире.

Вечера Мэри проходили почти одинаково. После уборки квартиры и стирки она вместе с тремя соседками по комнате садилась перед телевизором.

Затем Мари получила письмо о принятии ее заявления на службу за границей. Она должна была отправиться в Сархан. Через три месяца она приземлилась на аэродроме Хайдхо. Еще через месяц она написала своим бывшим соседкам письмо:

Дорогие Мэри, Джоан и Луиза!

Поездка в Хайдхо была замечательной. Я всю дорогу летела первым классом — настоящий люкс, все оплачено. Это было великолепно. (Помните, как мы летели туристическим классом в Чикаго и упаковывали свои обеды в сумочки, и как нам пришлось стоять в очереди?)

Естественно, я испугалась, когда вышла из самолета в Хайдхо (это столица Сархана). Все было новым, и я не знала, чего ожидать. Но, девочки, в аэропорту меня ждала машина с шофером и комитет по встрече. Мне не пришлось проходить таможеню или что-то еще. Когда я спросила о своем багаже, мистер Престон (мужчина, который пришел меня встречать) сказал, что не стоит беспокоиться, Тонки за ним присмотрит. Тонки — это сарханка, которая работает здесь в посольстве.

Две девушки, которые меня встретили, тоже секретарши, и они сказали, что я могу пожить с ними, если захочу; и сейчас я живу у них.

Вы должны увидеть наш дом (фото прилагается). У каждого из нас своя спальня — и еще одна для гостей. Есть столовая, гостиная и комнаты для прислуги.

Там есть собственная прислуга! Честно. У нас трое слуг, которые присматривают за нами. Это целая семья: отец, мать и четырнадцатилетняя девочка. Они готовят, убирают, стирают — делают все. Как они с нами нянчатся! Когда они будят меня утром, то приносят стакан апельсинового сока и чашку чая. Это настоящая жизнь.

Американцы здесь очень дружелюбны. Все устраивают вечеринки, и их много; каждый вечер проходит как минимум одна коктейльная вечеринка или ужин. Конечно, это легко сделать, потому что у всех есть помощники. Все, что мне нужно сделать, — это узнать у своих соседей, все ли в порядке, а потом позвать слугу.

— Эхibun, — говорю я, — в следующий вторник у нас на ужин приедут десять человек. Ты справишься?

— Да, мэм, — отвечает она, и на этом все заканчивается. И какой же это за ужин на десять персон?! Прямо как в кино!

Спиртное здесь, в государственном винном магазине, очень дешевое. Налог на него не взимается, поэтому “Джонни Уокер Блэк Лейбл”, “Олд Грэнд Дэд” и джин “Бифитер” стоят меньше двух долларов за бутылку. А еще у нас есть кооперативный магазин и военторг.

Если говорить о дешевизне, то я покупаю новый “Хиллман”. Я могу купить его гораздо дешевле, чем в США. Он беспошлинный, и есть специальная договоренность, чтобы правительство доставило его мне из Англии за бесценок.¹⁸

Здесь всего около тысячи американцев, и мы держимся вместе. Это значит, что нас, девочек, приглашают во все места. Я несколько раз была на приемах у посла, на многих ужинах в военно-консультативной группе, в ЮСИА и в экономической миссии.

Что ж, пора ехать в офис — вижу, моя машина ждет у входа. Нас возят на работу и обратно с помощью правительственного автопарка. Сегодня я должна приехать в офис пораньше, чтобы иметь возможность взять длинный обеденный перерыв, потому что у меня назначена встреча с портнихой.

Самое приятное в том, что впервые в жизни я могу экономить деньги. Конечно, моя аренда бесплатна. Моя основная зарплата составляет 3400 долларов, но помимо этого я получаю прибавку к зарплате в размере 680 долларов за счет места службы. Видите ли, оно определяется Государственным департаментом как должность с тяжелыми условиями.

С любовью ко всем вам,
Мэри

¹⁸ Здесь идет речь о покупке автомобиля компактного класса британского производства.

Посол и работающая пресса

Прошел год после прибытия посла Сирса в Хайдхо, и наступил Месяц Кабана, середина влажного сезона. Весь день и всю ночь не переставая шли тропические дожди. На улице были только крестьяне, которые плескались на грязных улицах в соломенных плащах и огромных соломенных шляпах. Повсюду стоял запах сырости, напоминавший запах грибов. Даже в кондиционированных комнатах американского посольства не было по-настоящему сухо.

В сырое время года иностранцы, одетые в тесную западную одежду, страдали от различных кожных раздражений, в основном от различных разновидностей грибка. Раздражительность становилась естественной. Именно в этот влажный сезон произошел инцидент с Королевской сарханской авиабазой.

Примерно за пятьдесят лет до этого правительство Соединенных Штатов приобрело тысячу акров земли на окраине Хайдхо. Каковы были планы на этот участок, никто не помнит, и земля простояла без дела до 1947 года. Во время сезона дождей того года сарханские ВВС попросили использовать это место для тренировок; он представлял собой высокий, твердый, ровный участок земли, который можно было использовать круглый год. Разрешение было получено, и королевская казна Сархана потратила много миллионов на благоустройство территории. Вполне естественно, что вокруг появились фешенебельные пригороды, и американский участок стал одним из самых ценных объектов недвижимости в Сархане.

Инцидент начался с того, что во враждебно настроенной к Америке газете был напечатан слух о том, что Королевские сарханские ВВС должны быть выселены с американской территории, чтобы американские земельные спекулянты могли продать ее под застройку. На следующий день эту историю подхватили все остальные сарханские газеты; и агентства “Паназия Пресс”, и “Юнайтед Пресс”, и “Ассошиэтед Пресс”, и Международная служба новостей. Об этом упомянули также ТАСС, Рейтерс и Франс-Пресс.

Вражеская газета изо дня в день помещала эту историю в своих заголовках.

“Наша информация должна быть правдивой, — писали они, — потому что никто в американском посольстве ее не отрицает”.

Редактор англоязычной газеты, американец, позвонил в ЮСИА.

— Послушайте, — сказал он, — эта глупая история, которая, как я знаю, должна быть ложью, вредит Соединенным Штатам. Сегодня днем я соберу редакторов четырех ведущих газет и приведу их к послу. Я задам ему прямой вопрос об учебной зоне ВВС. Как только он скажет, что это неправда, история заглохнет. Кроме того, это заставит коммунистическую прессу потерять лицо. Как насчет двух часов дня?

Джо Бинг, новый сотрудник по связям с общественностью, находился в культурной поездке в Гонконге, и его помощнику, пресс-атташе, пришлось нести на себе весь груз ответственности. Когда он сказал послу Сирсу, что интервью с ним будет во второй половине дня, лицо посла покраснело, а глаза выпучились.

— Нет, ей-богу! — выкрикнул он, ударяя по столу, — вы не будете портить мне жизнь на этом этапе игры. Видите это? — крикнул он, протягивая письмо. — Оно от президента. В нем говорится, что через четыре месяца освободится должность федерального судьи, и он будет рад, если я ее займу. И я намерен это сделать. И до этого времени я не намерен связываться с кучей скунсов. Скажи Джо Бингу, чтобы он разобрался с этим!

— Он в Гонконге, сэр.

— Ну тогда ты позаботься о них.

— Они хотят видеть вас, сэр. Я уже пытался их задержать.

Посол откинулся в кресле, и в его глазах появилось лукавое выражение.

— Хорошо, — произнес он. — Пусть приезжают. Вы можете привести своих радикальных друзей сюда в два часа. Я буду готов.

В два часа дня пятеро редакторов газет вошли в кабинет посла.

— Садитесь, господа. Что я могу для вас сделать?

Американский редактор сказал:

— Господин посол, ходит слух, что США собираются выселить ВВС с земли, предоставленной им Соединенными Штатами. Это означает, что все их здания стоимостью в миллионы долларов должны будут исчезнуть. Предполагается, что эта собственность будет передана американским торговцам недвижимостью для продажи под застройку.

— Да, джентльмены. Я читал эту историю.

— Итак, сэр, это правда или ложь?

Посол на мгновение замешкался. Он ткнул концом карандаша себе в ухо, потом пригладил седые волосы, потом посмотрел на потолок.

— Джентльмены, — произнес он наконец. — У меня нет комментариев.

Четыре азиатских редактора удивленно посмотрели друг на друга, поблагодарили посла и ушли. Американец же остался, и когда все вышли, он вскричал:

— Ради Бога, вы должны прокомментировать! Ведь это то же самое, что сказать, что это правда! Черт возьми, об этом узнает весь мир. Вы же знаете, что эта история с выселением — чертова ложь!

— Честно говоря, сынок, — сказал посол, — я не знаю, правда это или нет.

— Тогда отправьте телеграмму в Вашингтон и спросите их, правда ли это!

Посол нажал кнопку на своем столе. Через минуту вошел заместитель главы дипломатической миссии.

— Да, сэр?

— Эй, Чарли, — сказал посол. — У Смита есть чертовски хорошая идея...

Тринадцатого февраля в посольстве США в Сархане было получено следующее сообщение:

От Декстера Петерсона, лично послу.

Это предварительное уведомление о том, что Ваша судейская должность утверждена президентом и вступит в силу сразу после вашего возвращения.

Полагаю, что вашей заменой станет Гилберт Маквайт.

Поздравляю.

После того как его должность судьи была подтверждена, Лаки Луи был несколько опечален тем, что ему придется покинуть Сархан. Почти сразу же он почувствовал теплую привязанность к этому месту.

Однако его привязанность была не настолько сильной, чтобы он забыл о практических политических делах. Прежде чем устроить одну из самых приятных вечеринок в истории Хайдхо, он сделал следующие три вещи.

Он отказал в защите некоему отцу Финиану, сославшись на то, что тот намерен “участвовать во внутренней политике другой державы”.

Он снова рекомендовал сарханскому правительству отказать в визе некоему Джону Колвину, который, пройдя курс лечения в больнице Джона Хопкинса, теперь хотел вернуться в Сархан. Сделал он это по телефону, поскольку не любил, чтобы подобные вопросы становились частью официального протокола. Пользы они никому не приносили.

И написал длинный подробный отчет в Государственный департамент, в котором указал на успехи, достигнутые в Сархане за время его пребывания в этой стране. Он отметил, что “всегда найдутся те, кто будет придирается к здоровой политике или преувеличивать обычные внутривластные трения. Сархан как никогда твердо стоит на стороне Америки”.

У всех есть уши

Достопочтенный Гилберт Маквайт, посол в Сархане, был мужчиной крепким. В свои сорок четыре года он весил столько же, сколько и в 1934 году, когда окончил Принстон. У него были рыжие волосы, крепкое и мускулистое тело. Когда он находился в Штатах или в Англии, то играл в сквош не менее трех раз в неделю, а в других странах всегда успевал поиграть в теннис. Курил он мало, и всегда тонкие гаванские сигары ручной скрутки. Мог выпить много алкоголя, не пьянея. Посол предпочитал мартини, и то только один или два бокала за вечер; но при необходимости мог выпить огромное количество водки, sake или виски, и его язык никогда не развязывался, а ум редко когда притуплялся.

С первого дня работы в Государственном департаменте Маквайт был профессиональным сотрудником дипломатической службы. Его не нужно было вводить в курс дела. Он был компетентен, точен и очень эффективен. Он также обладал хорошим воображением, был смел и откровенен. Во время маккартистских волнений он сохранял спокойствие и бесперебойно руководил своим отделом. К 1952 году он работал генеральным консулом в четырех крупных зарубежных городах, заместителем главы миссии в двух городах, и руководство считало его перспективным сотрудником.

В 1954 году достопочтенный Гилберт Маквайт был назначен послом в Сархане, и это назначение доставило ему огромное удовольствие. Он знал, что правительство Сархана было новым, неопытным и шатким, а среди восемнадцати миллионов сарханцев нарастало волнение. Он знал, что коммунисты в Сархане сильны, компетентны и хорошо организованы; у него не было ни малейших сомнений в том, что они попытаются совершить переворот против правительства. Знания Маквайта о марксизме и ленинизме, а также о титоистской и маоистской версиях этой веры впечатляли; он был признанным экспертом по советской политической теории и практике.

Посол Маквайт готовился к своему новому назначению с тщательностью, соответствующей лучшим традициям миссионерской веры. За пятнадцать недель невероятно трудной работы он выучил сарханский язык; прочитал все книги по истории и политической жизни Сархана, которые только смог найти; побеседовал с антропологами, социологами, политологами, дипломатами и бизнесменами, посетившими Сархан за последние несколько лет; прочитал отчеты своего предшественника Луиса Сирса.

Хайдхо оказался почти невероятен. Город расположен на высоком плато, с которого открывается вид на Тихий океан; хотя лес давит на дома тяжелой зеленой массой, каждый из них выглядит изящным и нетронутым. Жители Сархана не возводили монументальных построек. Большинство общественных зданий и почти все частные дома были построены из светло-желтого вулканического камня, который под воздействием тропического климата и постоянных дождей в джунглях покрывался светло-зеленой патиной, что образовывало в результате тончайший, едва уловимый эффект, создавая видение города, словно укрытого под водой.

В Хайдхо было жарко, но ни Гилберта, ни его жену Молли это не огорчало. Они были готовы переносить жару тропиков, и ни они, ни их мальчики никогда не жаловались на трудности. Действительно, глядя из верхнего окна своего посольства на плато и океан за его пределами, distinguished Гилберт Маквайт осознавал, насколько он поглощен своей работой. За шесть месяцев пребывания на Сархане он почти не замечал климата. За эти шесть месяцев посол продумал линию борьбы с коммунистами — проникательно, терпеливо, с безграничным воображением, после почти бесконечных консультаций с туземными лидерами и, как ему казалось, с уверенностью в победе. Планирование велось в абсолютном секрете; фактически только три сотрудника посольства США знали о быстрой, безжалостной кампании, которая вскоре должна была состояться. Чтобы обеспечить максимальную безопасность, Маквайт проводил все свои секретные обсуждения в уединении своей резиденции.

По поводу предстоящего сражения посол был преисполнен энтузиазма. Он трезво оценивал силы коммунистов в Сархане, но и не недооценивал свои собственные возможности. На самом деле Маквайт считал предстоящее сражение с коммунистами вершиной своей дипломатической карьеры. Он рассматривал ее как битву, в которой проникательность бизнесмена, тактическая изобретательность военного, ум и настойчивость дипломата будут объединены для достижения победы, которая, — хотя посол старался и не высказывать это в столь высокопарной форме, — окажется почти его личной победой.

Сегодня днем он намеревался дополнить еще один фрагмент своей стратегии против коммунистов. Он ждал distinguished Ли Панга, представителя генералиссимуса Чан Кайши. Посол Маквайт пригласил Ли приехать в Сархан, чтобы встретиться с местными китайскими лидерами. Большинство местных китайцев жили в Сархане на протяжении пяти поколений, считали себя коренными сарханцами и были очень патриотичными. Но, как бы это не звучало странно для западного ума, они также считали себя патриотами Китая и не видели никакого конфликта в этом двойном обязательстве.

Ли и Маквайт были старыми друзьями. Они оба были бизнесменами, и хотя ушли из бизнеса по разным причинам, оба остались богатыми. Оба они были солдатами, и, по любопытному совпадению, оба являлись приверженцами протестантизма. Они понимали друг друга с полуслова. Маквайт был уверен, что Ли поможет вовлечь местных китайцев в борьбу с коммунистами, и убедившись в этом, он был готов действовать.

Выглядывая из окна посольской резиденции, посол Маквайт не мог не заметить, что в комнате позади него находятся Дональд и Роджер. Их едва слышная суэта успокаивала его. Дональд и Роджер были пожилыми китайцами. Единственными английскими словами, которые они знали, были имена, данные им их американскими работодателями, и несколько необходимых бытовых терминов. Они были надежными слугами посольства с тех пор, как американский посол в Сархане нанял их в 1939 году. Работали они с эффективностью, преданностью и добротой, которые Маквайта не переставали умилять. Они часто помогали Молли с мальчиками; были отличными поварами и превосходными дворецкими; являли собой символ добропорядочных азиатов, и благодаря им вся

борьба, в которую был вовлечен Гилберт Маквайт, обретала смысл и значение. Они олицетворяли собой честь и нравственность, которым учил Конфуций.

Посол Маквайт повернулся и направился к лестнице, когда к нему подошел мистер Ли.

— Ваше превосходительство, я приготовил кувшин очень сухого и холодного martin в вашу честь, — произнес посол, улыбаясь.

— Ваше превосходительство, я готов выпить весь кувшин, — улыбнулся в ответ Ли. — Я когда-нибудь рассказывал тебе, Гилберт, историю о женщине, которая застряла в туалете на тридцать четвертом этаже отеля “Уолдорф-Астория”¹⁹ и жила на martin, потому что только его можно было влить через замочную скважину?

Посол Маквайт рассмеялся и налил martin в очень большие и холодные бокалы. На протяжении десяти минут они пили и тихо разговаривали. Еще через полчаса к ним должна была присоединиться Молли, после чего они будут долго и приятно ужинать, но прежде, чем спустится его супруга, Маквайт должен был поговорить с Ли. Когда гость закончил рассказывать свою историю, посол наклонился к нему.

— Ли, я был откровенен с тобой, а ты, полагаю, был откровенен со мной, — сказал Маквайт. — Я хотел бы обсудить с тобой один вопрос, который, на мой взгляд, имеет огромное значение.

— Если я могу чем-то помочь тебе, Гилберт, можешь быть уверен в этом, — ответил Ли. Маквайт выдержал паузу, пока Дональд наполнял их бокалы martin; затем он заговорил.

— Проблема проста, Ли, с твоим военным образованием ты быстро ее поймешь, — продолжил американец. — Это вопрос стратегической разведки. Я хотел бы знать, кто из китайских лидеров симпатизирует коммунистам. У меня есть абсолютно безупречный план, как убрать их из страны...

Улыбка не исчезла с лица гостя, но каким-то неуловимым, быстрым образом все выражение его лица изменилось. Он по-прежнему улыбался, по-прежнему потягивал martin, по-прежнему держался уверенно, но глаза его стали ледяными, и он смотрел через плечо Маквайта на Дональда и Роджера, которые стояли у сервировочного столика в пятнадцати футах от него. Гость негромко рассмеялся, но Маквайт понял, что в этом смехе прозвучало предупреждение. Настроение беседы изменилось, и посол, как тонко чувствующий человек, понял, что угодил в беду.

— Пойми меня правильно, Ли, я не стану использовать эту информацию, чтобы навредить добропорядочным китайцам в Сархане, — сказал Маквайт. — Она будет предназначена только для моих ушей, но, думаю, ты понимаешь, что она будет иметь решающее значение в предстоящей борьбе с коммунистами в этой стране.

¹⁹ “Уолдорф-Астория” (англ. *Waldorf Astoria*) — фешенебельная многоэтажная гостиница на Манхэттене в Нью-Йорке; на момент постройки — самая высокая в мире. Расположена между 49-й и 50-й улицами и Парк-авеню и Лексингтон-авеню. Являясь символом гламура и роскоши, до сих пор является одним из самых престижных и известных отелей в мире. Имеет статус национальной исторической достопримечательности.

— Я знаю об этом, Гилберт, — произнес Ли. — Сразу видно, насколько важен этот вопрос.

— Но в какой-то степени тебя это беспокоит?

Долгим медленным глотком гость допил мартини и поставил пустой бокал на стол, затем зажег сигарету, глубоко вдохнул и затушил ее в пепельнице. Когда он поднял глаза, его лицо было для Маквайта совершенно чужим. Впервые в жизни посол увидел совершенно разъяренного восточного человека, и американец был потрясен.

— Гилберт, ты дурак. Большой дурак, — произнес Ли. — Я говорю тихо, чтобы мой голос слышал только ты. Обсуждать столь важные дела со слугами в комнате...

Маквайт перебил его:

— Дональд и Роджер стары и доверчивы. Они ни слова не понимают по-английски. И они находятся на другом конце комнаты за ширмой.

— Никому, Гилберт, никому нельзя доверять, будь то старый слуга или нет, — ответил Ли. — Неважно, где он находится — рядом с тобой или в подвале.

По белым отметинам вокруг носа и рта Ли Маквайт понял, что тот не шутит.

— Позволь мне успокоить тебя, Ли, — сказал посол. — Ни Дональд, ни Роджер не понимают ни слова по-английски. Прежде чем нанять их, я проверил их полномочия в органах национальной полиции Сархана. Мой предшественник поручился за их честность и порядочность. В 1941 году эти люди закопали ценности посольства, когда пришли япошки. После войны они вернулись и вернули их. Вон тот серебряный сервиз — одна из спасенных ими вещей.

Когда гость заговорил, его голос был по-прежнему ровным и холодным, но морщины вокруг носа и рта не исчезли.

— Гилберт, я должен повторить это еще раз: я только что видел, как ты сглунил.

Ли не мог сказать ничего более оскорбительного для Маквайта. Гость обвинял посла в том, что тот не проявляет жесткости и не заботится о безопасности, — в том, чем он сам и гордился. На самом деле, хотя он и не сказал об этом своему другу, Маквайт расставил тщательно продуманные ловушки, чтобы убедиться, что Дональд и Роджер говорят только по-китайски. Он часто отдавал им поручения по-английски, и когда их шаги не прерывались, а лица не меняли выражения, он был уверен, что они не знают английского. Он также был уверен, что они не умеют писать. Он никогда не видел ни одного из них с ручкой или карандашом в руках, и ни один из них никогда не отправлял письма из дома.

Маквайт нахмурился, на его лице отражались его мысли. “Эти два китайца — мои друзья. Они служат Америке уже почти двадцать лет. Во время войны они рисковали своими жизнями ради нас”.

Выражение лица Ли ничуть не изменилось. Он подошел к бару, взял кувшин с мартини и наполнил бокал Маквайта и свой собственный. Затем он сел лицом к американцу.

— Ты умный человек, Гилберт, — сказал Ли. — Если бы тебе нужна была информация из американского посольства, где находилось бы идеальное место для твоего шпиона?

— На должности секретаря посла.

— А помимо этого?

— На месте его камердинера, — неохотно ответил Маквайт.
— А еще?
— В месте оператора коммутатора.
— Должен ли твой шпион быть подозрительным персонажем или тем, кто заслужит доверие своего босса?

Маквайт резко поднял голову. Впервые он почувствовал вспышку сомнения, крошечную грызущую тревогу. Все эти и многие другие должности в посольстве — переводчики, посыльные, шоферы, клерки — были заняты азиатами. И он вдруг понял, что во всех посольствах США в мире, во всех офисах ЮСИА, миссиях военной помощи, торговых представительствах эти уязвимые должности занимают иностранцы. Он начал автоматически, но с легкой паникой анализировать, как он допустил подобное в своем посольстве.

— Сколько времени у нас есть до того, как к нам присоединится Молли? — тихо спросил Ли.

— Почти двадцать минут, — ответил Маквайт.

Гость откинулся в кресле и прорычал какую-то команду на китайском языке. Почти сразу же Дональд и Роджер рысью бросились вперед. Дональд быстро оглядел комнату в поисках кувшина для мартини, поднял его и плеснул в него джина и чуточку вермута. Затем он встал перед двумя мужчинами и молча наполнил их бокалы. Ли допил половину свежего мартини, поставил его на кофейный столик и медленно встал. Что-то в его позе, какая-то легкая угроза на лице заставили Дональда и посла Маквайта внимательно за ним наблюдать. И когда он встал, Ли изменился. Улыбка исчезла с его лица, тело напряглось, словно от огромного напряжения. Хотя он был на шесть дюймов ниже Дональда, слуга резко отпрянул назад, словно ему угрожали. Заговорив на сарханском языке, Ли приказал Роджеру покинуть комнату. Затем, буравя его твердым, как кусок охлажденной стали, взглядом черных глаз, Ли повернулся к Дональду, медленно заговорив с ним по-китайски так, что Маквайт без труда понял, о чем идет речь.

— Американский посол сообщил мне, что из этого посольства крадут вещи, — произнес Ли низким, жестким голосом. — Пропали ценные наручные часы. Пропали четыре бутылки шотландского виски. Посол намерен найти того, кто украл эти вещи, и мы знаем, что вор, этот хитрый мерзавец, — это вы.

Дональд пронзительно запротестовал. Он никогда ничего не крал, завопил он и умоляюще посмотрел на Маквайта. Ли шагнул вперед и ударил Дональда по губам.

Маквайт был потрясен. Пальцы гостя оставили на щеке Дональда четыре красных следа. Старое и доброе лицо Дональда исказилось от удивления, челюсть отвисла.

Как ни в чем не бывало, Ли повернулся к Маквайту, и отчетливо заговорил с послом по-английски.

— Он отрицает, что украл виски и часы, — сказал Ли, — но он лжет. Как только мы установим, что он их украл, мы сможем спросить его о пишущей машинке и портфеле. Вот то, что нам действительно нужно.

Маквайт кивнул, принимая обманный трюк Ли, но он был зол. Кроме того, его поразила перемена в его госте. Ли всегда казался ему англазированным, открытым и прямым. Ли знал американские шутки, английские баллады,

ирландские диалекты. Он был таким же американцем, как и продавец тракторов. Но сейчас он выглядел угрожающе, скрытным, собранным в своей жестокости азиатом. Каждое слово, произнесенное Ли, было подобно удару хлыста.

Маквайту уже доводилось видеть допросы. Во время войны он сам заслужил репутацию искусного дознавателя. Но ничего подобного он ранее не видел. Это был не столько допрос, сколько целенаправленное уничтожение человека. То, что делал Ли, напоминало физическое нападение, направленное на уничтожение Дональда. Маквайт только и мог делать, что не перебивать.

С изысканными подробностями Ли рассказывал Дональду о неофициальных наказаниях за ложь. Он рассказал о сержанте сарханской полиции, который специализировался на том, как отбивать гениталии; о капрале полиции, который искалечил обычного вора на всю жизнь. Он рассказывал об этих фактах так, словно они были обыденными, заурядными и хорошо известными, и это придавало им ужасающую достоверность.

— Теперь, Дональд, ты знаешь, какое наказание полагается за ложь, — спокойно подытожил китаец. — Я предупреждал тебя. Поэтому скажи мне правду. Вот и все... только простую правду. Когда ты это сделаешь, ты сможешь уйти.

Его голос закончился успокаивающе, но затем сменился властным суровым тенором.

— Ты говоришь, что родом из Маукунга, — продолжил Ли. — Это в западной провинции Чечвань. Ты когда-нибудь слышал о Пенг Техуае? Отвечай быстро! Немедленно!

Дональд заколебался и облизал губы.

— Да, я слышал о нем, — ответил он.

— Ты уходил с Пенгом и его коммунистами в Шэньси в 1934 году? — спросил Ли.

— Нет, не уходил.

— Где ты был в 1934 году? Ты ходил в школу. Твой акцент выдает образованного человека. Но ты сын крестьянина-свинопаса из Чечваня, а в этой провинции нет ничего беднее крестьянина-свинопаса. Откуда у тебя взялись деньги, чтобы ходить в школу? — спросил Ли, и в его голосе прозвучала ненависть.

Дональд покраснел от гнева.

— Даже сын крестьянина-свинопаса может ходить в школу... — начал было слуга, но Ли резко оборвал его.

— Да, если коммунисты дадут ему денег на обучение!

— Я этого не говорил. Я пытался сказать...

— Ты пытался солгать! Ты сказал послу Маквайту, что не умеешь писать, но уже признаешься, что ходил в школу в Маукунге.

Глаза Дональда моргнули, в них мелькнул непроизвольный отблеск удивления.

Ли резко сменил тему и начал расспрашивать Дональда о его семье, но никогда не давал слуге закончить ответ. Всякий раз, когда Дональд колебался, Ли подсказывал ответ, и каждый из ответов гостя порочил слугу. Ли оскорблял Дональда и дразнил его за то, что он коммунист; затем он предположил, что любой честный китаец должен быть коммунистом; истолковал молчание слуги как согласие и напал на него в связи с этим. Он высмеял предков Дональда и

пригрозил, что его дети будут затравлены до смерти агентами Чана. Ответы Дональда становились все более напряженными, все более запутанными, все более защищающимися, и Маквайту впервые пришло в голову, что часть выводов Ли может оказаться верной.

Затем Ли внезапно стал выглядеть ужасно уставшим. Казалось, он уменьшился в размерах, стал более безобидным. Тон его голоса изменился на умоляющий. Казалось, он желает, чтобы допрос закончился.

— Помоги нам всем, Дональд, — тихо сказал Ли. — Скажи нам, где виски и наручные часы. Это все, что нам нужно. Тогда ты можешь уйти.

Дональд выпрямился; казалось, его сила росла по мере того, как Ли слабел. Маквайт почувствовал, как к нему возвращается уверенность в его слуге. Он почувствовал проблеск восхищения мужеством старика. Дональд даже слегка улыбнулся.

— Я ничего не знаю ни о наручных часах, ни о виски, — легко произнес он. — Но я знаю, что пишущая машинка и портфель не были украдены. Они находятся в кабинете посла Маквайта. Я видел их там.

Ли крутанулся, быстрый и резкий, как мангуст, и страшный, как тигр, готовый убить.

— А кто говорил что-нибудь о пишущей машинке или портфеле, Дональд? — закричал он. — Кто? Где ты это услышал?

На лице слуги отразилось потрясение.

— Ты услышал о них, потому что я упомянул об этом по-английски послу Маквайту, — заключил Ли, и теперь он разговаривал по-английски. — Ты понимаешь по-английски; и вот уже несколько месяцев подслушиваешь, что говорит посол, пока подаешь мартини, собираешь подносы и убираешь окурки.

Он приблизил свое лицо к лицу Дональда. Его напряжение было таким ужасным, его присутствие таким угрожающим, что слуга застыл на месте.

— Да, я солгал, — произнес Дональд по-английски. Это был не безупречный английский, но это был английский, и в его голосе звучали и ужас, и унижение. — Я сделал это только потому, что коммунисты держат моих детей в Маукунге. Они убьют их, если я не буду снабжать их информацией.

— И ты рассказал коммунистам о планах посла Маквайта разгромить их в Сархане, — сказал Ли, и на этот раз это был не вопрос. Дональд тупо кивнул.

— Ты можешь выйти из комнаты, но не покидай дом, — приказал китаец. — Нам нужно будет поговорить с тобой позже.

Дональд ушел, а Маквайт смотрел ему вслед. Посол понимал, что вся его тщательная работа, потраченные миллионы долларов, хитроумная стратегия — все это оказалось напрасным. Он знал, что он, почтенный Гилберт Маквайт, совершил ужасную ошибку. Где-то в его тщательно тренированном уме, в его строгом образовании, в его миссионерском рвении образовался изъян, и это очень сильно задело его. Под внешней маской смирения, которое он всегда сознательно держал на поверхности и в которое всегда верил не только как в необходимость иметь дело с миром, не только как в требование социального человека, не только как в необходимое качество восприимчивого ума, но и как в реальность самого себя, — под этим смирением скрывалось жесткое эго, заставлявшее его фатально верить в свои собственные, ничем не подкрепленные суждения. Он не знал, где оно

находится, как оно туда попало и даже как его удалить. Но он знал, что оно там есть, и ненавидел Ли за то, что тот продемонстрировал это ему. Но он был слишком упрям и аналитичен, чтобы оставаться ошеломленным.

Посол медленно поднял голову. Ли стоял перед окном и смотрел на прекрасную сельскую местность Сархана, на белоснежные облака сарханского неба. Гость повернулся лицом к Маквайту.

— Мне очень жаль, Гилберт, — мягко произнес он. — Нелегко быть жестоким со стариком. Нелегко также испытывать сомнения в таком опытном и целеустремленном человеке, как ты. Но это было необходимо. А необходимые вещи не всегда приятны. Это было очень, очень плохо.

Они оба стояли молча, глядя на пейзаж, когда по лестнице спустилась Молли в простом светло-голубом дорогом платье и магазина “Сакс” на Пятой авеню²⁰ и задорным голосом потребовала мартини.

Маквайт давно усвоил, что упреки — это своего рода роскошь, и никогда не позволял себе такого удовольствия. Он знал, что совершил ошибку, и знал, что это была ошибка как в суждениях, так и в информации, которой он обладал. Два дня он спокойно сидел в своем кабинете, анализируя свои ошибки, характер проблемы и альтернативные варианты, открывающиеся перед ним.

Он понял, что недостаточно знает об азиатской личности и о том, как она играет в политику. Во всем этом была какая-то холодность, элемент законченности, с которым он никогда раньше не сталкивался. Политика в Азии разыгрывалась по общим ставкам. Он также понял, что может учиться на опыте других.

Вечером второго дня Маквайт отправил в Государственный департамент телеграмму:

Прошу разрешения на поездку на Филиппины и во Вьетнам, чтобы из первых рук узнать, как они справляются с внутренней коммунистической проблемой ТЧК Убежден, что моя максимальная эффективность зависит от широкого знания азиатских проблем ТЧК Уже совершил одну серьезную ошибку и больше не хочу ее повторить ТЧК Джордж Свифт полностью компетентен, чтобы справиться с обязанностями в мое отсутствие ТЧК Проконсультировался с Министерством иностранных дел Сархана, и поездка получила их поддержку ТЧК

Через двенадцать часов Госдепартамент ответил, что предложенные поездки одобрены.

Первым, кого Маквайт увидел на Филиппинах, был Рамон Магсайсай. Будучи министром обороны, Магсайсай вел долгую и изнурительную борьбу с коммунистическими гуками на Филиппинах. Позже он возглавил единое правительство, которое эффективно управляло огромным архипелагом.

²⁰ Один из самых известных и престижных в мире универмагов, находится напротив Рокфеллер центра, на Пятой Авеню между 49-ой и 50-й улицами.

Магсайсай и Маквайт говорили долго и серьезно, и записи Маквайта об этой беседе стали содержанием длинного (и хорошо забытого) отчета, который был отправлен в Государственный департамент. Однако Магсайсай сделал одно замечание, которое Маквайту не пришлось излагать в письменном виде, и о котором он никогда не забывал.

— Простой факт, господин посол, заключается в том, что обычные американцы в своем естественном состоянии, если позволите так выразиться, являются лучшими послами, которых только может иметь страна, — произнес Магсайсай. — Они не подозрительны, охотно делятся своими навыками, они щедры. Но когда они уезжают за границу, с большинством американцев что-то происходит. Многие из них не становятся людьми средних достоинств... они становятся второсортными. Многие из них, вопреки собственному мнению, чувствуют, что должны жить вместе со своими магазинами, большими машинами и вечеринками с коктейлями. Но если вам попадется американец, неподверженный этому влиянию, сэр, у вас будет преимущество. И если вам такой попадется, дорожите им — держите его подальше от коктейлей, от бюрократов, и пусть он работает по-своему.

— Вы знаете кого-нибудь поблизости? — язвительно спросил Маквайт. — Мне бы не помешали несколько таких людей в моем штате.

— Знаю, — сказал Магсайсай. — Полковник Хилландейл по прозвищу Рэгтайм Кид. Он может сделать все. Но надеюсь, вы не станете красть его отсюда.

Маквайт отметил это имя.

— Что бы вы еще сделали на моем месте? — спросил Маквайт.

— Я бы поехал во Вьетнам и посмотрел на бои, которые идут вокруг Дьенбьенфу, — без колебаний ответил Магсайсай. — Я знаю, что вы дипломат и что война не должна быть вашей игрой; но очень скоро вы поймете, что государственная власть, дипломатия, экономика и война просто не могут быть отделены друг от друга. И если вы будете держать глаза и уши открытыми, вы начнете видеть некоторые связи между ними. Этому нельзя научиться по книгам; это нужно почувствовать.

Рэгтайм Кид

В военно-воздушных силах служит человек с невероятным именем Эдвин Б. Хилландейл. Буква “Б” означает “Барнум”. Полковник Хилландейл — один из тех счастливых, раскованных людей, которые могут танцевать и пить всю ночь, а затем явиться на построение в восемь свежим и отдохнувшим. Однако полковник редко танцует и пьет всю ночь. Около двух часов ночи он обычно присоединяется к оркестру на джем-сейшн, играет на своей губной гармошке рядом с микрофоном, импровизируя, как сам Сатчмо.²¹ Когда он играет с хорошим составом, это звучит как концерт для джаз-бэнда с губной гармошкой.

Но джаз — не единственное удовольствие полковника. Ему любит поесть, и он любит быть с людьми. С любимыми людьми.

В 1952 году полковник Хилландейл был направлен в Манилу в качестве офицера связи с чем-то или кем-то. За короткое время Филиппины очаровали его. Он питался в маленьких филиппинских ресторанчиках, запивая огромные порции адобо, панчит²² и риса филиппинским ромом, который стоил два песо за пинту. Он принимал все филиппинское — даже посещал в свободные часы университет, чтобы изучать тагальский язык.

Полковник Хилландейл стал персональной достопримечательностью Манилы. Политики и интеллектуалы ласково называли его доном Эдвином, таксисты, продавцы балута²³ и официанты — Американо Иллюстрадо, а музыканты — Рэгтайм Кидом. Советник в американском посольстве всегда отзывался о нем как об “этом сумасшедшем ублюдке”.

Но уже через полгода этот сумасшедший ублюдок завтракал с Магсайсаем и вскоре стал его неофициальным советником.

Летом 1953 года Магсайсай участвовал в президентской кампании. Он объехал весь Филиппинский архипелаг, и везде его встречали с энтузиазмом. Везде — за исключением одной провинции к северу от Манилы. Здесь коммунистические пропагандисты проделали слишком хорошую работу. Красные убедили население, что несчастные американцы — богатые, раздутые снобы, и что тот, кто связывается с ними, как Магсайсай, не может понять проблемы и беды филиппинцев.

Политические эксперты предсказывали, что эту провинцию Магсайсай проиграет.

²¹ Прозвище американского джазового музыканта Луи Армстронга.

²² Адобо — местный способ приготовления свинины; тушение с уксусом, соевым соусом и приправами; в готовом виде подаётся с рисом. Филиппинское блюдо панчит состоит из обжаренной лапши, мяса и покрытых пикантно-сладким соусом овощей; его подают по особым случаям, как правило, по большим праздникам.

²³ Балют (балут) (таг. *Balut* — обёрнутый вокруг чего-либо) — популярное блюдо восточной кухни, представляющее собой варёное утиное яйцо, в котором уже сформировался плод с оперением, хрящами и клювом. Употребляется в пищу в странах Юго-Восточной Азии, особенно популярно на Филиппинах. Блюдо считается исключительно мужским, так как ему приписываются свойства афродизиака.

Однажды в субботу в этот регион отправился друг Магсайся, полковник Хилландейл. Когда около половины одиннадцатого он прибыл в столицу, жители Куэнко увидели то, чего не видели никогда в жизни. Высокий, стройный полковник ВВС США с рыжими волосами и большим носом въехал в Куэнко на красном мотоцикле, на бензобаке которого черной краской было написано “*The Ragtime Kid*”. Он промчался по главной улице и остановился в самом людном месте. Припарковав мотоцикл, он разгладил свою форму, а затем прошелся возле большого бильярдного зала и сел на улице на бордюр. Помахав всем рукой и улыбнувшись, он достал губную гармошку и начал громко и весело играть любимые филиппинские мелодии; первые несколько строф он исполнял в классической манере, а последние две-три — в джазовой. Примерно через пятнадцать минут полковника окружила толпа из двухсот человек. Им нравилась музыка, но они с подозрением относились к этому человеку, который представлял богатейших из богатых американцев.

Полковник Хилландейл начал играть “Посадка риса — не забава”.²⁴ Допев одну строфу, он остановился, оглядел толпу и произнес на тагальском языке:

— Давайте, присоединяйтесь.

Тонким тенором он пропел несколько слов; затем, поднеся гармонику ко рту, заиграл так громко и нежно, как только мог. Толпа начала подпевать — около трехсот филиппинцев, стоявших в тесном кругу, пели, задрав головы, и толкались, пытаясь разглядеть этого странного человека.

В двенадцать часов церковные колокола возвестили “Ангелус”.²⁵ Рэгтайм Кид положил свою губную гармошку в карман и встал.

— Ну, теперь я точно проголодался, — сказал он. — Я бы хотел взять адобо и панчит.

Филиппинцы робко посмотрели друг на друга.

Рэгтайм Кид в полковничьей форме обвел взглядом всех присутствующих.

— Надеюсь, что кто-нибудь из присутствующих пригласит меня на обед. Я на мели.

— У вас нет денег? — спросил один из филиппинцев.

Полковник засунул руки в карманы, вытащил бумажник, открыл его и показал, что он пуст. Он сунул другую руку в боковой карман и вытащил мелочь.

— Шестьдесят сентаво.

— Но американцы богаты.

— Не я.

— Вы дурачитесь.

Полковник все еще разговаривал на тагальском:

— У нас в Америке, как и у вас на Филиппинах, есть бедные люди.

— Но вы же полковник американских ВВС. Я знаю, что вы получаете около двух тысяч песо в месяц.

— Верно. И это большие деньги. Но у меня большие расходы. У меня жена и трое детей в Америке. Сколько здесь стоит бутылка рома?

— Два песо.

²⁴ Англ. *Planting Rice is Never Fun*. Национальная филиппинская песня.

²⁵ “Ангел Господень”, одна из важнейших католических молитв.

— В Америке она стоит шесть песо.
— Честно?
— Да. А сколько вы платите в месяц за дом?
— Сорок песо.
— Мой дом в Америке стоит двести сорок песо — и это очень маленький дом.
Я не могу найти ни одного за меньшую сумму.

— Это кажется невозможным.

Толпа стояла молча.

— Это недостойно, — тихо произнес полковник. — Никогда раньше я не встречал филиппинцев, которые отказали бы голодному человеку.

Один из филиппинцев протиснулся сквозь толпу.

— Вы будете есть у меня дома!

— Нет, идите ко мне домой!

— У меня есть ресторан на углу, вы пойдете со мной.

И полковник отправился туда с десятью филиппинцами. Они ели адобо, панчит и рис, запивая все это филиппинским ромом и пивом “Сан-Мигель”, и пели множество песен под аккомпанемент губной гармошки Рэгтайм Кида. А когда обед закончился, филиппинцы пригласили его прийти еще раз в следующую субботу, что он и сделал. И в следующую субботу после этой. И в последующую субботу тоже.

И вот, спустя некоторое время, никто в том районе уже не верил, что все американцы — богатые и надутые снобы. В конце концов, их Рэгтайм Кид, игравший сладкую музыку на своем губном органе, был одним из них, и он был полковником ВВС США.

Коммунисты на холмах и в баррио²⁶ пробовали возражать, но остальные филиппинцы их перебили. Они сказали: “Не говорите нам ложь. Мы встречали, видели, ели, пили и музицировали с американцем. И он нам нравится”.

И 95 процентов жителей этой провинции проголосовали за президента Магсайса и его проамериканскую платформу на выборах 1953 года. Возможно, не Рэгтайм Кид привел их в движение; но если это слишком простой ответ, то другого не дано.

²⁶ Здесь: округа, район.

Железо войны

МАЙОР ДЖЕЙМС (ТЕКС) ВОЛЧЕК. Родился 12-го марта 1924 года в Форт-Уорте, штат Техас. Сын мистера и миссис Соломон Волчек.

Окончил среднюю школу Сэма Хьюстона в 1941 году. Поступил на службу в армию США в 1942 году; прошел путь от рядового до второго лейтенанта в парашютно-десантных войсках 1-й дивизии. Тридцать пять тренировочных прыжков в Форт-Беннинге.

Дважды ломал левую лодыжку. Три боевые высадки во время вторжения в Нормандию и Южную Францию. Награжден Серебряной звездой, Пурпурным сердцем со звездой.

После Второй мировой войны остался в регулярной армии. Слушатель Командно-штабного колледжа в 1947-50 гг. В ноябре 1950 года направлен в Корею. Командир взвода, роты, начальник штаба батальона. Награжден Пурпурным сердцем; Бронзовой медалью.

Постоянный адрес проживания: 11897 Саут-Лейн, Форт-Уорт, Техас.

— Майор Джеймс Волчек, армия Соединенных Штатов, прибыл на службу в качестве наблюдателя во 2-й амфибийный полк Иностранного Легиона, — четко доложил майор Волчек.

Он вытянулся в струнку перед сидящим за столом французским офицером и отдал честь. Майор Монé, невысокий человек, явно устал. Он оторвал глаза от стола и посмотрел на Волчека. Затем офицер улыбнулся.

— Майор, вы похожи на то, что, как я слышал, техасцы называют “кожаными портупелями”. Надеюсь, это не оскорбление; я не хотел вас оскорбить. — Майор Монé прекрасно говорил по-английски.

Майор Волчек улыбнулся.

— Спасибо, сэр. Я действительно родом из Техаса.

— И, конечно, ваше прозвище — Текс, — сказал Монé.

Волчек кивнул. Они улыбнулись друг другу, а затем Монé начал рыться в ящике стола, объясняя, что где-то у него были бумаги на Волчека.

В ожидании Текс смотрел в открытое окно. Кабинет Монé находился на окраине Ханоя, и Текс мог видеть длинные колонны грузовиков, джипов и полугусеничных машин, двигавшихся к низинам, где разворачивалась битва за Дельту. По обеим сторонам дороги, двигаясь в противоположном направлении, шли вереницы вьетнамских туземцев. Они бежали в город.

Текс усмехнулся, вспомнив, как Монé использовал словосочетание “кожаная портупеля”. Текс и раньше слышал это выражение в свой адрес, но никогда от француза. В каком-то смысле, подумал он, это ирония судьбы, что он так похож на воображаемого техасца. Его родители, невысокие, смуглые и малоподвижные уроженцы Литвы, приехали в Форт-Уорт за два года до рождения Текса.

Они всегда мечтали об американском фронтире; и в Техасе нашли свою американскую магию. Что-то в этом Солнце, еде и климате заставило их шестерых детей вырасти высокими и мускулистыми, став образцами того, как, по мнению местных жителей, и должны выглядеть техасцы. Отец Волчека вложил свои сбережения в недвижимость Форт-Уорта и заработал целое состояние. Ему больше не приходилось работать с иглой, и он открыто гордился тем, что его старший сын стал офицером и бойцом. Любовь и поддержка семьи позволили Тексу пережить множество почти невыносимых ситуаций.

Тело майора хранило в себе стальные осколки двух войн.

Первый раз он попал под обстрел в Нормандии. Он был одним из десантников, которых сбросили в ранней темноте дня “Д” за нормандскими пляжами. Немецкая сигнальная ракета разорвалась прямо над его парашютом, и по пути вниз он получил семь пулеметных пуль в ноги. Когда он упал на землю, его ботинки были полны крови, а сам он больше не мог ходить. Но он мог ползти, и за следующие пять часов десантник прополз три мили.

Взвод немцев, неорганизованно отступая по небольшой дороге, наткнулся на высокого американца, небрежно прислонившегося к дереву. Человека звали Текс. У него было уверенное выражение лица и карабин в руках. Он не стал разговаривать со взводом — просто подал сигнал, чтобы те бросили оружие и подняли руки. Немецкий офицер попытался броситься бежать, но не успел сделать и трех шагов, как Текс застрелил его. Через полчаса немецкий взвод понял, что их похититель прислонился к дереву, потому что не мог пользоваться ногами, но к тому времени было уже слишком поздно. Позже врачи извлекли шесть пуль из его ног, а седьмую пришлось оставить, так как она впилась в кость. За этот подвиг Текс получил Серебряную звезду.

Второе ранение он получил на холме “Порк Чоп” в Корее, когда во главе усиленного патруля перебрался через бруствер и ушел в туман на нейтральную полосу между американскими и китайскими позициями. Что-либо разведать было невозможно, но Текс слышал звуки боя. Они прошли всего 100 ярдов, прежде чем он понял, что китайцы начинают массированную атаку. Он знал, что их опорный пункт на вершине холма не сможет противостоять натиску такого количества людей, и у него не было иного выбора, кроме как отправиться вперед со своим патрулем и сорвать атаку. Текс прошел вместе со своими людьми сквозь китайцев, как сенокосилка через свежее поле. Он прорвался к штабному бункеру китайской дивизии, забросал его гранатами и захватил, перебив там всех, включая генерала и двух полковников; кроме того, они убили еще 120 китайцев. Но сенокосилка не может бежать назад, и Текс не смог вернуться со своим патрулем обратно. Атака китайцев была сорвана, но остатки его патруля, включая самого Текса, попали в плен.

Ему в спину вонзилось два десятка острых осколков от гранаты. Он ввел себе морфий и вежливо попросил у китайского офицера разрешения, чтобы один из его людей вырезал металл. Другой американец, который в гражданской жизни был мясником, выполнил работу очень эффективно, но не слишком деликатно, в результате чего на спине Текса образовался причудливый узор из шрамов. И все равно хирург-любитель оставил в его плоти несколько крошечных кусочков

китайской стали, которые в холодные ночи казались зазубренными кусочками льда, и Тексу нестерпимо хотелось их выцарапать.

Текс сбежал с коммунистического медицинского пункта и вернулся в ряды американцев. Командир полка рекомендовал его на должность военного наблюдателя при французских войсках, действующих за пределами Ханоя. Позже, когда корейские бои все еще находились на стадии стычек, Текс отправился во Вьетнам.

Французский майор рассмеялся, и Волчек повернулся к нему.

— Текс, вы должны извинить меня, если я с самого начала использую ваше прозвище, — сказал Монé, — но это довольно неформальная ситуация, и нам нужно привыкнуть к нему. Кроме того, у меня для вас плохие новости. Ваш приказ прикрепляет вас к моей роте и предписывает вам высадиться в Дьенбьенфу вместе с нами.

— А что в этом плохого? — спросил Текс.

— Хотя газетчики об этом не знают, вчера Дьенбьенфу был полностью окружен. Ходили разговоры о том, чтобы освободить его по земле, но от этого варианта отказались как от невозможного. Моя рота перебрасывается туда по воздуху послезавтра утром. Даже если бы наше Верховное командование согласилось на высадку иностранного наблюдателя вместе с нашими войсками, я уверен, что в сложившихся в Дьенбьенфу обстоятельствах вы предпочтете остаться здесь.

— Майор, — сказал Текс, — сколько прыжков вы совершили?

Монé был занят бумагами и ответил, не поднимая глаз.

— Около двух дюжин.

— А сколько вы сделали прыжков под огнем противника?

— Нисколько; никогда не выпадало такой возможности.

— Майор, я совершил более сотни учебных прыжков и пять раз попадал под огонь противника, — мягко произнес Текс. — Возможно, вам понадобится опытная рука.

Монé поднял глаза от стола и перевел взгляд на верхний клапан верхнего нагрудного кармана рубашки Текса в поисках значка парашютиста, но на рубашке не было никаких знаков отличия. На лице Монé появилось выражение, которое Текс принял за выражение неловкости. Француз опустил взгляд на свой стол.

— Мне очень жаль, — сказал Монé, едва контролируя свой голос. — Не было никакой возможности узнать. Буду очень рад, если вы прыгнете с нами; и я позабочусь о том, чтобы уведомление в штаб о вашем прыжке не покидало этот кабинет до тех пор, пока наш самолет не поднимется в воздух.

Следующие два дня Текс и Монé провели вместе в Ханое. Почти во всем они оказались полными противоположностями, но у них была одна общая черта — они оба считали себя солдатами и бойцами. Монé происходил из семьи, в которой всегда был хотя бы один представитель мужского пола, окончивший Сен-Сир;²⁷ за

²⁷ Высшее военно-учебное заведение Франции; основано Наполеоном в 1802 году.

последние три столетия не было ни одной войны, в которой участвовала бы Франция и в которой кто-то из Монé не стал бы генералом. Монé был бесконечно искушен в военном искусстве и литературе. Когда они вдвоем переходили из бара в бар в поисках бутылок “Хеннесси” и от одного склада боеприпасов к другому, собирая снаряжение для своей высадки, Монé рассказывал об истории войны как знаток. Текс был очарован. Они спорили о теории, и оба беспокоились о заброске в Дьенбьенфу.

На второй день Монé взял Текса в свою роту легионеров. Личный состав был построен для смотра. Текс сразу понял, что это профессиональное подразделение; кроме того, он убедился, что бойцы очень уважают Монé. Как и положено любому хорошему офицеру, он всегда следил за тем, чтобы его люди были накормлены и обустроены прежде, чем поесть или поспать ему самому; более того, люди прошли с Монé через бои и знали, что он смел и решителен.

Монé был единственным легионером-французом. Среди мужчин были светловолосые солдаты средних лет, служившие офицерами в гитлеровской армии. Были также поляки, украинцы, русские, аргентинцы и даже несколько англичан. В середине одной из шеренг стоял высокий худой негр, и что-то в его лице сразу же привлекло внимание Текса. Он остановился и пристально посмотрел на мужчину, затем повернулся к Монé.

— Майор, имею честь сообщить вам, что среди ваших солдат есть как минимум один американец, — резко произнес Текс. — Может быть, этот человек сказал вам, что он африканец или что-то в этом роде, но могу заявить вам прямо сейчас, что на самом деле он американец.

Высокий негр улыбнулся, но крепко сжал губы. Текс сразу понял, что он прав.

— Не знаю, майор Волчек, — быстро ответил Монé, держась официально перед своими людьми. — Я знаю только, что этот человек — очень хороший солдат. В Легионе существует традиция не наводить справки о происхождении человека.

— У американцев есть традиция пожимать друг другу руки при встрече, — произнес Текс.

Он протянул руку к негру, и на мгновение двое мужчин напряженно уставились друг на друга. Затем негр улыбнулся и протянул руку в ответ. Пока остальные легионеры стояли в напряженном ожидании, оба американца коротко и с энтузиазмом переговорили. Солдата звали Джим Дэвис, и он был родом из Лос-Анджелеса. Проучившись три года в Калифорнийском университете, он вступил в Легион только для того, чтобы посмотреть, чем все это чревато. Текс сразу понял, что этому человеку захотелось стать солдатом по тем же причинам, что двигали Тексом и Монé. Они разговаривали, наверное, минуты две. Затем французский майор двинулся с места, и Дэвис мгновенно встал в строй, отдал честь, а его лицо стало неподвижным.

Оба майора продолжали идти вдоль шеренги. Текс решил, что будет глупо рассказывать Монé, как он узнал, что Дэвис — американец: он заметил, что, когда солдат слышал техасский акцент Волчека, на его лице промелькнул след недружелюбной улыбки; и Текс остановился, чтобы убедиться, что следующая улыбка будет дружелюбной.

— Дэвис — хороший человек, Текс, — сказал Монé, когда они вернулись на КП. — Он отлично справляется с патрулированием. И вьетнамские туземцы его

любят, несмотря на свою ненависть к нашим французским войскам из Северной Африки. У нас в полку есть пара вьетов, постоянно прикомандированных в качестве проводников, и Дэвис — единственный человек, с которым они пойдут в ночной патруль. Он еще ни разу не потерял ни одного вьета и всегда возвращается с хорошими разведданными.

На следующее утро вся рота отправилась на грузовиках на аэродром, чтобы погрузиться в самолеты, которые должны были выбросить их над Дьенбьенфу. Как только они проехали через пост охраны, Текс понял, что что-то пошло не так. Часовые были напряжены, офицеры взволнованы, слишком много самолетов выстроилось на летном поле, слишком много людей стояло вокруг. Текс ничего не сказал Монé, но понимал, что французский офицер тоже почувствовал неладное.

Через полчаса Монé понял, в чем дело. Он возвращался из здания штаба в сопровождении человека, одетого в хаки, но явно американца, да к тому же гражданского. Лицо у него было пепельного цвета. Легионеры, расположившиеся в тени под грузовиками, взглянули на него, вскочили на ноги и даже стали по стойке смирно. Монé подошел к своей группе и потребовал внимания.

— Прошлой ночью, — категорично заявил майор, — Дьенбьенфу пал. Нет никакой возможности оказать им помощь, вся радиосвязь прервана. По мнению вышестоящего командования, с которым я согласен, мы полностью проиграли сражение.

Текс почувствовал восхищение, смешанное с жалостью. У Монé было мужество, тогда как большинство офицеров подсластило бы пилюлю. Кроме того, у француза хватило ума и честности, чтобы признать себя причастным к печальным новостям, которые должны были идти от вышестоящего начальства. Текс усвоил, что офицеры, которые отмежевываются от своего руководства, неизменно оказываются плохими офицерами.

Монé подошел к Тексу и представил ему высокого мужчину.

— Майор Волчек, это Гилберт Маквайт, американский посол в Сархане, — натянуто сказал французский офицер. Текс понимал личные страдания Монé. — Посол Маквайт временно отбыл из Сархана, чтобы посмотреть, как действуют коммунисты. Ему удалось получить *разрешение* от наших чиновников, и он планировал отправиться в Дьенбьенфу. Теперь же ему хотелось бы узнать наше мнение о том, почему мы проиграли битву.

Текс резко посмотрел на посла. Он почувствовал вспышку гнева, но тут же понял, что она беспочвенна... Это человек никак не мог знать об этом.

— Майор, — сказал Текс, — вы не дадите мне поговорить с послом, пока вы будете возвращать войска обратно?

Монé бросил на Текса благодарный взгляд и повернулся на каблуках, начав выкрикивать команды. Легионеры бросились к грузовикам. Один за другим машины с ревом начали вытягиваться в отходящую колонну.

— Господин посол, я понимаю ваш интерес... — начал Текс.

— Зовите меня просто Маквайт, — ответил высокий мужчина четким и уверенным голосом.

— Хорошо, Маквайт. Я скажу вам правду. Мы не знаем, почему французы проигрывают. Они тоже этого не знают. Но Монé — не тот человек, с которым стоит разговаривать. Он умирает прямо на ногах от истощения.

— Хорошо, но я спрашиваю вас, а не его, — возразил посол. — Что мы делаем не так?

В следующие несколько минут Текс обнаружил, что Маквайт разбирается в тактике и ведении боя. Он задавал жесткие вопросы и ожидал честных ответов. Они стояли на обочине дороги, посреди облаков выхлопных газов и пыли, обсуждая стратегию и тактику.

— Простого ответа не существует, — наконец произнес Текс. — Мы ведем здесь такую войну, о которой я не читал в Командно-штабном колледже. Обычное оружие здесь просто не работает. Не работает и обычная тактика.

— Так почему бы нам не начать использовать нетрадиционную тактику? — спросил Маквайт. — По-видимому, у коммунистов есть какая-то теория, лежащая в основе их действий.

— Армии меняются медленно, Маквайт, — сказал Текс. — Все наши танки, самолеты и пушки здесь ни к чему. Нам нужно сражаться так, как сражаются они... но никто не знает точно, как они сражаются.

Сзади раздался голос Монé.

— Ну, это мы быстро выясним. Коммунисты будут продолжать наступать на Ханой, и у нас будут шансы увидеть их в действии.

— Тогда я задержусь здесь на несколько недель, — сказал Маквайт. — Не волнуйтесь, майор Монé, я получу соответствующие приказы, и вам не придется беспокоиться о моей безопасности.

— Почему вы хотите посмотреть на все это? — спросил француз.

— Потому что в следующий раз это может произойти в Сархане, и я хочу быть к этому готов, — просто ответил посол.

Долгое время трое мужчин молча стояли в море пыли, вокруг них витал запах поражения.

— Хорошо, поехали, — произнес Монé. — Текс, ведите машину так, чтобы мы могли обогнать грузовики. У нас уже есть приказ занять оборонительную позицию этой ночью.

В следующие несколько недель коммунисты, казалось, наступали отовсюду. В Ханое росла грязная, жалкая масса перепуганных беженцев. Монé и его рота легионеров не менее двух раз ходили в атаку. Они получали донесения о том, что коммунисты наступают на отдаленную деревню, и рота легионеров неслась к ней и занимала вокруг нее хорошо организованную позицию. У Текса, который видел это сотни раз, не было никаких нареканий ни к связи, ни к вооружению, ни к подготовке. Но каждый раз развертывание оказывалось неудачным; и всегда этот провал случался по одной из двух причин. Либо коммунисты прекрасно знали оборонительные позиции легионеров и обстреливали их с ужасающей точностью, либо, что было еще ужаснее, посылали отряды из двух-трех человек, вооруженных только ножами и ручными гранатами, в индивидуальные окопы. Или же коммунисты обстреливали их с тыла огнем из автоматов и гранатометов, и как только легионеры поворачивались, чтобы ответить, по ним открывали огонь с другой позиции.

Легионеры сражались с огромным мужеством, а Монé использовал их с невероятным мастерством; но каждый раз они проигрывали. В течение нескольких недель Текс приобрел опыт службы в роте опытных бойцов под умелым

руководством, которые уступили двадцать деревень противнику. Но еще большее разочарование, чем постоянные поражения, вызывал тот факт, что за три недели непрерывных боев они ни разу не видели врага. Перестрелки всегда происходили ночью и заканчивались к рассвету; враг всегда ускользал, унося с собой своих погибших, и бойцам казалось, что они участвовали в призрачных схватках. Единственное, что делало их реальными, — это мертвые legionеры.

Тем временем Ханой превратился в большой город. Он был полон смятения и голода, его захлестывали фантастические слухи. Хуже всего было ощущение надвигающегося поражения, которое разделяли все — и вьетнамцы, и французы, и американцы.

Однажды, после трех недель отчаянных, изнурительных патрулей и тщетных оборонительных действий, Текс долго и непринужденно беседовал с Монé и Маквайтом. Legionерам был предоставлен двухдневный отдых; к полудню второго дня французский майор решил все свои проблемы со снабжением и был готов отдохнуть. Текс осторожно и аккуратно начал обсуждать с Монé возникшую у него идею.

— Монé, вам когда-нибудь снился кошмар, при котором у вас возникало ощущение, что это что-то, через что вы уже проходили? — спросил техасец. — Когда я был ребенком, помню, мне приснился кошмар о том, как я оставил открытым забор на пастбище и выпустил на волю десять тысяч голов скота. Во сне я тупо сидел и смотрел, как скот убегает, потому что у меня почему-то сложилось впечатление, что все это было спланировано задолго до меня, и я оказался беспомощен.

Монé и Маквайт повернулись и с недоумением посмотрели на Текса. Они сидели в крошечном баре и уже прикончили две бутылки очень крепкого коньяка.

— Да, иногда у меня бывают подобные ощущения, — честно признался Монé. — Например, как сейчас; мне кажется, что я живу в кошмаре, но не знаю, каков план или разгадка к нему.

Текс воодушевился.

— Вы правы — это был один длинный проклятый несчастный кошмар. Это все равно что барахтаться в сиропе с завязанными глазами. Послушайте, Монé, вы хорошо управляетесь с людьми. Вы знаете, как их расставить, как использовать огневую мощь и как вести по-настоящему горячую перестрелку. По всем правилам классической западной военной мысли вы должны были бы побеждать, но вы не побеждаете. И я знаю, почему.

Монé смотрел на Текса с затаенным гневом.

— Это не имеет никакого отношения ни к организации французских боев, ни к боевым качествам ваших legionеров, — быстро и осторожно сказал техасец. — Просто коммунисты воюют по другим правилам. И я, как проклятый дурак, потратил почти месяц, чтобы вспомнить, что когда-то читал об этом. Когда я был в Корее, то взял в руки книгу Мао Цзэдуна. Так вот, Монé, не обманывайте себя на этот счет. Мао — чертовски умный человек. Я ненавижу то, за что он выступает, но в нем есть какая-то гениальность.

— Никогда не читал военных трудов Мао, — устало ответил Монé. — Но все, что можно написать о войне, было написано задолго до него. Клаузевиц и Жомини прошли через все это. Невозможно написать о войне что-то новое.

— Возможно, Текс прав, Монé, — медленно произнес Маквайт. — Мао — умный человек. Я читал его политические труды. Он коммунист до мозга костей, а еще он проницательный знаток людей. Та борьба, которую он вел в Китае, возможно, стала образцом для всех азиатских коммунистов.

— Не хочу показаться неуважительным, господа, но очень сомневаюсь, что Мао написал что-то новое о войне, — отрезал Монé.

Текс вздохнул. Он понимал, что французу не хочется, чтобы ее заставляли учиться новому виду войны.

— Ладно, — сказал Текс, — возможно, вы правы. Я не изучал военную историю так, как вы. Просто послушайте, пока я буду рассказывать вам о некоторых идеях, которые Мао изложил в своей книге, а потом скажите, где он мог их найти. Прежде всего, примите следующую идею — всегда обнаруживать врага в своем тылу. Мао советовал посылать пару агентов в любую деревню, в которой коммунисты могли бы сражаться. По возможности эти агенты должны быть выходцами из этой деревни. Они поселяются там и живут как все, за исключением того, что у них есть несколько мешков с ручными гранатами и несколько спрятанных пистолетов-пулеметов. Пока они там, они готовят тех жителей деревни, которые им симпатизируют. Если им никто не сочувствует, они ставят вопрос ребром: сражайся с нами или умри. Все просто и понятно.

Француз слушал и изредка кивал.

— Монé, когда легионеры входят в деревню, за ними уже находятся полдюжины врагов. Эти враги не носят форму, они даже не достают оружие, пока не наступит критический момент. Но можете ли вы представить себе, какое преимущество обеспечат вам в перестрелке всего пять или шесть человек, оказавшиеся на их месте? Представьте себе, если бы у вас было полдюжины своих людей, выглядящих точно так же, как коммунисты, действующих в тылу их позиций?

— Что еще говорит Мао? — спросил Монé, доставая из пачки сигарету и прикуривая ее.

В течение восьми часов, за полутора бутылками коньяка, они обсуждали военную стратегию и тактику Мао. И Текс, и Маквайт чувствовали, что Монé несколько раз был готов признать, что им стоит попробовать коммунистическую тактику, но он все время упирался и приводил доводы о Клаузевице, “центрах обороны” и “гибких наступательных операциях”, хотя по его тону было видно, что он не до конца в них верит. Наконец с побелевшим лицом он уставился на них.

— Достаточно, господа, — произнес он мягким голосом. — Даже если вы правы, у нас нет времени менять тактику. Мы проигрываем слишком быстро. — Он опустил взгляд в рюмку с коньяком и заговорил почти неслышным голосом. — Представьте себе, нация, породившая Наполеона, Фоша и Лиоте, терпит поражение от столь примитивного противника.

— Но, Монé, не глупите... — начал было Текс.

— Он прав, Текс, — резко отрезал Маквайт. — Мы уже достаточно наговорились.

Текс повернулся к Маквайту и замер. У того на лице было написано предостережение. Техасец понял, что Маквайт прав. В настоящий момент Монé убедить не удалось.

Через десять минут прибежал человек с сообщением для майора. Начинался последний этап обороны Ханоя. На холмистой местности и равнинах за городом тысячи коммунистов перебирались через поля, огибали скалы, спускались в овраги. Для Монé, Текса, Маквайта и легионеров следующие три недели стали сущим адом. Монé пытался отправить Маквайта обратно, но тот не захотел уходить. Легионерам не хватало боеприпасов, еды и подкреплений, а больше всего им не хватало сна. Их глаза покраснели и стали чувствительными, а их боевой дух был подорван. Они понесли пятьдесят процентов потерь, а затем из оставшихся в живых снова вышла из строя половина. Они сражались в густой коричневой грязи вокруг рисовых полей; когда в человека попадали, он просто сползал под землю и исчезал навсегда. Винтовки, забитые грязью, отказывали, а для установки миномета никогда не было подходящей опоры. Даже самые крепкие люди болели дизентерией; это был общий недуг. У кого-то была лихорадка, у кого-то анкилостомы,²⁸ а у кого-то огромные ороговевшие струпья на руках. Еды никогда не хватало, и они давно отказались от попыток очистить воду. Люди просто пили любую доступную воду и мирились с мучительными судорогами.

И Монé, и Текс были ранены. Монé получил пулю из пистолета-пулемета в левый локоть; но после того как кости срослись, он продолжил командовать ротой. Текс был ранен осколками ручной гранаты в ягодицу; вздохнув, он сказал французскому санитару, чтобы тот не заморачивался извлекать их. В теле американского майора теперь было железо трех войн, и он каким-то смутным образом понимал, что всегда ожидал этого.

Но однажды Монé изменил свое мнение насчет использования тактики коммунистов — он передумал, потому что вьетнамские коммунисты разыграли его; хотя это был не такой уж и трюк. Подобные вещи уже случались и будут случаться снова, и Монé знал, что французы сами не прочь им воспользоваться, но с его людьми такое случилось впервые.

Джим Дэвис и вьет, которого легионеры прозвали Апачем, были отправлены патрулировать территорию перед небольшой деревней, которую защищали легионеры. Они ушли в сумерках и должны были вернуться на рассвете. С собой у них были только пистолеты-пулеметы и сигнальная ракета.

Вернулись они на рассвете, без оружия, и на животах подползли к переднему краю. Маквайт, Текс и Монé видели, как они внезапно встали и начали возвращаться в деревню. С их униформы стекала грязь, а в их сгорбленной позе было что-то такое, что указывало на то, что что-то произошло. Все трое вышли им навстречу.

Дэвис вел Апача. С пятидесяти ярдов было видно, что на щеке Дэвиса выступила струйка крови. С двадцати пяти ярдов были видны изуродованные останки его левого глаза, висевшего в скоплении крошечных блестящих нитей и мышц. Мертвый глаз свисал, находясь на одном уровне с носом, и, казалось, смотрел в землю. Правый глаз ярко выделялся на черном лице и пылал яростью.

— Что случилось, Дэвис? — спросил Монé.

— Они поймали нас, майор, — ответил легионер низким ледяным голосом. — Для всего должен быть первый раз, и на этот раз они нас поймали. Они отпустили

²⁸ Род паразитических червей.

нас, но сначала разыграли трюк. Часть этого фокуса заключалась в том, чтобы выколоть мне глаз.

— Что они сделали с тобой, Апач? — Монé быстро спросил по-вьетнамски.

Глаза Апача остекленели и почти закрылись, сузившись в щелочки чистейшей агонии. Вьетнамец открыл рот, смочил губы языком и издал звук, похожий на нечеловеческий, искалеченный, жуткий извращенный стон.

— Замолчи, Апач! — крикнул Дэвис, и звук прервался.

Дэвис потянулся и одернул руку Апача от его горла. Прямо в центре виднелось неровное отверстие, в глубине которого поблескивали мышцы и связки шеи. Из глубины рваной раны сочилась кровь.

— Ему вырезали голосовые связки, — произнес Монé почти непринужденно. — Так поступают с вьетами, которые помогают французам.

— Они оставили мне правый глаз, чтобы мы могли найти дорогу назад, и показать себя в качестве урока для всех остальных, — сказал Дэвис. С этими словами его уцелевший глаз медленно закатился, и легионер упал в обморок. Монé подхватил его, развернул и уложил на спину.

— Текс, пошлите за санитаром, — тихо сказал француз. — А потом вы с Маквайтом присоединитесь ко мне на КП. Сегодня мы будем сражаться, используя тактику Мао против его собственного народа. Вы меня убедили.

Уроки войны

На следующий день Маквайт вернулся в Ханой, чтобы найти экземпляр брошюры Мао Цзэдуна о войне, а Монé приказал legionерам отдыхать. Они расположились в небольшой группе грязных палаток; legionеры, не раздеваясь, ложились в тени потрепанных палаток и спали, как люди, которые надеялись никогда больше не проснуться.

Поздно вечером того же дня Маквайт вернулся с брошюрой Мао. Его способ получения был прост: он остановился у первого попавшегося газетного киоска и попросил продавца достать ему экземпляр. Владелец, явно встревоженный, сказал, что ничего не знает о работах Мао. Маквайт не стал с ним спорить. Он просто сказал, что если брошюра будет доставлена в течение двух часов, то он заплатит 800 пиастров, без всяких вопросов. Через час брошюра была у него.

Они втроем собрались в палатке Монé, и Маквайт полтора часа читал вслух. Ни Маквайт, ни Текс не смотрели на француза во время этого сеанса. Слова памфлета разрушали образ жизни и традиции, в которые Монé глубоко верил. Во время чтения майор не шевелился. Он сидел, сцепив руки на коленях, как будто только физическим самообладанием мог компенсировать разрушение части своего мира. Когда Маквайт закончил, наступило долгое молчание.

— В целом Мао прав, а мы ошибались, — ровным голосом произнес Монé. — Пожалуйста, давайте больше не будем говорить о наших традициях. Давайте поговорим о том, какую часть трудов Мао мы можем использовать с пользой для себя.

— Большинство из того, что рекомендует Мао, слишком долгосрочно, чтобы мы могли это использовать, — сказал Маквайт. — Это то, чего нужно добиваться годами. Например, когда он рекомендует посылать политических организаторов впереди армии, он говорит о годах. Эти организаторы никогда не объявляют, что они коммунисты; они просто продолжают доносить до жителей деревни взгляды коммунистов. Затем, когда начинаются боевые действия, они организуют сопротивление в тылу врага и разрушают как можно больше.

— Это объясняет, почему нас постоянно обстреливают и спереди, и сзади, когда мы ведем ночной бой, — сказал Текс.

— Кроме того, это объясняет, почему у них всегда идеальные разведданные о деревне, которую мы пытаемся защитить, — добавил Монé.

— Простите меня за то, что я высказываю свое мнение в вашей области, джентльмены, — сказал Маквайт. — Я предлагаю забыть обо всем, на что уйдет год. У нас есть всего несколько дней. Позже и в другой стране, возможно, мы сможем использовать стратегию Мао. Сейчас же мы должны сосредоточиться на его тактике.

Часами они спорили над брошюрой. Наступила ночь, они съели холодный паек, забрались под противомоскитные сетки и продолжили дискуссию до рассвета. Из десятков идей, предложенных Мао, они выбрали две.

На пересеченной местности, говорил Мао, отступайте и исчезайте, пока враг не увязнет в преследовании. Затем сосредоточьтесь на одном слабом месте. Время,

пространство и отступление — вот инструменты победителей в бою. В борьбе с противником, превосходящим по технике и численности, успех заключается в мобильности и использовании темноты.

Вторая идея касалась партизанской войны. Мао считал, что при длительных партизанских действиях группы партизан могут быть успешными только при наличии жесткого и полностью централизованного командования. Центральный командный пункт, руководящий действиями партизан, должен находиться от места реальных боевых действий не далее, чем человек может пройти за полчаса.

Монé сказал:

— Это очевидно, хотя мы никогда этим не пользовались.

Усмехнувшись офицерам, Маквайт отложил брошюру, и они принялись разглаживать на столе большую подробную карту Ханойской равнины.

Деревня, которую они отыскиали, располагалась посреди болота с зарослями; в двух милях за ней находился большой участок твердой земли, на котором находилась роща бамбуковых деревьев. Монé и Текс кивнули, увидев это место. Любой полевой командир сошел бы с ума, если бы выбрал для командного пункта какое-либо другое место, кроме бамбуковых зарослей. От рощи прямо через деревню пролегла прямая, как стрела, дорога с твердым покрытием. И, что самое приятное, прямо перед деревней находился небольшой холм, за которым можно было спрятать резервные войска.

— Хорошо, господа, пусть будет эта деревня, — решительно сказал Монé. Его глаза горели возбуждением. — Через три дня мы попытаемся излечить нашу болезнь шерстью собаки, которая нас укусила.

Это Текс предложил использовать неожиданное оружие. Он видел, как его с большим успехом использовали в Корее. Оно было очень простым. Днище большого грузовика укрывалось толстым слоем листового железа, к которому крепились стволы двадцати пятидюймовых ракетных установок, расположенных таким образом, что при одновременном залпе неуправляемые ракеты попадали в круг диаметром около ста ярдов. Текс заверил двух других собеседников, что вероятность того, что кто-то останется в живых внутри круга, исчезающе мала.

На четвертый день они двинулись к деревне. Впервые за несколько недель легионеры смеялись и шутили. Монé выехал с передовым отрядом на двух грузовиках с людьми. Через полчаса Маквайт и Текс отправились с основной массой войск. Текс ехал на “ракетном” грузовике и поддерживал радиосвязь с Монé. Прямо за ним на джипе ехал Маквайт.

С наступлением сумерек основная часть отряда съехала с шоссе на дорогу, проходящую через рисовые поля. Текс вызвал Монé по рации, чтобы убедиться, что он достиг своей позиции. Голос майора прозвучал отчетливо.

— Мы расположились к югу от деревни, — доложил он. — Два вьета покинули деревню через полчаса после того, как мы заняли позиции. Они отправились на север, но я полагаю, что они вернулись и направляются к бамбуковой роще. Пройдет еще час, прежде чем что-нибудь произойдет снова.

Основная масса грузовиков двигалась как можно тише. Текс выстроил их в длинную линию за пригорком, отделявшим их от деревни, и они обустроились ждать.

Почти через час до них донесся едва различимые далекие винтовочные выстрелы, а затем стрекот тяжелого пулемета. По радио раздался голос Монé.

— Думаю, они попались на удочку. Вероятно, они думают, что мы слабы, и перебрасывают войска прямо по дороге с твердым покрытием из бамбуковой рощи. Пока что в дело вступили только первые патрули. Они еще не использовали пулеметы, хотя мы открыли огонь из наших пулеметов .50-го калибра. Возьмите бронетранспортер с счетверенной крупнокалиберной установкой и пробивайте себе путь через войска на дороге. Затем направляйтесь прямо к командному пункту.

— Мы уже в пути, — сказал Текс и отключился.

Быстро двигаясь, Текс приказал машине со счетверенной крупнокалиберной установкой двигаться во главе колонны. Сразу за ним двигался грузовик с автоматчиками. Третьим в очереди шел “ракетный” грузовик.

— Не включайте свет, пока не заработает пулемет, — негромко приказал Текс. — Затем открывайте огонь из всех стволов. Как только произойдет залп ракет, разворачивайте счетверенную установку, чтобы отходить обратно по дороге. Если нам придется бросить какую-то машину, мы оставим “ракетный” грузовик, поэтому я не хочу, чтобы в нем находились люди после того, как он выстрелит.

Они обогнули холм настолько тихо, насколько только может передвигаться колонна машин. С интервалом в пятьдесят ярдов люди Монé отмечали правую обочину дороги экранированными фонарями. Достигнув деревни, колонна не снизила скорость, а уверенно проследовала мимо крошечных соломенных хижин.

Внезапно они выехали из деревни на равнину. Текс сидел рядом с водителем машины со счетверенной установкой и смотрел вперед. Заметив на дороге неясное, но интенсивное передвижение, он откинулся назад и спокойно приказал пулеметчику стрелять прямо вдоль дороги.

С огромным грохотом заработала счетверенная пулеметная установка, и вперед хлынули четыре струи трассирующих пуль. В тот же миг Текс включил фары машины. В пятидесяти ярдах впереди них находилась группа из примерно пятидесяти вьетминских солдат. Они замерли, как бы ошеломленные светом, а затем в едином порыве устремились к правой обочине дороги. Пулемет повернулся вместе с ними, и пули попали прямо в цель. В воздух полетели комья грязи, клочья обмундирования и обломки винтовок. Тела бойцов отбрасывало с дороги в кювет. Хотя машина двигалась быстро и на сближение ушло не более нескольких секунд, происходящее напоминало ярко освещенный кошмар в замедленной съемке. Затем колеса машины переехали через тела трех человек, упавших на дорогу, и они пронеслись мимо вражеской группы. Мгновение спустя Текс услышал, как начали стрелять винтовки на следующем грузовике.

Над его головой щелкнули пулеметные пули. Текс оставил фары включенными, и они с ревом понеслись по узкой дороге. Он думал только о двух вещах. Во-первых, он молился, чтобы дорога выдержала вес колонны. Во-вторых, он высчитывал, когда именно “ракетный” грузовик окажется в 500 ярдах от рощи бамбуковых деревьев. Накануне вечером он измерил расстояние, на котором фары в полной темноте впервые выхватят бамбуковые деревья, и оно составило 600 ярдов. Если он на скорости двадцать миль в час проскочит пятнадцать секунд после того, как бамбуковые деревья покажутся в свете фар, то “ракетный” грузовик

должен будет оказаться в 500 ярдах от рощи. И в этот момент свет фар коснулся бело-зеленых стеблей бамбуковых зарослей.

— Раз, два, три, четыре, пять... — Текс начал считать вслух.

На счет десять он встал, а на счет пятнадцать подал сигнал ракетной установке. Две вещи произошли почти одновременно. Грузовик с визгом остановился, и, пока он еще слегка двигался, ракеты были выпущены. На секунду весь грузовик словно загорелся, шипящий звук был оглушительным. Затем раздался более чистый звук от снопа НУРСов, рассекающих воздух; и через две секунды они ударили в цель. Среди бамбуковых деревьев мелькнули вспышки света, а затем роща взорвалась одним большим желтым пятном огня. Несколько секунд конус пламени висел над рощей, и в нем, словно марионетки, мелькали тела полудюжины человек. Затем свет исчез, и раздался резкий звук, словно все вернулось на землю.

— Так, черт возьми, давайте развернем этот корабль! — крикнул Текс.

Водитель уже сдавал назад и набирал скорость быстрыми, отчаянными рывками. Меньше чем через минуту он уже объезжал “ракетный” грузовик, чтобы вернуться на дорогу.

— Не нужно бросать грузовик, — сообщил Текс водителю ракетного грузовика, когда они проезжали мимо. — Сдавай с выключенными фарами назад по дороге. Ты сможешь увидеть, куда едешь, по нашим задним фонарям. Когда доберешься до деревни, сможешь развернуться и уехать.

Они с грохотом понеслись по дороге. Перестрелка вокруг деревни полностью прекратилась. Позже Монé рассказал Тексу, что когда роща взорвалась, вьетнамцы мгновенно прекратили огонь и разбежались.

Они остановились в деревне только для того, чтобы забрать передовой отряд, а затем вся группа направилась обратно в Ханой.

— За всю свою жизнь я не слышал подобной чертовой чепухи, — сурово заявил Тексу американский генерал-майор. — Сначала вы нарушаете правила ведения боевых действий, участвуя в бою, когда должны быть нейтральным наблюдателем. А потом у вас хватает наглости приходить сюда и указывать группе опытных генералов, как им вести войну!

Текс, Маквайт и Монé сидели в трех креслах на одном конце большого стола для совещаний в комнате на третьем этаже ханойской Цитадели. На другом конце стола сидели два французских адмирала, четыре французских генерала и американец, который только что произнес эти слова.

— Генерал, я лично не участвовал в бою, — спокойно ответил Текс. — Все, что я делал, — это ехал рядом с бронетранспортером. Я не прикасался к оружию; я не сделал ни единого выстрела. То, что я делал, разрешено правилами, регулирующими поведение нейтральных военных наблюдателей.

— Не пытайтесь разыграть меня, Волчек! — отрезал генерал, повысив голос. — Не пытайтесь сказать мне, что какой-то француз придумал эту идею с “ракетным” грузовиком. Я находился здесь, и...

Старший из присутствовавших французских генералов вклинился в разговор, заговорив холодным тоном.

— Генерал, нас не интересует проблема нейтралитета вашего наблюдателя. Нас больше интересует это фантастическое предложение майора Монé и посла Маквайта о том, чтобы французская армия пересмотрела свои операции в соответствии с военными писаниями коммунистического бандита.

— Генерал, как вы знаете, именно я попросил провести эту встречу, — спокойно сказал Гилберт Маквайт. — С декабря 1946 года французы ведут войну, которую коммунисты проводят именно по тем направлениям, которые Мао изложил в этой брошюре. Вы военный человек — прошу простить мою прямоту, — но вы совершили все ошибки, которые Мао хотел, чтобы вы допустили. Вы проигнорировали все его уроки по ведению боевых действий на этой местности. Вы пренебрегли политическим и экономическим сотрудничеством с вьетнамцами, хотя Мао давно доказал, что азиаты не будут воевать иначе. Джентльмены, у меня есть один простой и, возможно, неудобный вопрос. Кто-нибудь из вас когда-нибудь читал труды Мао Цзэдуна?

Наступила минута молчания. Старший французский генерал, человек мудрый и с прекрасными связями, слегка покраснел. Остальные французские генералы побелели. Маквайт наклонился вперед в своем кресле, ожидая ответа.

— Если вы предполагаете, посол Маквайт, что нация, породившая Наполеона, теперь должна обращаться за военным обучением к примитивному китайцу, то я могу сказать вам только то, что вы не только совершаете ошибку, но и оскорбляете ее, — ответил наконец высокопоставленный французский генерал.

— Я говорил не об этом, — ответил посол. — Я только спросил, читал ли кто-нибудь из вас труды Мао?

— Нет, черт возьми, они его не читали! — выкрикнул американец. — И я тоже!

После этого он прикусил губу, словно сдерживаясь, чтобы не сказать больше. Маквайт знал, что только его личное состояние и политические связи не позволили генералу приказать ему покинуть Ханой под вооруженной охраной.

Посол пожал плечами.

— Видимо, вы, джентльмены, отказываетесь использовать свои собственные глаза и уши.

Монé отодвинул стул и встал. Он был бледен, а его руки дрожали.

— Господа, я несу полную ответственность за операцию, которую мы только что вам описали, — ровным голосом произнес майор французской армии. — Она противоречит всему, чему меня учили в Сен-Сире, и всему, чему учили этого американского генерала в Вест-Пойнте. Но это сработало. Говорю вам, это сработало! Если бы у меня была такая возможность, я бы умножил эту операцию в тысячу раз. За все месяцы боев во Вьетнаме, это единственная полная победа, которую я достиг. Приумноженная в тысячу раз, она может обеспечить нам полную стратегическую победу, а не только незначительный тактический успех. Если кто и должен быть наказан, так это я. Но, умоляю вас, не просите меня изменить свое мнение по поводу того, что, как показывают мои собственные глаза и мой собственный опыт, должно быть сделано!

После этого говорить было не о чем, и кивком головы высокопоставленный французский генерал отпустил всех троих. Маквайт, Монé и Волчек вышли и, не

говоря ни слова, направились в ближайший бар. Там они заплатили за пределную цену за две бутылки превосходного французского коньяка и молча их выпили. Когда они допили первую бутылку, Маквайт взял ее за длинное узкое горлышко и одним ударом разбил о край стола. Затем он усмехнулся.

— Мне просто захотелось это сделать, — произнес он. — Джентльмены, не беспокойтесь о дисциплинарных мерах. С вами ничего не случится. На нашей стороне есть глупые люди и есть гордые люди, но они никогда не позволяют наказать вас за то, что вы просто сказали, что у врага можно учиться.

Через некоторое время после этого французы эвакуировались из Ханоя. После нескольких месяцев сражений, израсходования гор припасов и гибели большого количества людей французы были вынуждены заключить перемирие с вьетнамцами. По условиям перемирия они согласились передать город Ханой победоносной коммунистической армии.

Маквайт, Текс и Монé как раз были там, чтобы увидеть всё это. Французы удалились, словно покидали город для великолепного и красочного парада. Свистели флейты, гремели барабаны, воздух рассекали резкие старинные команды. Мундиры Легиона были опрятными и хорошо отутюженными, высокие ботинки десантников — начищенными до блеска. Они маршировали ровными нарядными рядами по почти пустым улицам Ханоя. Жители города с изумлением смотрели на великолепный парад. Так же как и Монé, Маквайт и Текс. Это был парад победоносной армии.

За парадными войсками шли ряды огромных, быстрых танков, затем колонны самоходных орудий, бесчисленные грузовики, заполненные отделениями людей с американскими винтовками последнего образца. Над головой почти бесконечным потоком проносились французские самолеты.

— Прекрасное зрелище, — с восхищением сказал Текс.

— Красиво и совершенно бессмысленно, — произнес Монé. — Никто не удосужился сказать танкистам, что их танки не могут действовать в бесконечной грязи. А безоткатные орудия так и не нашли вражеской диспозиции, достаточно крупный, чтобы стрелять по ней.

Когда парад закончился, французский триколор был снят со зданий и сооружений по всему городу. Последний грузовик свернул за угол. На площади, где они стояли втроем, воцарилась тишина. На улицах никого не было, ставни и двери были наглухо заперты.

Авангард коммунистов представлял собой хорошо одетые и нарядные войска на русских грузовиках. Затем они увидели первого регулярного коммунистического солдата — офицера на вихляющем велосипеде, одетого в мягкий костюм, теннисные туфли и крошечную фуражную шляпу. Через плечо у него была перекинута винтовка. За ним рысью двигался взвод людей, одетых в разношерстную форму. Некоторые были одеты просто в казенную одежду и, похоже, в захваченные французские куртки. Многие из них были босыми. Пожалуй, у половины из них были винтовки, но почти у всех на поясе висела

связка безыскусных ручных гранат. Каждый из них также нес через плечо мешок с рисом.

— Посмотрите внимательно, Текс, и скажите мне, видите ли вы то же, что и я, — изумленно произнес Монé. — Трое из них несут оружие, сделанное из труб.

Это было правдой. Трое из них не имели при себе ничего, кроме самодельных винтовок. У Текса возникло ощущение, что он смотрит на людей, которые сражаются в войне, которая должна была произойти триста лет назад. Эти люди передвигались пешком и несли все свои припасы на спине. Они выглядели безобидно и невинно, почти комично. Но это были люди, с которыми он и Монé сражались уже несколько месяцев и которых они победили лишь однажды.

Офицер на велосипеде поднял руку. Вереница людей приостановилась, а затем, быстро, как ящерицы, скрылась в дверных проемах и водосточных желобах. Улица казалась пустой, если не считать офицера. Монé крикнул ему по-вьетнамски, что они — тыловое охранение и немедленно уходят. Офицер улыбнулся и махнул рукой. Он что-то крикнул, и тут же из ниоткуда появились его люди и начали осторожно продвигаться дальше по улице. Текс понимал, что собранная вокруг Ханоя огромная, молчаливая и безликая армия людей, каждый из которых был не более впечатляющим, чем эти, просачивается в завоеванный ими город. Оставаться дольше не было смысла. Вдалеке слышался шум отступающей французской армии.

— Ладно, пошли, — жестко произнес Текс. — Это конец очередного раунда, и мы снова проиграли.

Что бы вы сделали, если бы стали президентом?

У Маунг Све был, вероятно, самым известным журналистом в Бирме, если не во всей Юго-Восточной Азии. Его имя упоминается везде, где речь идет о мировой прессе.

У Маунг Све — выпускник колледжа, который провел значительное время в США. Знает американские идиомы. Он приверженец римско-католической церкви. Во время Второй мировой войны он был сотрудником У.С.С. и сражался рядом с американцами в Северной Бирме и Южном Китае. Антикоммунист.

В 1954 году на званом ужине в Рангуне в честь посла Маквайта кто-то сказал У Маунг Све: “Британский престиж в Юго-Восточной Азии, безусловно, низок. А как насчет Америки?”

У Маунг Све ответил: “Бедная Америка. Британцам потребовалось сто лет, чтобы потерять свой престиж в Азии. Америка умудрилась потерять свой за десять лет. А ведь в этом не было никакой необходимости. На самом деле, она могла бы вернуть все обратно за два года, если бы захотела”. В ходе последовавшей за этим дискуссии У Маунг Све ответил на следующие вопросы:

В целом, что привело к потере престижа Америки?

Американцы, которых я знал в Соединенных Штатах, были удивительно дружелюбны, непритязательны и интересовались миром. Ни один человек, побывавший в Америке и познакомившийся с этой страной, не может не доверять ее жителям и не уважать их.

Однако почему-то американцы, которых я встречаю в своей стране, не похожи на тех, кого я знал в Соединенных Штатах. Кажется, что с американцами происходят загадочные перемены, когда они отправляются в чужую страну. Они изолируют себя от общества. Они живут претенциозно; они громкие и показательные. Возможно, они напуганы и защищаются; а может быть, они не обучены должным образом и совершают ошибки по незнанию.

Я также бывал в России. В целом я не очень уважаю русских как народ. Но отдельные русские, которых я встречаю в Бирме, производят прекрасное впечатление. Их не так уж часто можно встретить на улице. Их научили нашим местным особенностям, и им обычно удается их не нарушать. Все они говорят и читают на нашем языке и не нуждаются в бирманских устных и письменных переводчиках и слугах, так что ни один бирманец не видит их глиняных ног.²⁹

Не могли бы вы немного подробнее рассказать о некоторых вещах, которые американцы делают и которые раздражают бирманцев?

Да. Честно говоря, в течение довольно долгого времени, прежде чем мы окончательно отказались от дальнейшей помощи с вашей стороны, никому из нас не нравилось, как ведут свою повседневную жизнь ваши экономические работники в Бирме. Почти все они приехали с явным ощущением, что у них полный посольский ранг — все вожди и никаких индейцев, как вы там говорите. Даже

²⁹ Намек на известное высказывание о России, как о Колоссе на глиняных ногах.

клерки вели себя так, словно они были руководителями представительства. Жалованье слуг, аренда домов выросли до фантастических цен, а ваши рядовые жили, так сказать, лучше, чем наши генералы. Это задевало нашу гордость.

Все, что мы видели, — это мишура. Несколько лет назад мы слышали много разговоров о том, как помощь Соединенных Штатов поможет Бирме. Полчища корреспондентов американской прессы — все на зарплате у правительства — примчались в Рангун, чтобы с крыш домов кричать о том, какой замечательной была помощь Соединенных Штатов для Бирмы. Может быть, помощь и была, но люди ее не видели, а некоторые вещи, в которые нас ткнули носом представители прессы, оказались не слишком удачными.

Можете ли вы вспомнить какие-нибудь примеры?

Помню, несколько лет назад было много шума по поводу земснаряда стоимостью три четверти миллиона долларов, который Соединенные Штаты собирались доставить в Бирму. Эта мобильная плавучая землечерпалка, кричали представители прессы, станет великим благом для Бирмы. Она должна была углубить реки, чтобы транспорт и торговля могли процветать во внутренних районах, которые раньше никогда не были доступны для рынков.

Это было то, в чем страна действительно нуждалась, и мы были в восторге от такой перспективы. Фермеры среднего класса надеялись, что у них появится сбыт своей продукции; судостроителям было поручено разработать проекты лодок с большей грузоподъемностью и осадкой, которые могли бы перевозить большие грузы.

Наконец настал день, когда земснаряд должен был быть доставлен. Американцы уговорили приехать и посмотреть на ее прибытие самого премьер-министра. Местная пресса прислала репортеров и фотографов. Сотрудники ЮСИА приехали с магнитофонами, чтобы это событие можно было транслировать по радио.

Когда судно отбуксировали в гавань, оказалось, что это 25-летний отремонтированный британский земснаряд, который ржавел в Японии. Это была стационарная драга, которая нуждалась в наземном подключении. Это уже стало разочарованием, но в довершение всего американские специалисты, прибывшие с земснарядом, не смогли заставить его работать. Они даже прислали японских специалистов, но и те не смогли его запустить. Все участники потеряли лицо. Подобный опыт заставил многих бирманцев усомниться в эффективности американской помощи.

В 1953 году Бирма остро нуждалась в деньгах и технической помощи. Однако вы прекратили получение любой помощи от Соединенных Штатов. Почему вы так поступили?

Во-первых, нас оскорбляло превосходство, демонстрируемое американцами, и то, что даже они сами называли “американским ослепительным блеском” в Бирме. Во-вторых, произошло несколько инцидентов, подобных тому, что случилось с земснарядом; и хотя американские деньги текли в Бирму, мы не видели, что они нам сильно помогают. И, в-третьих, мы очень разозлились из-за инцидента с Гоминьданом. Все это в сумме дало больше, чем Бирма готова была проглотить, лишь бы получить доллары.

Что это был за инцидент с Гоминьданом?

Когда в 1947 году китайские красные победили националистов, около 10 000 солдат Чан Кайши бежали из Китая в Бирму и остались в северо-западной части нашей страны. Тогда мы были новым государством, и у нас было столько проблем, что мы не могли ничего поделать с этими чужими войсками на нашей территории. Войска китайских националистов жили за счет земли, а войска, живущие за счет земли в чужой стране, так или иначе должны добывать деньги. Эти люди начали торговать опиумом, а иногда переходили к прямому бандитизму. В 1952 году Чан Кайши начал снабжать их по воздуху. Я могу понять его точку зрения — он пытался вести беспокоящие действия против китайских коммунистов; и тем не менее, его войска не имели права находиться в нашей стране. Затем мы узнали, что они носят форму Соединенных Штатов и используют американское вооружение. Я знаю, что Соединенные Штаты не поставляли их, это делал Чан Кайши.

Бирма хотела вынести этот вопрос на рассмотрение Организации Объединенных Наций, и Америка согласилась — при условии, что войска не будут идентифицированы как китайские националисты и не будут упоминаться американские мундиры. И все же в Юго-Восточной Азии об этом знали все. Все знали об этом, кроме американцев. Им ничего не сказали.

Когда мы ответили, что не понимаем, почему не следует озвучивать соответствующие страны, нам намекнули, что если они будут названы, то, возможно, американская помощь будет прекращена.

Это было все, что мы могли услышать. Несмотря на то что мы отчаянно нуждались в экономической и технической помощи, мы сказали американцам, чтобы они забирали свою помощь и уходили. Это был вопрос гордости — сохранения лица, как мы, азиаты, это называем. Лицо, кстати, — это элемент нашей жизни, который русские понимают очень хорошо.

Приветствуете ли вы сейчас экономическую и техническую помощь со стороны США?

Да. Я предлагаю управлять технической помощью так, как это делал Фонд Форда в Индонезии. Люди Форда заметили, что, когда они привозили в Индонезию свои автомобили, им всегда приходилось обращаться в голландский гараж, чтобы отремонтировать их. Индонезийцы не знали, как ремонтировать машины. Когда позже Фонд Форда привез группу индонезийцев в США, вместо того чтобы говорить им, что они должны изучать или на какое оборудование тратить деньги, они сказали индонезийцам посмотреть вокруг и выбрать то, что они считают нужным. Первая группа индонезийцев указала на гараж и сказала, что это то, что им нужно. В Индонезии была создана копия гаража, и американские механики работали бок о бок с индонезийцами до тех пор, пока местные жители не научились самостоятельно управляться с оборудованием и ремонтировать автомобили. Затем американские техники отправились домой. Именно такая помощь нам нужна.

Если бы вы были президентом США, что бы вы сделали для повышения престижа Соединенных Штатов в Юго-Восточной Азии?

Позвольте мне рассказать вам одну историю. Несколько лет назад двое американцев — супружеская пара по фамилии Мартин — приехали в Бирму на

короткий срок в качестве консультантов. Они были тихими людьми, о которых, казалось, никто ничего не знал, и они тихо отправились на север, в Шанское нагорье, места довольно дикие. Они не взяли с собой ни памфлетов, ни брошюр, ни фильмов, ни других приспособлений для прессы, которые так оскорбительны для большинства из нас и на которые полагается большинство американцев. У них не было ни автомобиля, ни слуг. Они просто приехали в маленький городок, поселились в скромном домике и стали там жить.

Поскольку Мартини говорили по-бирмански, что для американцев в Бирме было весьма необычным достижением, бирманцы стали заходить к ним в дом и разговаривать с ними. Эти посетители дома Мартинов были поражены двумя вещами. Во-первых, огромные размеры овощей, которые они выращивали на своем огороде, а во-вторых, размеры самого огорода. Они хотели знать, что два человека собираются делать с таким огромным количеством еды. Конечно, они не смогут съесть все, а остальное испортится.

Миссис Мартин провела их на кухню и показала небольшое приспособление для домашнего консервирования. Бирманцы никогда не видели ничего подобного и не знали, что это такое. День за днем они приходили посмотреть, как консервируются овощи и фрукты. И вот, по прошествии нескольких месяцев, Бирманцы увидели, что когда банки открываются, овощи все еще остаются съедобными.

Эти два американца раздали высококачественные семена всем жителям деревни и помогли им организовать общественный план консервирования. Жители деревни по-прежнему выращивают большую часть продукции самостоятельно, а консервируют ее дома; но теперь они заготавливают продукты не только для себя, но и для всей Бирмы. Эта деревня является центром консервирования в стране, здесь перерабатывают мясо, овощи и многие любимые бирманские продукты.

В этой части Шанских Штатов все настроены про-американски из-за Мартинов. Они приехали в Бирму, чтобы помочь нам, а не для того, чтобы повысить свой собственный уровень жизни.

Вам не нужна реклама, если результаты вашей деятельности заметны и ценны для людей. Пар от кастрюли с хорошим супом — вот лучшая реклама.

Вы спросили меня, что бы я сделал, если бы стал президентом Соединенных Штатов. А вот что: я бы отправил в Бирму больше таких людей, как Мартини. Это все, что вам нужно. В этом случае вы могли бы забыть о полчищах руководителей, магазинов военторга, советников и обслуживающего персонала, которые сейчас необходимы для поддержки американцев за рубежом. И тогда, конечно, вы сможете сэкономить многие миллионы долларов, которые американцы считают необходимыми для любой программы помощи.

Ранее вы говорили о том, что русские, уехавшие за границу, действовали эффективно. Можете ли вы объяснить, почему это так?

Русские — профессионалы. Многие из их людей остаются в Бирме на пять лет. Все они знают бирманский язык. Они спокойно учатся и спокойно живут. У них нет бирманских слуг, а значит, некому распускать о них сплетни. Все их слуги — русские.

Советский посол — их светский лев. Именно он посещает коктейльные вечеринки. Но это почти все, что он делает. В советской команде всегда есть профессиональный эксперт, который не только досконально знает местность, но и обладает авторитетом. Здесь, в Бирме, им был Виктор Лассиовский. У него был какой-то незначительный титул — кажется, второй секретарь посольства. Он всегда открывал дверь послу и шел позади него. Он не тратил много времени на вечеринки. Он был реальным тактическим лидером советской оперативной группы и руководил всей бирманской операцией для СССР. Недавно Лассиовского перевели в Таиланд. Я предсказываю, что скоро у Америки там возникнут проблемы.

Является ли советская экономическая помощь лучше, чем американская?

Нет, это не так. Но она гораздо очевиднее, а значит, эффективнее в качестве пропаганды. Например, наш премьер-министр летает на советском транспортном самолете — подарке Сталина. Этот подарок произвел глубокое впечатление не только на бирманцев, но и на всех жителей Юго-Восточной Азии.

Русские обещали построить нам спортивный стадион — вы же знаете, мы все помешаны на спорте, — а также больницу и аспирантуру для инженеров и врачей. Пока у нас их нет. Но это проекты, которые народ понимает и хотел бы иметь. И хотя мы все с подозрением относимся к русским и китайским коммунистам, тем не менее и люди с улицы, и молодые интеллектуалы обсуждают то, что делают русские.

Кроме того, коммунисты чрезвычайно искусны в своих культурных проектах. Десятая годовщина нашей независимости была грандиозным праздником. Его можно сравнить с Рождеством, Новым годом, Пасхой, Четвертым июля³⁰ и Пуримом — все в одном. У нас были грандиозные парады. Все коммунистические страны участвовали в этих парадах с парадными платформами, акробатами и народными танцорами. Они несли большие транспаранты с поздравлениями по поводу нашей независимости от колониализма. И не было ни одной колонны из Соединенных Штатов.

Если бы кто-нибудь из вас, американцев, когда-нибудь покинул Рангун и отправился в глубь страны, вы бы увидели, что там повсюду русские цирки и китайские артисты. Правда, вы присылаете звезд, таких как Бенни Гудман, и оперных певцов, и им очень рады — но они выступают только в Рангуне, и их могут видеть лишь немногие представители элиты. Ах да, я забыл, у вас также была выставка хрусталя. Мы — нация, борющаяся за выживание, а вы присылаете нам выставку хрусталя?

Надеюсь, я ответил на ваши вопросы. В заключение я хочу сказать, что Америке в Азии нужны хорошие, хорошо обученные и преданные своему делу американцы. Они *должны быть* хорошо обучены и преданы своему делу. Подчиненные могут быть посредственными, но руководители должны быть первоклассными, способными заставить своих подчиненных вписаться в бирманскую культуру, общественные привычки и потребности.

³⁰ День независимости США.

За последние десять лет я знал почти всех американских послов, военачальников, ведущих экономических советников и сотрудников ЮСИА, направленных в Юго-Восточную Азию. Сюда входят как карьеристы, так и любители. Я могу припомнить только двух послов, одного руководителя ЮСИА и одного адмирала, которые были подготовленными и преданными своему делу профессионалами. Девяносто процентов советских руководителей — профессионалы, независимо от того, кем они являются еще. И вы будете проигрывать в конкуренции с ними, пока не научитесь у них.

И все же я твердо верю, что американцы могли бы вытеснить коммунистов из Азии за несколько лет, если бы действительно старались и были готовы жить здесь на нашем уровне. И если бы у вас была определенная политика. Но самое главное — ведите себя как американцы. Мы любим американцев — таких, каких мы встречаем в Америке.

Когда званый ужин закончился, У Маунг Све и Гилберт Маквайт отправились на прогулку. Это была одна из тех тихих ночей, когда каждый звук разносится на большое расстояние, а из джунглей доносятся ароматы цветов.

— А что с Сарханом, Маунг? — спросил Маквайт. — Что мне делать?

— Вы о чем?

— Обо всем, большом или маленьком.

Маунг на мгновение приостановился. Ветерок доносил звуки далеких гонгов.

— Гилберт, я как-то слышал об одном американце, который работал над созданием завода по производству сухого молока в Сархане, — ответил Маунг. — Он планировал привить сарханцам вкус к молоку, а затем завезти молочный скот и организовать бизнес на прочной, самокупаемой основе. Никаких поблажек для иностранцев. Все просто и легко.

— Помню, что я читал о нем в газетах, — сказал Маквайт. — Он угодил в скандал. Изнасилование или накачивание девушек наркотиками, что-то в этом роде.

— Гилберт, это была ложь. Я никогда не встречался с этим человеком, но мне тоже пришлось потрудиться, чтобы раскопать правду о его истории. Его подставили коммунисты. Он говорил по-сархански, был предан своему делу, и он нравился людям. Его идея была здоровой. Его зовут Колвин; думаю, если вы вернете его, он сделает для вас работу.

— Я сделаю это, если смогу добиться его освобождения, — сказал Маквайт.

— Возможно, это мелочи, но такие идеи, как у Колвина, являются базовыми. Когда мы разберемся с основными проблемами, мы сможем перейти к более масштабным проектам. Но мы должны начать с мелочей, которые являются сарханскими.

И они еще три часа говорили о мелочах.

Как купить американский нижний класс

ТОМАС ЭЛМЕР НОКС. Родился 1-го апреля 1920 года в Шелдоне, штат Айова. Сын мистера и миссис Генри Нокс. Не женат.

Окончил среднюю школу Шелдона в 1937 году. Поступил в Университет штата Айова; получил степень бакалавра по животноводству и птицеводству, 1941 год. Поступил на службу в армию США рядовым первого класса. Дослужился до штаб-сержанта, демобилизовавшись в 1946 году. Участвовал во вторжении союзников в Европу; служил в танковой роте. Награжден Пурпурным сердцем и Бронзовой медалью.

В ежегоднике школы Шелдона он описывается следующим образом: “Мертвенно-серьезный, большеногий Том (ненавидит, когда его называют Элмером) был лучшим в футболе и толкании ядра. Считается настроенным против женщин, но спросите Эмили Честер о пикнике класса! Ха, ха! Его коровы и куры выигрывали все конкурсы по сельскому хозяйству за последние три года, но Том говорит, что ненавидит говядину и яйца. Амбиции: Заставить курицу снести 365 яиц за год. Предсказание: Он это сделает! Ха, ха.”

Управлял фермой Ноксов с 1946 по 1952 год. В 1953 году принял приглашение поехать в Камбоджу в качестве консультанта по птицеводству для Администрации экономического сотрудничества.

Публикации: “Влияние коммерческого кальция на яйценоскость красной род-айлендской породы”, журнал “Айовский птицевод”, сентябрь 1955 г.

В Томе Ноксе было три интересных момента. Во-первых, он был единственным американцем в Камбодже, который тратил всю свою зарплату, пока находился там. Во-вторых, он знал больше камбоджийцев, чем любой другой западный человек во всей стране. В-третьих, его способности и энтузиазм в отношении камбоджийской кухни были как минимум в три раза выше, чем у его ближайшего конкурента.

К тому времени, как Том пробыл в Камбодже год, он стал самым известным американцем в этой стране. Ни одна деревня не была настолько мала, чтобы не услышать звонкий смех Тома, не увидеть на практике его непомерный аппетит и не воспользоваться его знаниями о курах. День за днем Том водил свой джип по сельской местности. Когда дорога сходила на нет, он отстегивал от заднего сиденья джипа складной велосипед и крутил педали. Когда дорога становилась непроходимой для велосипеда, он шел пешком.

“Привет, парень, — говорил Том первому встречному в деревне. — Кто здесь человек номер один? Меня зовут Том Нокс, я из Шелдона, штат Айова”. Затем Том протягивал свою огромную руку и энергично качал маленькую, похожую на птичью, руку камбоджийца.

Через десять минут все, кто мог ходить, ковылять или ползать, собирались вокруг американца. Он говорил на хаотичной смеси камбоджийского,

французского и дворового английского. Хотя никто не мог его понять, все оценили искренность его попыток общения.

“Смотрите-ка, люди, у вас в деревне проблема с курами, — говорил Том. — У вас куча маленьких тощих цыплят, и я готов поспорить, что от каждой из них вы не получите и пятидесяти яиц в год. Я сам занимаюсь разведением кур в Айове, и у нас есть несколько хитростей, которые я собираюсь передать вам. Но прежде чем мы это сделаем, я хотел бы немного подкрепиться”. Когда группа отправлялась в дом старосты, чтобы поесть, Том подтверждал свои полномочия, убедившись, что жители деревни знают, что он фермер.

В одном месте он наблюдал, как камбоджийцы берут кипящий сироп, полученный из тростникового сахара, и разливают его в большие формы для сахара в виде горшков. Он заметил, что когда они выбивали сахарную “бабу” из форм, то неизменно теряли значительную его часть. Том сел и сконструировал деревянную форму для сахарной “бабу” с петлями на дне, благодаря чему ее можно было распахнуть, чтобы “бабу” можно было извлечь целым и невредимым. В другом городе он наблюдал, как камбоджийцы сажают поросят в маленькие бамбуковые клетки, чтобы отвезти их на рынок. Обычно один или два поросенка просовывали голову сквозь прутья и задыхались по дороге. Том показал жителям деревни, как обвязать шпагатом грудь поросенка, чтобы тот не задохнулся.

Не менее впечатляющим он был и тогда, когда приходило время поесть. В мгновение ока он стал грозным экспертом по камбоджийской кухне. Он мог сказать, из какого района привезли различные сорта риса. Он знал десятки различных приправ и смесей, которые можно к нему подать. Камбоджийцы с восторгом наблюдали за тем, как Том берет на себя обязанности по приготовлению пищи. Он готовил с уверенностью художника, и неважно, был ли это речной угорь или озерная рыба, готовил он их мастерски. Том старался брать с собой достаточно еды, чтобы, несмотря на огромные порции, которые он съедал, его хозяин оставался в лучшем состоянии после его ухода.

После трапезы Том переходил к делу. Он подхватывал с земли пищащую курицу, внимательно осматривал ее — отодвигал перья, заглядывал в глаза, широко разводил когти и ощупывал на предмет внутренних повреждений.

“Этому малышу нужно больше кальция в рационе, — говорил Том. — Кальций, знаете ли, это такая белая штука, которую можно получить из земли. Я видел жилы этого вещества в холме недалеко от тропы, примерно в миле отсюда. Возьмите пять или шесть фунтов этого вещества и смешайте со ста фунтами куриного корма, и у вас получится хорошая диета для курицы; или, по крайней мере, это будет хорошая диета для *этой* курицы”.

Когда цыплята заболевали, Том либо посыпал их порошками, которые принес с собой, либо делал им уколы. Он также оставил брошюры на камбоджийском языке о том, как ухаживать за цыплятами, чтобы они были здоровы.

Успех Тома, хотя и незначительный по тем меркам, по которым рассчитывалась военная или крупная экономическая помощь, был впечатляющим. Молва о нем распространялась от деревни к деревне, пока наконец появление Тома в каждой новой деревне не становилось сигналом к карнавалу. В ожидании следующего визита Тома жители деревень стали запасаться лучшими фруктами,

горшком превосходного копченого угря, особенно хорошими веточками корицы или мешком исключительно хорошего риса. Производство яиц стремительно росло. Вообще, Том приобрел репутацию человека, который творит волшебство с курами. Тощий и без перьев цыпленок, находящийся на краю гибели, оживал только от одного прикосновения Тома. Уже через пять минут после прибытия в деревню он мог точно сказать, что не так с кормом, которым кормят цыплят, и неизменно оказывался полезен в других вопросах. Он был ходячей энциклопедией камбоджийского и американского фольклора о курах, и было очень мало того, чего он не знал о фермерстве в целом.

Однажды вечером Том сидел перед домом старосты деревни на холме. В тот день он двенадцать часов работал с жителями деревни. Он приятно устал и с удовлетворением наблюдал, как всходит Луна и превращает зелень джунглей внизу в перекатывающееся море тьмы. Широкий поток серебристого лунного света изредка нарушался стаяй птиц, похожей на облако мотыльков. Староста подошел и молча присел на корточки рядом с Томом.

— Почему такой сильный человек, как ты, покидает свою страну? — мягко и вежливо спросил староста. — Ты очень хороший человек, но мы удивляемся, почему ты покинул свою страну, чтобы помочь нам.

Это было сказано с бесконечной вежливостью, и Том знал, что ему не нужно отвечать. В его голове автоматически всплыли казенные лекции о целях иностранной помощи, прочитанные всем сотрудникам Администрации экономического сотрудничества за рубежом. Он мысленно перечислил их, а затем почувствовал отвращение.

— Вот дерьмо! — тихо сказал он.

— Что это за слово? — так же тихо спросил староста.

— О, ничего. Это просто выражение гнева, — ответил Том. — Я мог бы дать вам много формальных ответов, но дело в том, что я просто люблю людей и кур, а кроме того, мне хотелось на год или около того уехать с фермы.

Это было странно, но это была правда. На протяжении многих лет у Тома была мечта, состоящая из вещей настолько легких и неосязаемых, что он никогда не мог ее обсуждать. Из-за этой мечты он так и не женился; из-за этой мечты он и приехал в Камбоджу. Когда Том был маленьким мальчиком, он обнаружил, что некоторые слова обладали для него бесконечным очарованием. Такие слова, как “корица”, “шафран”, “Малаккский пролив”, “Индус” или “Замбоанга”, несли в себе магию. Они наводили на мысль о необычных странах, загадочных зеленых водах, запахах, которых он никогда еще не чувствовал, и людях, которых он еще не видел. Позже, когда он узнал, что означают эти слова, ему захотелось увидеть те места и вещи, которые они обозначали. По мере взросления он собирал другие слова и хранил их глубоко в памяти. “Отель Раффлз”,³¹ “сезон муссонов”, “высокогорные плантации”, “леса красного дерева”, “рисовые поля”, “Желтая река” — сотни названий мест и предметов Дальнего Востока. Он даже узнал значения таких необычных слов, как “парянка” — одна из сидячих поз в буддийской вере. На

³¹ ОТЕЛЬ “РАФФЛЗ” — знаменитый исторический отель, построенный в 1887 году в классическом колониальном стиле, расположенный в центре Сингапура.

самом деле, разговаривая со старостой, он сидел именно в такой позе и прекрасно понимал, что староста придает ей огромное значение.

— Послушай, старик, мне очень трудно говорить о таких вещах, — произнес Том. — Я не очень хорошо владею словами. Но я много лет хотел увидеть такую страну. И вот я приехал и увидел ее.

— И тебе это нравится? — спросил староста.

— Да, мне очень нравится, — сказал Том. Он понял, что чуть было не сказал, что ему здесь нравится. — Мне нравятся люди в деревнях, но мне не нравятся чиновники в Пномпене. И мне не нравятся манеры американцев, которые работают в моей миссии или в нашем посольстве.

— Я не знаю этих людей, но думаю, что мне и моим людям очень нравится такой парень, как ты, — робко, но твердо произнес староста.

Том пробыл в Камбодже достаточно долго, чтобы понять, что ему только что сделали огромный комплимент. Это была одна из самых счастливых ночей, которые он когда-либо проводил в Камбодже или, если уж на то пошло, где-либо еще.

Через две недели Том отправился в Пномпень на ежегодную конференцию, где оценивались результаты работы американской миссии помощи Камбодже. Том был недоволен. За восемнадцать месяцев, проведенных в джунглях, у него сложилось определенное представление о том, что нужно деревенским жителям. Его отчеты получали в штаб-квартире миссии, но, похоже, никаких действий по ним не предпринималось. Том хотел импортировать несколько тысяч голов красной род-айлендской и других пород домашней птицы, чтобы улучшить камбоджийское поголовье. Том не обманывал себя. На собраниях персонала он соглашался с тем, что дорога от Пномпеня до нового морского города Конпонг-Сом будет полезна для страны. Он также согласился с тем, что будет полезна масштабная программа строительства каналов. У него не было возражений против амбициозных военных планов, которые поддерживала миссия. Но он продолжал настаивать на том, что большинство из миллионов людей в Камбодже живут за счет земли, и все, что поможет им жить лучше — даже в пределах нескольких яиц в день, — должно быть сделано.

За день до начала конференции Том встретился со всеми американскими экспертами по сельскому хозяйству, камбоджийскими специалистами и четырьмя французскими чиновниками, чтобы проанализировать работу за год и решить, какие рекомендации вынести на конференцию. Том прослушал предложение о строительстве нового канала стоимостью два с половиной миллиона долларов и предложение заменить восемнадцать квадратных миль мангровых болот механизированной фермой. Он слушал, как американский эксперт предлагал импортировать двести тысяч тонн коммерческих удобрений в год в течение четырех лет. Затем председатель конференции кивнул Тому.

— Моя рекомендация не покажется вам чем-то особенным после тех денег, которые мы прокрутили за этим столом, — произнес Том с ухмылкой. — Я хочу сделать две небольшие вещи, которые не потребуют больших затрат, но точно помогут производству кур и яиц в Камбодже. Во-первых, я хочу завезти несколько тысяч американских кур и петухов, чтобы улучшить местное поголовье. Во-вторых, я хочу получить пару тысяч долларов на разработку машины, с помощью которой

можно было бы измельчать и обрабатывать верхушки сахарного тростника, чтобы их можно было использовать для корма кур и крупного рогатого скота...

— Том, ты говорил нам об этом в прошлом году, — устало сказал председатель. — Обоим нашим правительствам нужно что-то большое, что действительно поможет людям сразу же.

— Вот посмотрите. Три миллиона человек в Камбодже живут в деревнях, и то, что они едят, зависит от того, что они могут вырастить сами, — продолжал Том с нарастающим гневом в груди. — Основной источник белка и мяса — курица и яйца. Конечно, они могут добывать рыбу, но не все живут рядом с достаточно...

— Ладно, ладно, Том, — раздраженно прервал его председатель. — Мы уже слышали это раньше, и дали свои рекомендации. Высшие чины их не выполнили, и я думаю, что нам следует отказаться от них и сосредоточиться на действительно важных вещах.

Лицо Тома покраснело, а спина выгнулась дугой, как у разъяренного быка. В голове у него пронеслись тысячи деревенских жителей, с которыми он разговаривал. Он вспомнил их дружелюбие, их благодарность, их невежество, их готовность учиться, жалкое состояние их кур, нехватку у них яиц. Внезапно его охватило чувство вины, что он плохо представляет свой народ. Только позже он задал себе вопрос, с чего это они являются *его* народом. Том ударил кулаком по столу, и вся группа с изумленными лицами подняла головы.

— Послушайте, черт побери, — прорычал он. — Вы, люди, сидите на своих задницах здесь, в Пномпене, и никогда не выходите на улицу, чтобы увидеть настоящего человека. Я говорю вам прямо сейчас: если бы мы могли увеличить производство яиц в этой стране на двести процентов, мы бы сделали столько же для помощи среднему камбоджийцу, сколько мы сделали бы, построив это чертовски дорогое шоссе или этот канал. Я не собираюсь спрашивать вас, десантников, или офицеров, что вы думаете по этому поводу. *Они* со мной согласятся.

Том повернулся и гневно указал пальцем на начальника камбоджийского комитета помощи. Камбоджиец посмотрел на Тома, затем быстро обвел взглядом стол. После этого он опустил взгляд на свои руки и несколько секунд молчал.

— Ну, давай, скажите нам, что вы думаете, — сердито настаивал Том. — Вы знаете, как живут люди в деревнях. Вы знаете, сколько времени потребуется, чтобы улучшить их уровень жизни за счет этих шоссе или каналов. А что насчет моих кур?

— Я считаю, что производство кур и яиц очень важно, — осторожно сказал камбоджиец.

Том торжествующе взмахнул рукой.

— Ну вот, я же говорил!

— Не волнуйся, Том. Я хотел бы узнать, что наш друг считает самым важным, — сказал председатель. — Если у нас есть деньги на развитие механизированных ферм или программы по выращиванию кур, что бы вы поддержали?

Том понимал, что вопрос был нечестным. Камбоджийское правительство твердо придерживалось механизированных ферм, и эксперт не мог высказать честное мнение, не поставив под сомнение политику правительства. Когда

камбоджиец заговорил, он не отрывал глаз от своих рук, а его голос звучал очень глухо.

— Я бы поддержал механизированные фермы, — произнес камбоджиец.

Председатель повернулся к Тому и пожал плечами.

Том понимал, что должен молчать, но не мог. Ему казалось, что жители деревни — это его избиратели, и если бы он сейчас не выступил от их имени, то предал бы их доверие.

— Я скажу кое-что только один раз, а потом покончу с этим раз и навсегда, — сказал он, и в его низком голосе зазвучала угроза. Председатель резко поднял голову. — Если мы не добьемся ассигнований на этих чертовых кур до окончания конференции, я уйду в отставку, вернусь в Вашингтон и подниму шум. Пока вы, ребята, не выберетесь в глубинку, вы не узнаете, что к чему. Там много конгрессменов, которые разбираются в курах и фермерстве, и я думаю, что смогу убедить их в том, что вы совершаете большую ошибку.

Это была угроза, и каждый за столом понял все правильно. Председатель уставился на Тома, быстро прикидывая, как отреагирует его собственное начальство, если к нему обратится этот фермер, и решил, что оно будет твердо стоять на своем; в любом случае руководство сможет заручиться бóльшей поддержкой конгрессменов, чем Том. Он улыбнулся.

— Хорошо, Том, если ты так хочешь. С этого момента я принимаю твою отставку, если ты не захочешь передумать.

Все в комнате замолчали. Камбоджийцы были не только молчаливы, но и глубоко смущены. Американцы лишь с любопытством наблюдали за происходящим. Им уже доводилось видеть подобное.

Том встал, еще раз оглядел стол и вышел из комнаты.

Через две недели он был готов лететь домой. Он уже написал письма конгрессменам из сельскохозяйственных штатов и изложил им свои опасения. Ответов он пока не получал, но и времени на доставку писем вокруг всего земного шара было мало, поэтому он твердо намеревался прилететь в Вашингтон и лично изложить им свое дело.

За день до отъезда к Тому пришел посетитель — высокопоставленный французский дипломат. Француз объяснил, что внимательно следил за работой Тома и слышал прекрасные отзывы из деревень, которые тот посетил. Он выразил сожаление, что у Тома возникли разногласия с американским шефом. Американец бесстрастно слушал.

— В знак нашей благодарности вы позволите нам составить маршрут вашего путешествия домой таким образом, чтобы вы смогли посетить остальные страны Дальнего Востока, Индию, Ближний Восток, а также Францию и Англию? — аккуратно спросил его дипломат. — Насколько я понимаю, вы прилетели сюда через Тихий океан, так что к моменту возвращения домой вам придется объехать весь мир. Как вы знаете, Камбоджа оплачивает такие поездки из средств контрагентов. Мы будем рады, если вы совершите эту поездку. Мы смущены вашей дилеммой, и вы могли бы оказать нам честь своим согласием.

Тому было одновременно и не интересно, и подозрительно. Ему хотелось лишь как можно скорее вернуться в Соединенные Штаты, и он уже давно понял, что когда дипломаты делают конкретное предложение, они обычно имеют в виду

какую-то твердую цель. Пока Том пытался принять решение, француз показал, как хорошо он понимает американскую натуру.

— Мне всегда казалось, сэр, что вы с большой симпатией относитесь к азиатским странам и народам, — мягко сказал дипломат. — Поездка, которую я предлагаю, даст вам возможность увидеть великолепные старинные храмы в Бангкоке. Вы могли бы заехать в Индонезию, и я уверен, что наши дипломатические работники в Индии смогут организовать для вас посещение большей части этой страны. Это была бы прекрасная возможность. Из личного опыта могу сказать, что нет более захватывающего зрелища, чем Тадж-Махал при свете полной Луны.

Для Тома этот аргумент оказался решающим. В его сознании всплыли все экзотические слова, все образы экзотических сцен. Еще через пять минут он дал согласие, и была достигнута договоренность о перелете Тома в Париж самолетом авиакомпании “Эйр Франс”.

Поездка домой началась очень хорошо. На спецрейсе “Эйр Франс” в самолете было меньше пассажиров, поэтому их обслуживали по высшему разряду. Первое блюдо, которое Том съел на борту самолета, состояло из щедрого куска *pâté de foie gras*, крошечного багета французского хлеба, бутылки шампанского и большого куска свежего сливочного масла, на котором было оттиснуто его имя, — и это было только начало. Позже он съел огромный стейк с беарнским соусом, к которому подали полбутылки великолепного шамбертена; суфле из шпината, деликатно приправленное свежим маслом и толченым чесноком; а на десерт — сыр бри и крекеры.

В индонезийской Джакарте Тома встретили сотрудник французского посольства и французский торговец. Было оговорено, что Том проведет несколько ночей в резиденции посольства, и они наметили маршрут его пребывания там, который американец охотно одобрил. Во второй половине дня они отвезли его в крошечную деревушку на окраине столицы. Даже после красот Камбоджи Том был ошеломлен. Деревня была похожа на драгоценный камень. Великолепные цветы таких расцветок, каких он еще не видывал, заплетали заборы, свисали с деревьев и взбирались по стенам местных хижин. В самой большой из хижин выступала труппа балийских танцовщиц. У миниатюрных и обнаженных до пояса девушек за ушами были приколоты большие красные цветы, которые на фоне их черных как смоль волос горели ярким огнем; одеяния, напоминавшие саронги, подчеркивали каждый изгиб их невероятных тел. В течение трех часов Том сидел, как зачарованный, наблюдая за танцем — грациозные девушки казались ему совершенно не имеющими скелета. Их тела то перетекали в невообразимые позы, то растворялись в иных немыслимых положениях. Танцевали они под неземную музыку, исполняемую целой вереницей индонезийских музыкантов. Когда Том уходил, он был близок к тому, чтобы расплакаться. Весь этот день он не вспоминал о Камбодже, и злость на нее исчезла.

В тот вечер в посольстве его ждал банкет в индонезийском стиле девятнадцатого века — *rijsttafel*. Присутствовало двенадцать человек; Том и посол были единственными белыми мужчинами. Сначала индонезийский мальчик принес каждому гостю огромную миску вареного риса; затем целая процессия слуг внесла приправы, чтобы положить их поверх риса, каждая из которых была

насыщеннее предыдущей. Когда пришло время есть, перед Томом оказалась порция риса, почти погребенная под десятками ароматных специй. Один из слуг держал бокал, наполненный хорошим крепким пивом. Едва они приступили к трапезе, как в комнату вошли две девушки из танцевальной труппы. Они не танцевали, но играли на двух маленьких струнных инструментах, издававших высокий, пронзительный звук. Поначалу эта музыка казалась почти невыносимо пронзительной, но через некоторое время приобрела практически небесную чистоту и звонкость. И еда, и музыка были словно из другого мира, и Тому несколько раз приходилось избавляться от ощущения нереальности происходящего. По его мнению, это было самое близкое прикосновение к его мальчишеской мечте.

Остаток пребывания в Джакарте был не менее увлекательным, и когда Том поднялся на борт очередного роскошного самолета “Эйр Франс”, то был рад возможности немного поспать. Проснулся он через восемь часов после взлета и был польщен, обнаружив, что французский торговец поставил на борт самолета ящик импортного пива и велел стюарду подать Тому бутылку, как только он проснется. К тому времени, когда он выпил пять бутылок пива, самолет уже кружил над Нью-Дели на севере Индии, чтобы совершить посадку. Индонезия была пышной, богатой и яркой; Индия на контрасте оказалась пыльной и жаркой. Но Том наслаждался своим пребыванием здесь. В аэропорту его снова встретили два француза, которые организовали ему проживание во французском доме отдыха. Они также спланировали тщательно продуманный маршрут. Том посетил великолепные столетние руины, посмотрел, как труппа индийских танцоров воссоздает древние ритуальные танцы, которые раньше исполнялись с кобрами, и побывал на погребальном сожжении на берегу реки. Еще много месяцев спустя он вспоминал запах, который поднимался от костра: древнее масло, странные духи и горящая плоть.

Во время пребывания в Нью-Дели Том также хорошо питался. Когда он улетал, опять же роскошным рейсом, ему подарили коллекцию замысловатых индийских серебряных украшений — подарок французского посольства Индии. И на протяжении всего его пребывания различные люди отпускали лестные замечания о его навыках, проявленных в Камбодже.

Во время долгого перелета из Нью-Дели в Ниццу Том несколько раз пытался написать свои критические замечания по поводу американской программы сельскохозяйственной помощи Камбодже. Но почему-то ему было трудно подобрать нужные слова, чтобы выразить свое возмущение. Более того, он обнаружил, что его возмущение очень трудно разжечь. Он уверил себя, что, вернувшись в Соединенные Штаты, сможет точно и обоснованно изложить свою жалобу, и решил после возвращения как можно скорее отправиться в Вашингтон.

Когда его самолет приземлился в Ницце, его снова встретили неизбежные французы. На этот раз они договорились, что он останется в отеле, расположенном неподалеку от мыса д'Антиб, столько, сколько захочет. На скалах под отелем сидело с полдюжины женщин в купальниках размером меньше, чем Том мог себе представить.

Том пробыл в отеле семь дней, а когда уезжал, обнаружил, что счет оплачивать не нужно. Администрация заверила его, что и они, и французское

правительство были рады видеть в качестве гостя столь выдающегося американского дипломата. Французы из Ниццы преподнесли ему подарок на прощание — чемодан из марокканской кожи, самый лучший багаж, который Том когда-либо видел.

В Париже Тома встретил камбоджиец, владеющий крупными сельскохозяйственными угодьями в Камбодже. Он организовал для Тома проживание в небольшом отеле. Извинившись за то, что отель не имеет международной репутации, он заверил Тома, что обслуживание и питание в нем превосходные. Эта рекомендация оказалась чем-то вроде преуменьшения. К своему изумлению, Том обнаружил, что в отеле нет установленных тарифов. Гостю просто давали все, что он просил, а в конце пребывания выставляли единый унифицированный счет. Когда Том попросил в баре виски, официант принес ему полную бутылку “Джонни Уокер Блэк Лейбл” и несколько бутылок минеральной воды “Перрье” и ушел. Для такого маленького отеля меню было просто невероятным. Том буквально мог заказать все, что хотел, — от свежей икры белуги до супа из кальмаров.

Тем временем камбоджийский землевладелец не давал Тому отдыхать: он посещал с ним все художественные галереи Парижа, устраивал вечера в опере, дегустации в знаменитых винных погребах, небольшие коктейльные вечеринки, катал на карете в Буа и покупал подарки, которые, как оказалось, каким-то загадочным образом не требовали от Тома никаких затрат.

Однажды вечером он попытался поднять вопрос о сельскохозяйственной помощи Камбодже. Пока Том описывал свои планы по увеличению производства куриных яиц в этой стране, камбоджиец вежливо слушал, и у американца возникло ощущение, что его собеседник уже знает подробности его плана. Камбоджиец не мог быть более честным или дипломатичным.

— Мистер Нокс, боюсь, что мы с вами расходимся во взглядах на эту идею, — наконец произнес он с большим изяществом. — Количество денег, выделяемых на помощь, ограничено; и пока золотой гусь не перестал нестись, я думаю, Камбодже было бы разумно обзавестись постоянными объектами, такими как дороги, каналы и порты. Ваша идея важна и хороша, но я не думаю, что сейчас для нее подходящее время.

Том начал было протестовать, но возражать такому вежливому и щедрому человеку казалось неразумным.

Через два дня камбоджиец сообщил Тому, что по счастливой случайности им удалось получить для него каюту-люкс на судне “Либерте”, идущем в Нью-Йорк. И он смог сообщить Тому, что к счастью люкс ему не будет ничего стоить, потому что по причине, которая так и осталась для американца неясной, люкс был для них бесплатным.

Когда Том покинул отель, его впечатления от Ривьеры повторились. Отель был так рад видеть его в качестве гостя, что даже не подумал взять с него плату. Управляющий доверительно отметил, что другие люди — бизнесмены и брокеры, например, — вполне могут позволить себе оплатить стоимость тех небольших услуг, которые отель оказал Тому. Он намекнул, что Том принадлежит к группе людей настолько ценных и важных, что они не могут оплачивать счета в этом отеле.

Люкс на “Либерте” оказался роскошным, и не нарочито показным. Каждое утро в его каюту приносили свежие цветы, к которым всегда прилагалась записка с благодарностью от камбоджийского правительства. Кроме того, несколько раз его навещал камбоджийский дипломат, путешествующий по Соединенным Штатам; этот джентльмен делал Тому подарки в виде французского вина и отрезка тончайшего французского шелка.

Когда “Либерте” была в двух днях пути от Нью-Йорка, Том сел за стол, чтобы изложить свои мысли комитетам конгресса и газетчикам в Вашингтоне. Однако он обнаружил, что чувство гнева и возмущения не только притупилось, — его вообще очень трудно воссоздать. К удивлению Тома, Камбоджа стала казаться ему давно прошедшим временем, овеянным чудесными воспоминаниями. Это были не столько воспоминания о деревенской жизни, сколько о щедром и вежливом внимании, которое оказали ему многие камбоджийцы во время его поездки домой. Злость, которая в Камбодже казалась таким верным и честным оружием, в его каюте на “Либерте” выглядела почти нелепо. Проработав три часа и исписав всего полстраницы, он решил дожидаться прибытия.

Восемь месяцев спустя, когда Том вернулся на ферму Нокса в Шелдоне, штат Айова, он снова увидел половину листа бумаги. Перечитав ее, он на мгновение подумал, что это, должно быть, написал другой человек. Почерк был его, но не слова. Гнев, который он испытывал в Камбодже, такой горячий, яркий и питаемый любопытством, теперь казался детским. Том сложил бумагу и убрал ее.

В Хайдхо послу Маквайту позвонил фермер, возглавлявший Ассоциацию птицеводства Среднего Запада. Вместе с женой он совершал кругосветное путешествие и пришел в посольство с определенной мыслью на уме.

— Послушайте, мистер Маквайт, — напрямую сказал посетитель, никогда не изучавший дипломатический протокол, — у меня есть кое-что свеженькое. Послушайте секунду и не говорите, что я сошел с ума.

Маквайт пододвинул к мужчине коробку сигар. Тот взял четыре, зажег одну, а три другие сунул в карман рубашки. Выдохнув белое облако дыма, он заговорил сквозь него.

— Что нужно этой стране, мистер, так это несколько хороших кур, — произнес он, его голос вибрировал от волнения.

— Я думал, их тут много, — осторожно ответил Маквайт. В его голосе не было неодобрения, потому что он давно приучил себя не удивляться.

— Да, конечно, есть, но они болезненные, — сказал посетитель. — Я выяснил, что они несут всего около тридцати яиц в год. Если бы мы могли довести их яйценоскость до 200 яиц на курицу в год, а их вес увеличить на 20 процентов, мы могли бы сэкономить 2 миллиона долларов на импорте продовольствия в год. Смотрите, я подсчитал.

Взволнованный мужчина пододвинул к послу засаленный лист бумаги. Тут и там он был покрыт исписанными цифрами; внизу в кружке была написана цифра “2 000 000 долларов”.

Маквайт поручил проверить цифры своим научным сотрудникам. Они оказались верными.

После этого он написал письмо в Американскую миссию экономической помощи в Пномпене (Камбоджа), в которой находилось самое большое количество американских экспертов по сельскому хозяйству из всех экономических представительств в ближайшей округе, и спросил, нет ли у них эксперта по курам, которого они могли бы предоставить правительству Сархана.

Письмо, полученное от главы миссии в Пномпене, разочаровало его, и стало причиной второй крупной ошибки Маквайта, которую он так и не уловил.

Уважаемый посол Маквайт!

Я понятия не имею, чем вы там занимаетесь, но похоже, что вы пытаетесь обеспечить себе хороший запас эггнога³² на рождественские праздники.

Каковы бы ни были ваши мотивы, я ничем не могу вам помочь. У нас тут был один эксперт по яйцам, его звали Томас Элмер Нокс. В этой профессии есть что-то такое, что делает их немного странными. У него просто ничего не вышло. Вечно в деревне, вечно болтал о том, о чем ничего не знает, вечно угрожал обратиться в Конгресс, если мы не импортируем сюда красную род-айлендскую породу.

В конце концов он уехал, но почему, я так до конца и не понял. Французские и камбоджийские чиновники сначала были немного обеспокоены, потому что им не нравится, когда американцы уезжают недовольными; но теперь они, кажется, не возражают. Однако им больше не нужны эксперты по яйцам. И вам они тоже не нужны. Бросайте вы это дело.

*С уважением,
Роу Хенди*

И Маквайт отказался от этой затеи, что стало его второй серьезной ошибкой.

³² Напиток, который готовится из сырых яиц, молока, сахара, специй с добавлением рома, бренди или виски.

Шестифутовый провидец из Саванны

Негромко играя на губной гармошке, полковник ВВС США Эдвин Б. Хилландейл из Саванны, штат Джорджия, шел по улице Белого крокодила в Хайдхо. Он пытался выучить песню “Гингкхо Хригностина”, которая является национальным гимном Сархана. Каждые несколько минут полковник останавливался сарханца и исполнял версию “Гингкхо Хригностины”, после чего жестикуляцией, призывными гримасами и смехом убеждал сарханцев напевать гимн.

Но разучивание национального гимна Сархана было не единственным занятием полковника. Он, как он выразился, “смотрел, чем живет этот городок, пока Маквайт не вернулся из поездки” — посол Маквайт взял его на несколько месяцев из Манилы. Полковник заметил, что здесь очень много ломбардов, и сделал вывод, что городские жители находятся в плохом экономическом положении. Он обратил внимание на лавки, где продавались орехи бетеля, табак и местные лекарства. В одной из них он увидел, как клерк передавал что-то из-под прилавка, и догадался, что там продают и опиум. Он прошел мимо фруктовых лавок, заваленных красными гранатами, желтыми помело, розово-коричневыми бананами и зелеными яблоками, мимо прогуливающих торговцев цветами, несущих огромные корзины со сладкими благовониями. Но больше всего полковник обратил внимание на большое количество вывесок, рекламирующих заведения, специализирующиеся на хиромантии и астрологии. Эти заведения имели чистый, элегантный, респектабельный вид, что делало их похожими на кабинеты модных врачей в Америке. А таблички, которую астрологи и хироманты вывешивали у своих заведений, указывала на то, что эти специалисты имеют докторскую степень.

“Что ж, — подумал полковник Хилландейл, — наконец-то я нашел место, где моим увлечениям будут рады. Хорошо, что я захватил с собой эфемериды³³ и журналы. И эту логарифмическую линейку. А если я еще найду свой диплом из школы оккультных наук в Чангкинге, то по-настоящему буду в деле”.

Затем он заиграл на губной гармошке “Свистящего поросенка” — мелодию, которую он приберегал только для особых случаев, таких как день, когда он завел осла в генеральские апартаменты, или прошлое 14-е марта, когда его повысили до звания полковника.

Насмотревшись на Хайдхо, он вернулся в американское посольство и принялся за чтение. Он просмотрел биографии всех сарханских политиков и множество различных аналитических оценок текущей политической ситуации. Он погрузился в эти исследования на несколько дней и, возможно, продолжал бы и дольше, если бы его не прервал сотрудник, который ведал в посольстве протоколом.

— Полковник, ваше прозвище — “Рэгтайм Кид”?

— Так меня называют в Маниле.

³³ Астрономические журналы с координатами небесных светил.

— Тогда это точно вы. Посол Филиппин дает завтра ужин и просит вас присутствовать на нем. Я уже дал наше согласие. Посол Родригес, кажется, особенно хотел...

— Значит, дон Филиппе все-таки получил для себя эту работу, старый канюк. Конечно, я поеду. Надеюсь, он захватил с собой пару ящиков *тубы*,³⁴ вагон “Сан-Мигеля” и тех двух симпатичных служанок, которых держал в Маниле...

— В восемь часов, — поспешно добавил протоколист. — Черный галстук. И придите немного пораньше. Там будут премьер-министр, министр иностранных дел и еще несколько сарханских высокопоставленных лиц.

— У вас есть список гостей?

— Я принесу вам один.

На званом ужине у филиппинского посла было много гостей, потому что дон Филиппе уже успел зарекомендовать себя как радушный и обаятельный хозяин. Ходили слухи, что он платит своему шеф-повару тридцать тысяч песо в год и что он украл его из “Уолдорф-Астории”. Но независимо от того, сколько ему платили и откуда его украли, шеф-повар прославил кухню дона Филиппа на весь Восток.

Примерно через час после коктейлей и закусок к дону Филиппе подошел слуга и что-то прошептал. Облако разочарования омрачило лицо посла, а лоб нахмурился. Дон Филиппе на мгновение задумался, затем подошел к полковнику Хилландейлу и отвел его в сторонку.

— Малыш,³⁵ — произнес он, — случилась ужасная катастрофа. Первое блюдо на этот вечер — *sole escabeche*.³⁶ Рыбу я поймал сегодня днем с собственной лодки; но Анри только что сказал мне, что у него нет имбиря, а чтобы его достать, понадобится полчаса. Так что я вынужден тянуть время. Помнишь трюк с гаданием по ладони, который ты провернул в моем доме в Багио? Как ты думаешь...

В голове Рэгтайма Кида зазвучала мелодия “Свистящего поросенка”.

— Дон Филиппе, — сказал он, — с удовольствием. Сегодня у меня прекрасное настроение для чтения по ладони. Влажность как раз подходящая, и так получилось, что Венера находится в соединении с Луной.

— Валяй, — произнес Дон Филиппе, сразу помолодевший лет на пять. — Мне все равно, какую ложь ты скажешь этим людям, просто развлеки их на полчаса.

— Ложь? Дон Филиппе, вы меня обижаете.

Посол Филиппин постучал ложкой по бокалу и, когда все внимание было приковано к нему, представил полковника Хилландейла.

³⁴ Филиппинская кокосовая водка.

³⁵ По-английски *Kid*. Прозвище полковника Хилландейла.

³⁶ Маринованная рыба (исп.)

— Дамы и господа! Так получилось, что в этот вечер с нами находится самый выдающийся хиромант и астролог...

Тут он сделал паузу, во время которой присутствующие американцы засмеялись, а некоторые, включая Джорджа Свифта, поверенного в делах, воскликнули: “Фальшивка! Мошенник!” Сарханцы же с интересом наклонились вперед, чтобы услышать продолжение объявления, несколько смущенные комментариями американцев. Дон Филиппе продолжил.

— Этот уважаемый человек — мой старый друг и соратник, полковник ВВС США Эдвин Хилландейл. Он единственный из ныне живущих белых людей — выпускник Чангкингской школы оккультных наук. Я много раз видел его выступления, и вещи, которые я слышал от него, были одновременно и фантастическими, и чудесными. Помню день, когда он прочитал по ладони и составил гороскоп нашего министра обороны Рамона Магсайсая. Рэгтайм Кид — так мы ласково называем полковника — сказал Рамону, что шестнадцатое число месяца будет его счастливым днем, но только если он будет находиться в окрестностях Баранга. Из любопытства Рамон отправился в Баранг, небольшой городок в провинции Северный Илокос. И именно в этот день и в именно в том городе Рамон окружил и взял в плен лидеров ужасных гуков, в результате чего все их движение было сломлено.

Сарханский премьер-министр и его министр иностранных дел одобрительно кивнули друг другу. Джордж Свифт рассмеялся и хлопнул себя по колену.

— Я попросил Малыша, чтобы он почитал по ладоням у некоторых из вас после ужина, но он сказал мне, что астрологические условия сейчас идеальны, когда Венера находится в соединении с Луной. Следующие полчаса — лучшее время для чтения ладоней, а мой шеф-повар говорит, что сможет задержать ужин на такое время, так что... представляю вам полковника Хилландейла!

— Bravo! Bravo! — произнес премьер-министр, хлопая в ладоши.

Свифт повернулся к жене и прошептал:

— Интересно, зачем Маквайт нанял этого самодеятельного артиста. Представляешь, водевильные трюки на государственном обеде!

Полковник Хилландейл встал и поднял руку.

— Ну, дамы и господа, честно говоря, я не люблю делать это на публике. Когда я читаю ладони, я должен точно сказать, что я вижу. Иногда информация бывает такой, о которой не хочется, чтобы знали другие. Я обязан сообщить вам об этом заранее.

— Начните с меня, полковник, — язвительно сказал Свифт, протягивая руку. — Мне нечего скрывать. Давайте, я осмелюсь.

Они сели под лампой. Полковник положил на колено руку Свифта. Все столпились вокруг.

Полковник спросил:

— Когда вы родились?

— Это вы мне скажите, мистер Пророк.

Полковник внимательно посмотрел на руку Свифта, а затем мягко и без упрёка сказал:

— Я знаю, что вы родились 28-го апреля 1913 года в Санта-Кларе, штат Калифорния. Я надеялся узнать точный час и минуту, поскольку это помогло бы мне. Впрочем, неважно...

Поверенный в делах ничего не сказал.

— Вы из бедной семьи. Ваш отец держал салун, точно не знаю, но есть основания полагать, что он разорился и бросил вашу мать.

Миссис Свифт затаила дыхание. Полковник продолжал:

— Вы хотели стать врачом, но не смогли сдать вступительные экзамены в медицинскую школу. Вы бросили колледж после третьего курса, потому что... — Полковник поднял голову и посмотрел на миссис Свифт. Увидев страдание на ее лице, он перешел к следующей теме. — Вы получили работу офис-менеджера в компании по продаже недвижимости и занимали ее до 1944 года, когда один из ваших клиентов получил большую должность в Вашингтоне. Он взял вас с собой в качестве офис-менеджера, и вы выполняли множество мелких поручений по связям с Конгрессом. Затем вы перешли в Государственный департамент в том же качестве. Это ваше первое задание за границей. Я вижу по вашей руке, что вы мало читаете — не так много книг, журналов или газет, — но у вас есть способность просматривать отчеты и приводить их в надлежащий порядок. Это ваш большой талант. Вы ненавидите, когда вас ругают, а когда ругают, то — судя по вашей руке — вы вымещаете это на своей жене. Я мог бы с легкостью рассказать вам, что произойдет в вашем будущем, но так как вы не хотите назвать мне точное время своего рождения, что ж...

Свифт начал было бормотать время, когда он родился, но полковник Хилландейл уже отпустил его руку и перешел к следующему человеку.

Премьер-министр сказал:

— Я бы хотел, чтобы мне прочитали по ладони. Но я бы предпочел, чтобы это происходило наедине.

— Ваше превосходительство, — сказал филиппинский посол, — конечно.

Он положил руку на локоть премьер-министра и повел его в кабинет. Рэгтайм Кид последовал за ним.

Полковник и премьер-министр закрыли дверь кабинета и оставались там в течение получаса. Что происходило внутри кабинета, никто из гостей не знал, но когда дверь открылась, двое мужчин вышли, держась за руки, а премьер-министр смотрел на Рэгтайм Кида с явным благоговением.

Был объявлен ужин, и все отправились в столовую, чтобы насладиться знаменитой стряпней Анри. Еда была превосходной, а беседа — оживленной и умной; общая тема — хиромантия и астрология. Филиппинский посол отметил про себя, что он очень обязан “Рэгтайму” и когда-нибудь сделает для него что-нибудь взамен.

Через три дня в Хайдхо вернулся посол Маквайт. Он бодро вышел из самолета и увидел, что его ждет заместитель главы дипломатической миссии. Он положил руку на плечо Джорджа Свифта и спросил:

— Все в порядке, старина? Откуда у тебя этот фингал? Какой красивый синяк! Ты выглядишь так, будто отстоял пятнадцать раундов против Марчиано.³⁷ Как ты его отхватил?

Лицо Свифта покраснело от гнева.

— Этот ваш водевильный полковник из Манилы...

— Хилландейл?

— Да, сэр. У меня есть официальное письмо с выговором, готовое для вашей подписи...

— Расскажи мне об этом.

И Свифт рассказал.

Первое, что сделал Маквайт, вернувшись в посольство, — послал за Хилландейлом. Когда полковник прибыл, Маквайт был с ним очень суров и официален и потребовал изложить свою версию ссоры с заместителем главы миссии.

— Все началось именно так, сэр, — сказал полковник. — Могу я получить ваше разрешение присесть и покурить?

— Да. Но позвольте мне сказать вам прямо сейчас: у меня такое чувство, что у вас серьезные проблемы.

Полковник Эдвин Хилландейл предложил послу Маквайту следующее объяснение синяка, появившегося под глазом Джорджа Свифта.

— Что ж, сэр, — начал полковник Хилландейл, — сначала я должен дать вам некоторую предысторию. У каждого человека и каждой нации есть ключ, который открывает их сердца. Если вы используете правильный ключ, вы можете управлять любым человеком или любой нацией так, как вам захочется.

Ключ к Сархану — как и к нескольким другим странам Юго-Восточной Азии — это хиромантия и астрология. Чтобы узнать это, достаточно пройтись по улицам и заглянуть в оккультные заведения. Те, кто ими управляет, называются докторами, и они пользуются уважением. В каждом сарханском университете есть кафедры хиромантии и астрологии, а сам премьер-министр имеет докторскую степень по оккультным наукам.

Существует много вещей, о которых мы в Соединенных Штатах мало что знаем, но которые азиаты очень ценят и в которых они достигли подлинного мастерства. Среди них — хиромантия и астрология.

Сарханские чиновники не принимали важных решений, не посоветовавшись с профессором оккультизма. Вскоре после моего приезда один известный астролог объявил, что восемнадцатого числа в Сархане умрет “большой человек”. Что ж, сэр, семнадцатого числа почти все важные сановники в Сархане вылетели в Рангун, чтобы в тот роковой день их не было в стране. Уехали даже король и премьер-министр. Они не скрывают этого — они верят.

³⁷ Рокки Марчиано — американский боксёр-профессионал, абсолютный чемпион мира в тяжёлом весе с 1952 по 1956 год. Единственный непобеждённый боксёр, владевший титулом чемпиона мира в тяжёлом весе.

Так получилось, что хиромантия и астрология — моё хобби; я изучал их, когда был в Китае. Мне сразу стало ясно, что я обладаю знаниями, которые могли бы помочь в продвижении здесь американских интересов.

Когда меня попросили почитать по ладоням на ужине у посла Филиппин, это была возможность, данная мне Богом. Там присутствовали все сарханские руководители, кроме короля. А этот ваш болван-помощник вместо того, чтобы помочь мне, начал смеяться надо мной и пытался выставить меня дураком. Если бы у него была хоть капля мозгов, он бы заметил, насколько серьезно настроены сарханцы. И если бы эти дураки из Госдепартамента проинструктировали его как следует, он знал бы все о хиромантии и астрологии еще до того, как приехал сюда.

— Но, — перебил посол Маквайт, — Джордж Свифт сказал мне, что вы его оскорбили...

— Он вызвался попросить прочитать то, что было у него на ладони, и я прочитал. То, что я ему сказал, было правдой, и он это знает.

Господин посол, когда я приезжаю в какое-либо место, я обязательно узнаю обо всех, с кем мне приходится иметь дело. Я задаю вопросы, читаю их досье и провожу тщательное расследование. Например, я знаю, что, когда вы учились в колледже, вы влюбились и хотели жениться на девушке-стриптизерше из кафешантана. Ваш отец грозился отречься от вас.

— Не отвлекайтесь на меня, — отрезал посол Маквайт. — Объясняйте дальше, откуда у моего заместителя появился фингал.

— Премьер-министр попросил меня прочитать его ладонь. Естественно, я был знаком с его биографией и описал ее ему. Всех всегда поражает, если вы можете рассказать ему интимные подробности его молодости.

Потом я сообщил Его Превосходительству, что он планирует шестимесячное кругосветное путешествие, и он, черт возьми, чуть не выпрыгнул из трусов!

Конечно, вы об этом не слышали, сэр. Никто в вашем посольстве не знает, каков счет, пока им не помашут у него перед носом — простите меня за откровенность. Но около недели назад я проходил мимо резиденции премьер-министра и увидел, как слуги проветривают мебель в задней комнате и накидывают на нее хлопчатобумажные чехлы. Потребовалось лишь немного осторожных расспросов, чтобы выяснить, что Его Превосходительство запланировал кругосветное путешествие. Затем я выяснил в авиакомпании, когда он отправляется и кто будет его сопровождать. Это был тщательно охраняемый секрет.

— И что сказал Его Превосходительство, когда вы сообщили ему, что он отправляется в путешествие?

— Он был удивлен, а потом спросил меня, по какой причине он совершает эту поездку. Ну, я знаю, какая здесь политическая ситуация; и я сказал ему, что два человека, оба его старые друзья, борются за власть у него за спиной, и он не знает, кого из них убрать. Поэтому он откладывает решение, совершая кругосветное путешествие.

— И что он на это ответил?

— Он несколько минут ходил взад-вперед по комнате, потел, совсем как представитель Запада, а потом спросил, как зовут этих людей. Я ответил, что не могу сказать этого по его руке и что я лишь недавно в Сархане, чтобы разбираться

в именах чиновников. Но я могу описать людей, глядя на его ладонь. И я описал. Я сказал ему, что один из них маленький, истощенный, с больной печенью; а другой — большой и краснолицый.

Он еще немного походил и попотел, потом со стоном сел и спросил меня, кого из них двоих он должен был убить.

Посол Маквайт вскочил:

— Боже мой, вы говорили о генерале Соу и генерале Бхакале!

— Да, сэр.

— Что вы ему сказали?

— Я не знал, какова наша политика здесь, поэтому посоветовал ему, что было бы ошибкой убивать любого из них; и что человек, который является таким набожным буддистом, как он, не должен был даже задавать такой вопрос. Я также предположил, что разумнее было бы выслать их из страны примерно на шесть месяцев, а не отправлять себя самого.

— Ну еще бы! Боже мой, не далее, как час назад объявили, что Соу отправляется в качестве специального полномочного посла в Америку, а Бхакал в том же качестве едет в Советскую Россию. Они уезжают на следующей неделе!

— Так вот, — продолжал полковник Хилландейл, — перед тем как разойтись за ужином, премьер-министр и министр иностранных дел подошли ко мне и спросили, не смогу ли я прочесть ладонь короля и составить его гороскоп. Я сказал им, что это будет величайшей честью в моей жизни, и так далее, и что я буду появляться днем или ночью по желанию Его Величества.

— Видите ли, сэр, — добавил полковник Хилландейл, начиная немного волноваться, — китайские коммунистические армии мобилизуются у северной границы. Я знал, что если мне удастся добраться до короля, то я смогу сказать ему, что это звезды приказывают ему отправить королевскую сарханскую армию на север для проведения маневров. Если бы это было сделано, коммунисты истолковали бы этот шаг как явное свидетельство того, что Сархан однозначно настроен проамерикански и антикоммунистически. Это стало бы поражением для коммунистов и большой пропагандистской победой для нас во всей Азии. И, сэр, я уверен, что король сделал бы то, что приказали ему звезды.

— И что же произошло? — спросил Маквайт.

— Когда мы покидали резиденцию посольства Филиппин, премьер-министр подозвал Джорджа Свифта. “Господин посол, — сказал он, — мой друг собирается прочесть ладонь Его Величества короля. Но в Сархане мы делаем такие вещи по очень строгому протоколу. Это должно происходить на уровне правительства. Вы, господин посол, должны лично позвонить сарханскому министру протокола, это принц Мойанг, и сказать ему, что полковник Хилландейл принимает приглашение Его Величества составить его гороскоп и прочесть его ладонь.

— Я понимаю. Я все прекрасно понимаю, сэр, — ответил Джордж.

— После того, — продолжил премьер-министр, — когда вы позвоните принцу Мойангу, он точно сообщит вам время и место, и костюм, и все детали, которые полковник должен знать, прежде чем отправиться в королевский дворец.

— Я все понимаю, — сказал Джордж. — Я лично позвоню принцу Мойангу завтра в девять часов утра, если это удобное для него время.

— Меня это вполне устроит, — ответил принц Мойанг, — я буду ждать вашего звонка в девять часов”. Это был кульминационный момент вечеринки. Сразу после этого она распалась.

Когда мы уходили, Свифт повернулся ко мне и сказал: “Слушайте, завтра утром вы останетесь в своей комнате. Как только я сделаю звонок, я дам вам знать. Я хочу обсудить это с персоналом посольства, прежде чем посвящать вас в детали. Так что ждите в своей комнате, а я позвоню вам чуть позже девяти часов”.

— Конечно, сэр, — ответил я и удалился.

Я вернулся домой в прекрасном расположении духа. Мне казалось, что я держу ситуацию под контролем. Конечно, я заранее подготовил гороскопы всех важных персон в Сархане — и короля в том числе. И пока я раздевался и ложился спать, я все их себе представлял.

Я знал, что мне придется отправиться во дворец и обработать старика два или три раза. При первом чтении я планировал рассказать ему о его прошлой личной жизни. Я знал отличную историю о том, как в 1928 году он пытался соблазнить племянницу короля Сиама и чуть не развязал из-за этого войну. Я узнал ее от зрителя. Этот первый сеанс дал бы мне возможность узнать короля и оценить его характер и реакции. Для хироманта или астролога очень важно знать своего человека изнутри.

Позже я планировал постепенно вникнуть в военную и политическую ситуацию и рассказать о ней так, чтобы король спросил меня, что нужно сделать в этой критической ситуации; или, по крайней мере, что, по мнению звезд, нужно сделать? Если все пройдет гладко, я чувствовал, что смогу закончить эту работу во время первого же визита во дворец.

На следующее утро я встал рано, потому что был взволнован и хотел быть полностью готовым. У меня была разложена вся одежда на случай, если придется мчаться во дворец минут через десять после девяти. Я даже не стал завтракать, потому что боялся пропустить звонок Свифта. Все, что у меня было, — это две бутылки теплого пива и баночка салями из моего аварийного пайка. Я сходил с ума в ожидании звонка. Но в десять минут девятого мне никто не позвонил. К десяти часам никто не звонил. Тогда я выпил еще две бутылки пива. К одиннадцати часам никто так и не позвонил, и я понял, что что-то случилось, черт возьми. Не в силах больше терпеть, я одолжил у посыльного мотоцикл и поехал в посольство, в офис Джорджа Свифта.

Его на месте не оказалось, но его секретарша, глазастая девушка по имени Макинтош, посмотрела на меня и сказала:

“— О, полковник Хилландейл, мы уже час вас ищем.

Я сообщил ей, что все утро провел в своей комнате, как и было велено, изгрызая ногти до локтя.

— Как это мило, — ответила мисс Попай.³⁸ — Я обзвонила все места в городе, кроме вашей комнаты.

— Мистер Свифт дозвонился до принца Мойанга?

— О, — воскликнула Попай, — мистеру Свифту пришлось отправиться с миссис Свифт в магазин, потому что в полдень здесь ожидается заместитель

³⁸ Персонаж американских комиксов и мультфильмов; моряк, который любил шпинат.

Государственного секретаря, а у них закончилось спиртное, и они устраивают для него эту вечеринку сегодня вечером, и мистер Свифт счел, что он лично должен спуститься и помочь с покупками, потому что магазин спиртного обычно сегодня не работает.

— Он звонил принцу Мойангу в девять?

— Нет, сэр; но он позвонил мне из магазина и сказал, чтобы я позвонила принцу Мойангу.

— Вы звонили ему?

— Да, сэр, я позвонила ему примерно через десять минут после десяти.

— И что сказал принц?

— Ну, это было немного запутанно, сэр, видите ли, я не совсем поняла со слов мистера Свифта, в чем дело, поэтому, когда я дозвонилась до принца Мойанга, я сказала ему, что вы, полковник Хилландейл, будете рады присутствовать на приеме Его Величества в честь заместителя госсекретаря.

— Что сказал принц Мойанг!?

— Он спросил меня, кто это говорит.

— И?

— И я сказала ему, что я секретарь мистера Свифта.

— Так что же сказал принц!?

— О, — сказала Попай, — он вел себя так странно, ничего не сказал, просто бросил трубку”.

Я знал, что мы сильно оскорбили сарханцев. Мы не только не воспользовались ключом, но и устроили баррикаду у входной двери. Я подумал, что, возможно, смогу все исправить, и поспешил в офис принца Мойанга, чтобы лично обратиться к нему с извинениями, но секретарь принца вежливо сообщил мне, что принца Мойанга нет в городе.

После обеда я встретился с Джорджем Свифтом, но прежде чем я успел раздуть из мухи слона, он извинился за то, что не позвонил принцу Мойангу в девять. “Вы же знаете, как это бывает, — сказал он, — прибывает заместитель Государственного секретаря, и, в конце концов, он действительно приехал нас инспектировать. Я должен был убедиться, что мы к этому готовы.

— О, кстати, — добавил он, — нам очень повезло, что я поехал туда. Мне только что позвонили премьер-министр, министр иностранных дел и принц Мойанг. Они все съели что-то нехорошее, и всем нездоровится. Никто из них не сможет прийти на ужин в честь заместителя Госсекретаря. Так что, полковник, вы видите, как бы все это выглядело, если бы никого из них там не оказалось. Не было никакой ловушки, так что не сердитесь на меня.

— Боже мой, — вымолвил я, — вчера вечером я рассказал вам о своем плане заставить короля перебросить войска на север для проведения маневров.

— Да ладно, полковник, — сказал Свифт. Эти маленькие водевильные трюки можно использовать, чтобы оживить скучный званый обед, но когда речь идет о дипломатии большого масштаба...”

— И именно в этот момент, — подытожил полковник, — я ударил вашего порученца в глаз.

Когда полковник Хилландейл вышел из кабинета, Гилберт Маквайт некоторое время сидел молча. Он не знал, плакать ему, или смеяться, но чем дольше он размышлял об этом, тем сильнее преобладал гнев. Когда он наконец нажал на кнопку и попросил Джорджа Свифта войти, рот его сжался в тонкую линию.

— Да, сэр, — сказал заместитель начальника миссии, входя в дверь с предвкушением на лице.

— Джордж, вы когда-нибудь были в центре Хайдхо?

— Да, сэр.

— Вы когда-нибудь обращали внимание на количество салонов хиромантов и практикующих астрологов?

— Послушайте, сэр, у нас в США много ломбардов, но мы не проводим внешнюю политику, руководствуясь тем, что говорят ростовщики.

— Вы когда-нибудь читали по ладони? Нет, конечно же, нет. А знаете ли вы людей, которые это делают?

— Послушайте, сэр, такие вещи — это подделка. Водевильный трюк.

— Джордж, ничто не является подделкой, если люди в это верят. Ваше дело — не судить о том, подделка это или нет, а размышлять о том, кто и почему в это верит и что это значит.

Джордж Свифт не мог поверить своим ушам, и по его щекам пополз румянец. Каким-то невероятным образом взбучку устроили *ему*... а не этому трусливому полковнику.

— Джордж, я собираюсь связаться с Департаментом и попросить о вашем переводе, — устало произнес Маквайт.

— На том основании, что я не сотрудничал с предсказателем? — спросил Джордж; и впервые посол уловил звериную способность этого человека к выживанию, которая и была причиной возвышения Джорджа.

— Нет; я, наверное, скажу им, что два года здесь — это достаточно долго для любого человека, и что вы заслуживаете перемен.

Глаза Джорджа сузились. Он знал, что не сможет изменить мнение посла; но он также знал, что последнее слово остается не за ним.

Капитан Бонинг, ВМС США

Соломон Эш сидел во главе стола для совещаний. Он был спокоен и расслаблен; сейчас было не время для жесткости. Он знал по собственному опыту, что незнакомые люди за столом переговоров всегда проводят предварительный спарринг, прежде чем приступить к делу. Снаружи доносились звуки Гонконга; Эш пробыл в колонии Короны всего несколько недель, и эти звуки казались ему завораживающими.

Эш знал, что он одновременно и жесткий, и компетентный. Его манеры и вежливость были напускными, но очень утонченными. Под этой личиной скрывался знающий еврей, переживший юность в нью-йоркском Ист-Сайде. Он работал переговорщиком в профсоюзе, и его твердость и честность привели его к вершине своей профессии. Он был рад, когда президент Соединенных Штатов предложил ему в течение шести месяцев поработать в правительстве в качестве главы американской делегации на специальной секции Азиатской конференции по вооружениям.

Эш повернулся в кресле и оглядел группу американцев, которые будут составлять его штат. Он рассмотрел тех, на кого можно было положиться, и тех, кого можно было игнорировать. С Маквайтом, послом из Сархана, все было в порядке. Андерсон, специальный сотрудник по политическим вопросам в делах юго-восточной части Тихого океана, не стоил ни гроша. Эш как-то спросил его, сколько коммунистов состоит в профсоюзах Гонконга, и этот тупой придурок не знал что ответить. Дулинг был полезен только местами. Он был карьерным послом, боялся посылать в Вашингтон жесткие и непредвзятые отчеты, будучи очень озабоченным мнением вышестоящего руководства; но у него была информация. Эш воспользовался бы этой информацией, но не позволил бы Дулингу вести жесткий торг.

Остальные американцы в комнате были просто середнячками. У Эша еще не было возможности оценить капитана флота. Бонинг был невысоким человеком, и Соломон заметил, что он носит обувь с высокими каблуками, которые увеличивают его рост. «Иногда, — подумал про себя Эш, — маленький человек может быть эффективным».

— Итак, джентльмены, начнем совещание, — произнес Эш. — Вы все знаете, зачем мы здесь. Мы представляем американскую делегацию на конференции, которая определит, какое оружие, если таковое имеется, Соединенные Штаты будут распределять между своими союзниками в Азии. Мне нет необходимости объяснять вам важность этого вопроса. Нет нужды говорить и о трудностях, с которыми мы столкнемся. Представители Индии, Бирмы и Таиланда на этой встрече, вероятно, будут возражать против размещения специального оружия на их территории. Может быть, они и правы, но наше правительство так не считает. Сейчас у нас нет закона в Конгрессе, который позволил бы нам делиться информацией с нашими друзьями; но я полагаю, что мы получим его чертовски скоро.

Эш усмехнулся. Они поняли, что он имел в виду. Последние события заставили Америку понять, что она должна делиться знаниями и вооружением со своими союзниками.

— Итак, джентльмены, вы уже ознакомились с официальной позицией Соединенных Штатов, изложенных в секретных документах, — бодро продолжил Эш. — Не буду отнимать у вас много времени этим утром, но хочу, чтобы вы четко поняли, как я провожу собрания. Во-первых, имейте в виду, что я являюсь лидером этой делегации. Если у вас есть какие-то сомнения по поводу моих заявлений, задавайте их мне наедине, но не на общей встрече. Я никогда не говорю ничего без причины. Иногда это может показаться безумием, но не надо меня к этому призывать. Во-вторых, господа, взгляните на брошюру с программой этой конференции.

Все сидящие за столом мужчины взяли в руки брошюры с крупным тиснением, в которых была расписана трехнедельная программа встреч, и стали их бестолково листать.

— Обратите внимание, что каждый день в отеле организовывается две-три встречи за коктейлями, а каждый вечер — официальный ужин, — на лице Эша появилась язвительная ухмылка. — Я хочу, чтобы никто из вас не ходил ни на одну из коктейльных вечеринок. Мне нужно, чтобы вы ходили только на два официальных ужина в неделю. Я буду писать официальные извинения. На последний ужин мы отправимся все вместе, потому что тогда работа будет закончена.

— Мистер Эш, не думаю, что это было бы разумно, — произнес посол Дулинг. Его голос звучал встревоженно. — Азиаты ужасно чувствительны к подобным вещам. Они могут счесть себя оскорбленными.

— Кроме того, мистер Эш, я не думаю, что мы должны упускать из виду возможность получения на таких мероприятиях случайных фрагментов разведывательной информации, — добавил Андерсон, специальный сотрудник по политическим вопросам.

— Чепуха! — твердо возразил Эш. — Давайте думать о том, что для нас превыше всего. Азиаты будут уважать нас, если мы заключим с ними жесткую и честную сделку за столом переговоров. На это уйдет каждая унция нашей энергии. Успех за столом переговоров — это всегда деликатно сбалансированное дело. Если у кого-то из вас похмелье или кто-то пропустил реплику, мы можем потерять небольшую часть нашей сделки; а если это произойдет несколько раз, мы можем потерять всю сделку. И позвольте мне откровенно сказать вам, мистер Дулинг, что, хотя я здесь недавно, но думаю, что престиж американцев мог бы подняться, если бы они держались подальше от еще нескольких коктейльных вечеринок.

Эш слегка повернул голову и посмотрел на Андерсона. Тот уже откинулся в кресле. Ему никогда не доводилось слышать, чтобы дипломат высказывался настолько прямо, и был оскорблен.

— Итак, мистер Андерсон, что касается разведки на коктейльных вечеринках, — сказал Эш. — Давайте не будем на конференции, которую я провожу, пытаться изображать Мату Хари. За свою жизнь я побывал на чертовски большом количестве встреч, и еще ни разу не видел, чтобы иностранец выдал ценную информацию за коктейлем.

Эш обвел взглядом стол и кивнул головой в знак того, что встреча окончена. Он точно знал, как его слова подействовали на каждого. Посол Маквайт и капитан Бонинг были единственными, кто полностью одобрил то, что он сказал; остальные чувствовали себя в той или иной степени задетыми. Дулинг напишет коварный и едкий отчет в Вашингтон, но Эша это не волновало.

Когда мужчины встали, чтобы выйти из комнаты, Эш резко позвал:

— Капитан Бонинг, я хотел бы задержать вас на минутку.

Офицер развернулся и пошел обратно. Эш заметил, что у него худощавое сбитое тело, и догадался, что это человек, для которого физическая форма имеет большое значение.

— Да, сэр? — сказал капитан Бонинг.

— Бонинг, я могу прямо сейчас сказать вам, что вы будете важным человеком на этих переговорах. Вы единственный здесь, кто по-настоящему разбирается в техническом использовании специального оружия, и остальным придется полагаться на ваши знания. Когда я обращусь к вам за комментарием, отвечайте именно на тот вопрос, который я вам задам, не больше и не меньше. Понятно?

— Так точно, сэр. А если информация, которая вам нужна, засекречена?

— Хороший вопрос. Просто скажите, что она засекречена, но дайте любую ее часть, которая была открыта. И не извиняйтесь за секретность. Понятно?

— Так точно, сэр, — сказал капитан Бонинг, и поняв, что у Эша все, повернулся и вышел из комнаты.

Общие встречи делегаций начались на следующее утро в огромном богато украшенном зале, построенном во времена расцвета могущества Англии в Гонконге. За столами расселись свыше ста человек. Над ними медленно вращались большие старомодные вентиляторы. В соседней с конференц-залом комнате целая батарея переводчиков говорила в микрофоны. У каждого делегата был наушник с маленьким циферблатом, который позволял слушать речь, переведенную на французский, английский или его родной азиатский язык. То, что каждый представитель мог слушать оратора на своем родном языке, было идеей Эша. Он настаивал в секретариате встречи, что нет причин, по которым азиаты должны выслушивать все на французском и английском языках, и заявил, что Соединенные Штаты готовы оплатить услуги дополнительных устных и письменных переводчиков, чтобы каждый делегат мог слышать речь на своем родном языке.

Заседание началось с долгого чтения протоколов предыдущих встреч, затем последовали неизбежные дебаты по поводу этих протоколов, а также сложная и деликатная дискуссия о том, где должна состояться следующая встреча. Эш хотел, чтобы встреча состоялась в Индии, по той простой причине, что индийские представители были наиболее нерешительны в отношении использования нового оружия. Кроме того, Эш считал, что если следующая встреча пройдет в Индии, то это заставит индийцев прямо взглянуть в лицо проблеме применения атомного оружия. Он также знал, что индийцы не захотят принимать у себя конференцию

по вопросу, который они никогда не обнародуют. По бамбуковому телеграфу Эш слышал, что они не хотят выделять на это деньги.

Когда дебаты о месте проведения следующей конференции продолжались уже шесть часов и, казалось, ни на шаг не приблизились к решению, Эш сделал свой ход. Он написал записку главе индийской делегации, в которой сообщал, что американское правительство готово на конфиденциальной основе предоставить средства, необходимые для достойного проведения следующей встречи. После этого проблема была быстро решена.

На следующий день все приступили к делу, и Эш был доволен. Они двигались медленно, но уверенно. Почти все политические вопросы Эш переадресовывал послу Маквайту, а все технические и военные вопросы перебрасывал капитану Бонингу. Они оба прекрасно с ними справлялись, отвечали твердо и прямо, без тени снисходительности.

Эш знал, что это раздражает и французских, и английских представителей. Они так и не смогли привыкнуть к тому, что с азиатами можно откровенно разговаривать об оружии и военной стратегии. К тому же они несколько снисходительно относились к изысканно одетым адмиралам и генералам азиатских стран. В тот вечер оба представителя вызвали Эша к себе в отель.

— Мистер Эш, — произнес шеф английской делегации, — мы с коллегой несколько обеспокоены тем, в каком направлении проходят встречи. — Это был маленький, похожий на птицу человек, обладавший огромными историческими познаниями об Азии, которые были бы полезны в девятнадцатом веке, но сейчас почти не имели ценности. — Эти люди только недавно обрели национальный статус, и они не привыкли говорить о таких сложных проблемах, как вооружение, за исключением тех, что касаются их самих. Мы считаем, что наилучшей стратегией будет, если Соединенные Штаты вынесут на рассмотрение группы минимальные требования; тогда наши две делегации поддержат их, и мы увидим их реакцию.

— Джентльмены, — ответил Эш, — я признаю, что вы занимаетесь подобными вещами дольше нас. Кроме того, у вас гораздо больше опыта работы с азиатами. — Оба джентльмена скромно кивнули. — И вы умудрились испортить все дело на протяжении последних нескольких поколений. Никто из нашей делегации не собирается устанавливать минимальные стандарты. Если эти люди возьмут на вооружение атомное оружие, возможно, когда-нибудь им придется страдать от последствий. Они уже большие мальчики и должны знать, во что ввязываются. И не обманывайте себя, джентльмены; пока вы не *почувствуете*, что они равны, и не будете действовать сообразно этому ощущению, они никогда не ответят. Я видел это слишком много раз. Заставьте кого-то чувствовать себя неполноценным в ситуации переговоров, и он станет самым неуступчивым за столом. Джентльмены, я придерживаюсь именно такой позиции и именно так буду руководить своей делегацией.

Оба дипломата уехали, не став продолжать эту тему. “Еще два отчета, отправленных в Вашингтон, и я окажусь в аду, — подумал про себя Эш. — Ну и черт с ним. Мы неплохо продвинулись”.

Затем, в середине второй недели, дела пошли на спад. Эш, чуткий к настроению собраний, понял, что азиатских делегатов что-то раздражает, и они упираются. Только к концу второй недели он понял, в чем дело.

Это был Бонинг. Тот допустил всего две ошибки, да и те были незначительными. Во-первых, он иногда дремал за столом переговоров после обеда. Во-вторых, он часто колебался, прежде чем ответить на вопросы; создавалось впечатление, что он утаивает информацию или перефразирует ее. Это были мелочи, и мало кто из участников конференции смог бы их заметить. Но они были оскорбительны для участников. Когда встреча в пятницу закончилась и все разошлись на выходные, Эш вышел рядом с Бонингом. Он смотрел прямо перед собой, когда говорил, но его голос был безошибочен.

— Бонинг, вам лучше поспать. После обеда вы немного подремываете. И еще, я хочу, чтобы вы отвечали сразу, когда я задаю вам вопросы. Ваше колебание сильно раздражает людей.

— Мистер Эш, многие из этих технических вопросов по вооружению сложны, — ответил офицер. — Нелегко запомнить весь материал и отделить то, что засекречено, от того, что открыто.

— Ну, если вы не можете, то мы отправим сюда кого-нибудь другого, кто сможет, — сказал Эш. — В первую неделю вы все делали хорошо, и ваша память была в порядке. Что, черт возьми, случилось с вами на этой неделе?

— Ничего. Просто я хочу быть предельно точным в своих словах, — ответил капитан Бонинг.

— Вы уверены, что не развлекаетесь по ночам? — спросил Эш. Он видел, как такое происходило, десятки раз. Человек начинал работу свежо и бодро, но потом пытался снять напряжение, начинал пить и кутить по ночам, и результаты его работы становились все хуже и хуже.

— Нет, сэр, со мной все в порядке, — сказал капитан Бонинг, и голос его звучал резко и осуждающе.

Ответ капитана Бонинга был не совсем правдивым. Действительно, он не пил и не вел праздный образ жизни. Но в каком-то особом смысле он *“жил на полную катушку”*.

Все началось с Андерсона, политического эксперта из Государственного департамента. Тот знал почти всех, кто занимал в Гонконге высокий пост в дипломатии или политике. Однажды он познакомил Бонинга с китайкой, доктором Руби Цунг. Она была профессором Гонконгского университета, а образование получила в Соединенных Штатах. Чего Андерсон не знал, так это того, что доктор Цунг также получила образование в специальной школе, расположенной в Москве.

Андерсон предположил, что доктор Цунг могла бы сопровождать капитана по Гонконгу и помочь ему приобрести подарки, чтобы отвезти их в Штаты. Кроме того, добавил он, доктор Цунг могла бы рассказать ему о местной жизни и колорите. Помня предупреждение Эша, Бонинг немного колебался, но как только он встретил китайского доктора, все его сомнения исчезли.

Доктор Цунг выглядела как восточная миниатюрная копия жены английского сквайра. Она носила чрезвычайно консервативные, но прекрасно сшитые из плотного английского твида костюмы. На ней были плотные

фильдеперсовы чулки и английские туфли ручной работы на низком каблуке, предназначенные только для ходьбы; очки в тонкой золотой оправе придавали ей вид ученого. Ее язык был ясным, непосредственным и эффективным; она была из тех женщин, с которыми мужчина мог проводить время и не чувствовать себя неloyальным к своей работе или семье.

В первую неделю конференции Бонинг вместе с доктором Цунг совершал расслабляющие экскурсии по городу. Они посетили фабрику “Тигровый бальзам”, где Бонинг был заинтригован тем, как азиаты используют лекарственные травы и снадобья. Позже она повела его на улицу, вдоль которой тянулись магазины, где продавались только сушеные продукты: акульи плавники, птичьи гнезда, грибы, которым на вид была тысяча лет, а по твердости они не уступали камням. В одной лавке продавались сушеные кишки различных морских животных, в том числе полные репродуктивные органы морской свиньи. Другая лавка специализировалась на специях: мешки с шафраном и бутылки с соевым соусом, изготовленным по столь эксклюзивной и дорогой рецептуре, что унция соуса там стоила буквально дороже серебра.

В другой день она привела его в длинное низкое здание, где копии династии Мин были воспроизведены с таким мастерством, что еще никому не удавалось опровергнуть их подлинность.

У Бонинга сложилось впечатление, что китайке тоже нравятся их прогулки, поскольку они позволяют ей отдохнуть от рутинной научной работы в университете. Ему также казалось, что если бы она одевалась в более женственную одежду и делала макияж, то была бы очень привлекательной женщиной. Он не придавал этому особого значения, но эта мысль его не покидала.

В конце встречи в пятницу на первой неделе капитан пригласил доктора Цунг на ужин в “Парижский гриль”. Этот вечер, а также субботу и воскресенье, он намеревался провести, просматривая свои записи, которые были заперты в сейфе у американского консула, но прощаясь с доктором Цунг на ступеньках отеля, он безотчетно и внезапно остро осознал, что она чрезвычайно маленькая и хрупкая женщина. И это чувство было необычайно приятно.

В тот же момент он подумал о своей жене, Лауре. Лаура была единственной дочерью в богатой балтиморской семье, и ее личное состояние очень помогло Бонингу в карьере, хотя он гордился тем, что каждое повышение по службе получал в соответствии с собственными заслугами. Лаура была высокой, статной женщиной, и капитан всегда считал, что она выглядит аристократично, но, стоя рядом с доктором Цунг, он вдруг задумался, не было ли одной из причин его женитьбы на Лауре то, что он сам был невысокого роста, а она — высокая.

— Доктор Цунг, давайте я отвезу вас домой на такси, — неожиданно предложил Бонинг. Китайка удивленно посмотрела на него. В предыдущие дни он всегда сажал ее в такси, платил водителю и отпускал одну.

— Я буду очень рад, капитан, — ответила доктор Цунг, — Но мне бы не хотелось мешать вам работать.

— Это не займет много времени, — ответил Бонинг. — Я просто отвезу вас, возьму такси и сразу же вернусь. У меня есть работа, но все выходные свободны.

Такси простояло в ожидании у скромного коттеджа доктора Цунг восемь часов. До самого своего отъезда ранним утром, американец успел хорошо узнать ее

изящное тело. Впервые с тех пор, как он покинул Аннаполис, он ощущал такую бесподобную физическую уверенность в себе. В последующие дни доктор Руби Цунг стала для капитана Бонинга навязчивой идеей, и он проводил с ней почти каждую ночь.

В четверг после полудня в третью неделю конференции все почувствовали, что она подходит к кульминации. Долго шел обмен мнениями о людях, возможных военно-морских базах, применении атомного оружия всеми видами вооруженных сил — и бесконечный торг о возможном контроле над оружием. Во время всех этих обсуждений Эш оставался относительно спокойным. Он отвечал на вопросы, когда их задавали, но в целом позволял логике ситуации развиваться на основе заявлений азиатов. Затем, в тот четверг днем, он впервые выступил с пространным аналитическим докладом. В конце выступления его голос слегка повысился и стал твердым.

— Я был откровенен с вами, господа, и я ценю вашу откровенность с нами, — сказал Эш. — Я рассказал вам о силе нашего оружия, а вы обсудили, как оно может быть полезно для вас. Это ваша проблема, а не наша; но я надеюсь, что смогу передать нашим политическим и военным лидерам некоторые сведения о вашей готовности хранить атомные бомбы в ваших странах.

— Есть только один вопрос, по которому я до сих пор не определился, — сказал полковник индийской армии с суровым лицом. — Это проблема безопасности термоядерных бомб во время войны. Нам придется пройти период подготовки, и боюсь, что, учитывая огромную мощность этого оружия, может произойти несчастный случай, в результате которого одна из них взорвется во время учебных занятий.

Эш быстро перевел взгляд с индийского полковника на Бонинга. Тот сидел прямо, но глаза его были едва открыты. Эш не был уверен, понял ли тот вопрос или нет, но знал, что, если они смогут заверить индийского полковника в безопасности, тот будет готов пойти на сделку. А если Индия пойдет на сделку, то и другие страны тоже.

— Сэр, это хороший вопрос. — Соломон говорил твердо и медленно, чтобы Бонинг успел запомнить вопрос. — Я попрошу капитана Бонинга дать вам откровенный ответ на вопрос, насколько безопасно термоядерное оружие в мирное время.

Глаза Бонинга распахнулись, и Эш выругался про себя. Этот проклятый дурак пропустил весь вопрос мимо ушей. Глава американской делегации, выгадывая время, решил задать вопрос по-другому, глядя прямо на Бонинга.

— Индия — многолюдная страна, как и Соединенные Штаты, — сказал Эш. — Мы беспокоимся о безопасности нашего гражданского населения не меньше, чем вы о своем. Я уверен, что капитан Бонинг сможет развеять ваши сомнения в этом вопросе.

Бонинг облизал губы и прочистил горло. Когда он заговорил, его голос был нерешительным.

— Что ж, господа, это сложная проблема, — неуверенно произнес капитан.

— Все проблемы сложны, — произнес мягким голосом бирманский адмирал, которого услышал Эш и, возможно, половина людей в комнате. Раздавшийся смех усилил замешательство Бонинга. Соломон знал, что капитан тянется к ответу, но не мог дать ему ни минуты больше.

— В общем, можно сказать, что уровень энергии, необходимый для запуска термоядерного оружия, настолько велик, что обычные пожары, катастрофы или даже падение самолета не смогут его достичь, — наконец ответил Бонинг.

— Правда ли то, что термоядерные бомбы перевозятся таким образом, чтобы все составные части были в состоянии сработать мгновенно? — спросил один из индийских генералов.

Лицо Бонинга сосредоточенно сморщилось, а на лбу выступили мелкие бисеринки пота.

Представители за столом беспокойно зашевелились. “Черт бы побрал этого мямлю, — выругался про себя Эш, — именно сейчас ему следовало бы выдать ответ. Они думают, что этот сукин сын пытается уклониться от ответа”.

— Это простой вопрос, капитан Бонинг, — четко произнес Эш. — Дайте нам самый простой ответ.

— Я думаю, сэр, что существенные части этого вопроса засекречены, и я не могу их раскрыть, — сказал Бонинг, но в его голосе не было убежденности. Он с сожалением посмотрел на Эша.

— Вот так всегда и заканчиваются подобные конференции, — сказал толстый индийский полковник, и в его голосе прозвучала злость. — Как раз в тот момент, когда мы собираемся завязать отношения, мы обнаруживаем, что не имеем полного доступа к важной информации. Если западные державы ожидают от нас сотрудничества по вопросам жизни и смерти, они должны относиться к нам как к равным. Очевидно, что правительство капитана Бонинга не считает нас компетентными в разрешении подобных вопросов.

— Господа, я хотел бы предложить сделать небольшой перерыв, пока мы с капитаном Бонингом переговорим, — тихо сказал Эш. Он знал, что единственный способ спасти конференцию — это заверить их в безопасности бомбы.

Через полчаса, просмотрев целую кипу секретных документов, Эш и Бонинг решили, что ответ на вопрос не является секретным и его можно смело озвучивать. Но когда они вернулись на совещание, настроение изменилось. Очевидно, между азиатскими представителями состоялась взволнованная дискуссия. Теперь же, в точно такой же категоричной манере, которая так характерна для подобных конференций, они были категорически против размещения атомного оружия на своей территории.

Соломон Эш знал, когда над ним брали верх. Он предложил прервать заседание и вернулся в свой кабинет. Во второй половине дня в длинной телеграмме, которая была типично откровенной и прямой, он сообщил Вашингтону о провале своей миссии. Всю ответственность за этот провал он взял на себя.

“Невозможно победить всех, — с горечью подумал Эш, закончив отчет. — Но это было ужасно близко. И перевес был чертовски мал”.

Через два дня Эш уже возвращался в Вашингтон. А капитан Бонинг, купив для Лауры кусок чистого шелка и пару серег из чистого серебра, отправился на самолете М.А.Т.С.³⁹ обратно на Гавайи.

³⁹ Англ. *Military Air Transport Service*. Служба воинских воздушных перевозок.

Гадкий американец

— Черт возьми, — сказал сам себе Гомер Аткинс, оглядывая модно одетых мужчин. Принцы бюрократии были одинаковы во всем мире. Они сидели в свежевыглаженной одежде, проводили чистыми пальцами по гладковыбритым щекам, заискивающе улыбались друг другу и задавали инженерам вроде Аткинса глупые вопросы.

Гомеру хотелось сказать: “Послушайте, вы, чертовы дураки, это простая проблема. Давайте мы, инженеры, решим ее и вернемся с тем, что у нас получилось. А потом, если вам не понравится то, что мы сделали, вышвырните меня из страны. Но не поднимайте эти чертовы глупые вопросы о политике и психологии туземцев”.

Но вслух Аткинс этого не сказал. Он даже не ругался, что было для него нехарактерно, а рассматривал свои руки. Этому приему он научился давно. Его руки всегда напоминали ему о том, насколько он гадкий человек. Почему-то эта мысль всегда заставляла его приостанавливаться, что, в свою очередь, давало ему время подготовить следующий шаг. Он часто использовал этот прием во время Второй мировой войны, когда имел дело с высокопоставленными правительственными чиновниками или с руководителями корпораций, которым нужна была продукция его фирмы. Аткинс уставился на свои руки так, словно они принадлежали незнакомцу.

Его руки были испещрены заметно выступающими венами и усеяны крупными пятнами; ногти почернели от масла; на пальцах виднелись мелкие ссадины и шрамы, полученные в результате практической инженерной деятельности. Ладони его рук были мозолистыми. Гомер Аткинс стоил три миллиона долларов, каждый цент из которых он заработал своим собственным трудом; но больше всего он гордился и был уверен в своих уродливых сильных руках. Аткинс знал, что с их помощью он всегда сможет заработать себе на жизнь.

Гомер также понимал, что он единственный человек в комнате, на котором не было галстука. На нем была грубая рубашка цвета хаки, брюки цвета хаки и старые полевые ботинки морского пехотинца. От него все еще пахло джунглями; остальные люди — вьетнамцы, французы или американцы — все пахли лосьоном после бритья. Гомер медленно вздохнул и поднял голову.

— Итак, джентльмены, я скажу это еще раз, — произнес инженер. — Соединенные Штаты попросили меня приехать сюда, чтобы дать вам несколько советов по строительству плотин и военных дорог. Вы знаете, кто я такой; я человек, занимающийся тяжелым строительством. Земляные работы, бетон, строительство дорог и все такое. Я здесь уже десять месяцев и обошел всю эту чертову страну от Пханранга до Вангиа, а потом вернулся в холмы до Контума. Я поговорил с тысячами людей, обследовал места строительства плотин и маршруты для военных дорог и взлетно-посадочных полос.

В разговор вмешался стройный вьетнамец. Он говорил по-английски с французским акцентом, и Аткинс предположил, что тот получил образование в Сорбонне. Но даже с акцентом его английский был лучше, чем у Аткинса.

— Мистер Аткинс, мы очень благодарны вам за то, что вы приехали сюда, чтобы помочь нам, — мягко сказал вьетнамец. — Ваше правительство было великодушно; вы были щедры. Теперь мы хотели бы получить ваши рекомендации относительно того, где должны быть построены дороги и плотины.

— Я все это описал в отчете, — сказал Гомер. — Разве вы его не читали?

— Да, мистер Аткинс, мы все его читали, — ответил француз средних лет. — Но там не сказано, где должны проходить дороги и плотины.

— Потому что вам не нужны плотины и дороги, — ответил инженер. — Может быть, позже, но сейчас вам нужно сосредоточиться на первостепенных вещах — в основном на тех, которые могут производить и использовать ваши собственные люди. Я не очень-то разбираюсь в сельском хозяйстве, планировании городов и тому подобных вопросах, но могу сказать, что вашим людям нужны и другие вещи, помимо военных дорог. Вы когда-нибудь слышали, чтобы проблема нехватки продовольствия была решена строительством военного шоссе, предназначенного для переброски танков и грузовиков?

— Мистер Аткинс, думаю, что решение о том, нужны ли нам плотины и автострады, — это политическое решение, которое мы должны принять сами, — сказал вьетнамец, быстро пошептавшись с французом. — Насколько я понимаю, вы не намерены рекомендовать строительство каких-либо плотин или автострад во Вьетнаме?

Гомер знал, что вьетнамец пытается его запугать, но чувствовал лишь тупую злость. Он всю жизнь участвовал в тендерах на сотни миллионов долларов, с задействованием тысяч людей (и ставя на кон свою репутацию), и это научило его не отступать.

— Послушайте, мистер, я не знаю, как часто вы выбираетесь из Сайгона в сельскую местность, но вам лучше пойти и посмотреть на реальность, — ровно ответил Аткинс.

Мистер Джосайя Гордон, представитель американского посольства, начал краснеть, но Аткинсу было все равно.

— Вам нужна крупная промышленность, — продолжал он. — Вам нужны большие заводы. Вам нужны большие электростанции, разбросанные по всей сельской местности. Для всего этого нужны квалифицированные рабочие, шахты, много денег и множество людей, ориентированных на производство. Конечно, у вас есть хорошие люди в захолустье, хорошие трудолюбивые люди, которые достаточно сообразительны. Но они еще не хотят того, чего хотите вы. На это нужно время. Вот почему я рекомендовал в своем отчете начинать с малого, с мелочей. А потом, по мере того, как вы их вылижите, переходить к более крупным проектам. Черт, мы могли бы построить для вас плотины и дороги, но сейчас у вас нет ни навыков, ни возможностей, ни потребности в них.

— Мистер Аткинс, я думаю, это политическое решение, которое выходит за рамки вашей компетенции, — быстро вмешался Джосайя Гордон. Инженер знал, что Гордон хочет поскорее закончить встречу. — Давайте оставим ваш отчет в силе и обсудим его на более высоком уровне.

— Ладно, ладно. Но кто-нибудь из вас, ребята, бывал в глухих местах? — упрямо продолжал Аткинс. — Не приводите мне статистику, не рассказывайте о

национальных устремлениях. Просто ответьте мне: вы бывали в местном захолустье?

Француз, вьетнамец, американцы — все сидели молча, испытывая коллективное смущение. На лице высокого вьетнамца появился намек на усмешку, и Аткинс снова, как и всегда, когда ловил это выражение на чьем-то лице, осознал свое собственное уродство.

Сзади поднялся высокий американец.

— Мистер Аткинс, меня зовут Гилберт Маквайт, и я здесь посетитель, а не участник. Но я хотел бы знать, что вы рекомендовали в своем отчете.

— Посол Маквайт, я действительно не думаю, что нам стоит отнимать время у других джентльменов, чтобы снова это обсуждать, — произнес мистер Гордон, разрываясь между антагонизмом французов и вьетнамцев и своим уважением к Маквайту.

— Это не займет много времени, — вклинился Аткинс. — Я сказал им, что первым делом нужно начать с того, что вьетнамцы могут сделать сами. Потом, по мере приобретения навыков, они смогут перейти к более серьезным вещам.

— С каких вещей им следует начать? — спросил Маквайт.

— Во-первых, кирпичный завод. Дешево запустить, легко управлять, и это обеспечит им строительные материалы. Во-вторых, каменоломни в холмах. Там много хорошего камня, и его можно использовать для строительства.

Француз покраснел. Он быстро заговорил с высоким вьетнамцем, а затем встал.

— Мистер Аткинс, — сказал он на безупречном английском, — возможно, вы этого не знаете, но одна французская фирма владеет концессией на производство строительных материалов в этой стране. Если все начнут создавать компании по производству кирпича и добыче камня, это испортит наши отношения.

— Это ваша проблема, а не моя, — отрезал Аткинс. — В-третьих, кто-то должен организовать образцовый консервный завод. Деревенские жители ловят рыбу и выращивают овощи, но они портятся раньше, чем их успевают привезти в город. Небольшие, дешевые консервные заводы примерно в двадцати городах могли бы помочь. В-четвертых, прибрежные земли от Квинхома до Пханранга — это сплошная щелочь, и на них ничего не вырастет. Но прямо за ними, за холмами, находится протяженная полоса прекрасной плодородной земли. Почему бы не проложить небольшие дороги через джунгли, чтобы жители побережья могли добраться до хорошей земли? Это дешево и просто; работа для пары бульдозеров, и все.

— Послушайте, мистер Аткинс, мы пригласили вас сюда не в качестве эксперта по сельскому хозяйству, — сказал Джосайя Гордон, чье бюрократическое самолюбие было задето. — У нас здесь и так много экспертов по сельскому хозяйству.

— Ну, тогда скажите им, чтобы оторвали свои задницы и убирались в глушь, — сказал Гомер, но без злости. Он смотрел на Маквайта. Это был первый человек, который слушал его за долгое время.

— Посол Маквайт, я вынужден настаивать на том, чтобы мы прекратили эту встречу, — сказал мистер Гордон. — Я знаю о больших талантах мистера Аткинса и

его личной репутации в Штатах, но это очень неприлично — инженер, дающий безвозмездные советы по фермерству!

— И по требованиям военных! — добавил француз.

— Послушайте, посол, я мог бы рассказать вам еще много всяких мелочей, но сначала я должен кое-что сказать *ему*, — и Аткинс указал пальцем на француза. — У вас здесь много военных экспертов. У вас есть американские самолеты, танки и пушки. Но позвольте мне сказать вам то, чего вы не знаете. Знаете ли вы, что Хо Ши Мин приказал своим коммунистам построить секретную дорогу шириной в несколько футов прямо от китайской границы, через джунгли вдоль всего Вьетнама, почти до самого Сайгона? Черт побери, вы не знаете. Но именно так он доставлял грузы в Дьенбьенфу. И в следующий раз, когда он двинется в путь, он будет использовать эту дорогу для доставки грузов, чтобы взять Сайгон.

Французы вскочили на ноги, а вьетнамцы стали порхать по комнате, как испуганные птицы. Два французских полковника громко крикнули:

— *Невозможно* построить дорогу через джунгли, *невозможно*!

Аткинс встал, и наступила внезапная тишина. Он произнес только одно слово — “Чушь!” — и ушел. Никто не сомневался, что он возвращается в Америку.

Когда Аткинс прошел по коридору половину пути, он услышал за спиной шаги. Он продолжал идти, потом остановился, когда на его плечо опустилась рука. Это был Маквайт.

— Мистер Аткинс, я хотел бы поговорить с вами несколько минут, — сказал посол. — Мне показалось, что то, что вы изложили, хорошо и обоснованно. Позвольте угостить вас выпивкой.

— Значит, вы были единственным в комнате, кто потрудился подумать об этом, — сказал Аткинс и рассмеялся.

Через десять минут они сидели в кафе и пили пиво.

— То, что вы говорили о дороге Мина из Китая в Сайгон — это правда? — спросил Маквайт.

— Черт возьми, это правда. Я видел ее. Это не очень большая дорога, и она извивается так, что деревья скрывают ее от посторонних глаз. Но она достаточно большая для того, чтобы пара тысяч коммунистов могла провезти по ней множество грузов. Туземец, который мне ее показал, сказал, что во время боев за Дьенбьенфу эта проклятая дорога была забита, и по ней шли коммунисты в два ряда... Одна рысила назад за припасами, другая спускалась вниз, доставляя грузы. Вот что застало французов врасплох.

— Почему никто не сказал им об этом?

— Они их ненавидят, мистер. Даже антикоммунисты ненавидят французов.

— Мистер Аткинс, если бы я мог перевести вас в Сархан, вы бы подумали о том, чтобы приехать туда? — спросил Маквайт. — Я знаю, что у вас были трудные времена, и знаю, что у вас есть чем заняться в Штатах. Но думаю, что вы могли бы сделать для меня несколько ценных вещей. И я дам вам свободу действий. Вы сможете жить в глуши, если захотите.

— Что там у вас за проблемы? — подозрительно спросил Аткинс.

— Сархан отличается от Вьетнама, — сказал Маквайт. — Например, он очень холмистый, и им трудно подавать воду из рек к полям и участкам, расположенным на склонах холмов. Они используют старые подъемники, которые поднимают

всего несколько сотен галлонов в день. Возможно, вы могли бы поработать над этим.

— Может быть, может быть, — сказал Аткинс, и его лицо сморщилось в раздумье. Он извлек из кармана карандаш и начал делать наброски на странице карманного блокнота. Под его уродливыми пальцами начал появляться насос. Это был удивительно красивый и элегантный набросок. Маквайт ничего не сказал. Он знал, когда нужно ждать, поэтому заказал еще пива.

Маквайт сидел долго. Аткинс ничего не говорил, но пиво можно было пить, а сам инженер был источником постоянного очарования. Он не обращал внимания ни на Маквайта, ни на пиво перед ним, ни на движения и звуки в кафе. Он работал над эскизом до тех пор, пока на взгляд Маквайта он не превратился в непонятный, но явно осмысленный лабиринт деталей. Наконец Гомер вздохнул, откинулся на спинку стула и сделал глубокий глоток теплого пива.

— Что ж, возможно, это было бы интересно, — произнес инженер после пятнадцати минут молчания, как будто этого времени и не было. — Если я это сделаю, вы позволите мне выпускать что-то вроде журнала “Популярная механика” для распространения по всей стране? Если бы у меня был хороший проект, я бы хотел, чтобы его использовали. Мне надоели эти проклятые французы. Каждый раз, когда они ввозят что-либо в страну, приходится заключать торговое соглашение, получать патент и платить роялти. В результате никто не может позволить себе их вещи.

— Вы сможете иметь журнал, и он будет напечатан на сарханском языке, — ответил Маквайт.

— Не так быстро, — сказал Аткинс. — Я не уверен, что смогу решить эту проблему. Такие вещи требуют времени.

Но он снова и снова смотрел на свой чертеж, вычеркивая что-то и добавляя новые линии. Он даже не поднял глаз, когда Маквайт положил на стол свою карточку с запиской о том, что заказы Аткинса будут переданы каблогаммой, как только для этого появится возможность.

Гадкий американец и гадкий сарханец

Через две недели Аткинс с женой улетели на самолете в Сархан. Эмма, дородная женщина с веснушками на носу, была, в своем роде, не менее гадкая, чем ее муж. Она была безнадежно влюблена в Гомера, но так и не смогла объяснить ему, почему именно.

Когда Аткинс сказал ей, что они едут в Сархан, она и глазом не моргнула, сказала только Гомеру, что с удовольствием переедет в дом поменьше, где можно будет все делать своими руками и где не понадобятся слуги.

Через две недели Аткинсы уже жили в небольшом коттедже в пригороде Хайдхо. Они были единственными белыми в местной общине. В их доме был пол из утрамбованной глины, один колодец с холодной водой, очаг на углях, два очень удобных гамака, орава мелких безобидных насекомых и маленький смуглый сарханский мальчик лет девяти, который, видимо, достался им вместе с домом. Мальчика звали Онг. Он появлялся в шесть утра и весь день ходил за Эммой по пятам.

Эмма Аткинс с удовольствием провела время в Сархане. Она достаточно освоила язык, чтобы обсуждать с соседями лучшие места для покупки кур, уток и свежих овощей. Она научилась готовить великолепный пушистый рис, приправленный шафраном. Ей нравилось работать в доме, и она гордилась тем, что была такой же хорошей хозяйкой, как и большинство ее соседей.

Гомер Аткинс продолжал заниматься своим водяным насосом, приводимым в движение человеком. Идея рождалась в его голове очень медленно. Нужен был эффективный насос, чтобы поднимать воду с одной террасы на другую. Подъем воды на холмистых участках требовал огромного количества энергии. Обычно это делалось с помощью ведра или полотняного мешка, прикрепленного к концу длинного шеста. Один человек опускал ведро и, раскачивая его, поднимал на следующую террасу, где другой человек опорожнял его. Это был медленный и громоздкий способ, но сарханцы делали так на протяжении многих поколений и не видели причин для изменений. Аткинс решил, что нет смысла уговаривать их отказаться от явно архаичного способа, если он не сможет предложить им на замену более эффективный.

Он решил две трети проблемы. Для простого насоса нужны были три вещи. Во-первых, нужны были дешевые и легкодоступные трубы. Он решил, что их можно сделать из бамбука, который рос здесь в изобилии. Во-вторых, насос должен был иметь дешевый и эффективный механизм. На его поиски ушло больше времени, но в конце концов Аткинс добился успеха. За пределами многих сарханских деревень валялись останки джипов, выброшенных военными властями. Аткинс взял поршни от одного из таких джипов и, заменив кольца полосками дешевого войлока, изготовил поршень для своего насоса. Затем он разрезал блок двигателя на две части; один из цилиндров он использовал в качестве всасывающей камеры, а другой — в качестве нагнетательной. С помощью простой механической связи поршень можно было перемещать вверх и вниз, и он

подавал воду на высоту до тридцати футов. Третья проблема, которую Аткинс еще не решил, заключалась в том, какую силу нужно было приложить к механизму.

В конце концов ответ ему подсказала Эмма.

— Почему бы тебе просто не отправить в Штаты много ручных насосов, как на тех маленьких вагончиках, которые люди катают по железным дорогам? — спросила она однажды.

— Послушай, черт возьми, я же уже объяснял тебе, — сказал Аткинс. — Это должно быть что-то, что они используют здесь, на месте. Нехорошо, если я потрачу сто тысяч долларов на то, чтобы что-то привезти. Это должно быть что-то находящееся прямо здесь, что-то, что понятно туземцам.

— Гомер, — сказала Эмма, — если у тебя есть деньги в банке в Питтсбурге, почему бы тебе не отдать часть их этим милым сарханцам?

Аткинс резко поднял голову, но сразу же понял, что она его дразнит. Он хмыкнул.

— Ты знаешь, как это бывает. Если ты дашь человеку что-то просто так, то первым, кого он невзлюбит, будешь именно ты. Если насос заработает, то это должен быть их насос, а не мой.

Эмма с нежностью улыбнулась Гомеру Аткинсу, потом повернулась и посмотрела в окно. Группа сарханцев на велосипедах, как обычно, двигалась в сторону рынка в Хайдхо. Несколько мгновений она смотрела им вслед, а затем обернулась, в ее глазах вспыхнуло озарение.

— Почему ты не используешь велосипеды? В этой стране их миллионы, и они должны изнашиваться. Может быть, ты мог бы использовать приводной механизм старого велосипеда для приведения в движение насоса?

Аткинс посмотрел на Эмму и медленно выпрямился, хлопнув рукой по колену.

— Ей-богу, я думаю, ты все правильно уловила, девочка, — мягко произнес он. — Мы могли бы снять колеса со старого велосипеда, соединить цепь велосипеда с одной большой понижающей передачей, а затем приводить в движение поршень вверх и вниз с помощью эксцентрика.

Аткинс принялся расхаживать по комнате. Эмма, слегка усмехнувшись, вернулась к очагу, на котором варилась ароматная курица. Через несколько мгновений она услышала шелест бумаги и поняла, что муж склонился над своей чертежной доской. Спустя два часа он все еще продолжал яростно рисовать. Еще через час он полез в шкафчик, достал оттуда полдюжины бутылок пива и вернул их на рабочий стол. К обеду он выпил их все и уже насвистывал себе под нос. Когда Эмма потрепала его по плечу и сообщила, что ужин готов, он взволнованно обернулся.

— Послушай, детка, кажется, я понял, — сказал Гомер и начал быстро объяснять ей, прерываясь, чтобы сделать быстрые расчеты на листе бумаги. Когда она наконец заставила его сесть за стол, ел он так быстро, что куриная подливка потекла по его подбородку, но вытерев подбородок рукавом рубашки, инженер постарался, чтобы ни одна капля соуса не попала на его драгоценные рисунки. Эмма Аткинс с нежностью наблюдала за мужем. Она гордилась им и радовалась, когда он был счастлив. Сегодня она по-настоящему чувствовала себя очень счастливой.

— Перестань пить пиво, Гомер Аткинс, — сказала Эмма, усмехаясь. — Ты опьянеешь, и тогда забудешь, что это была моя идея насчет велосипеда.

— Твоя идея? — вскричал он в изумлении. — Женщина, ты с ума сошла! Я все время об этом думал, ты лишь натолкнула меня на мысль!

Но потом он вернулся к шкафчику, принес две бутылки пива и выплеснул на нее жидкость, наполняя ее стакан.

Через два дня у Аткинса уже была рабочая модель насоса. Ни единую часть еще сырого механизма не пришлось завозить. Он подсчитал, что в сельской местности, вероятно, найдется достаточно лома, чтобы сделать пару тысяч насосов. Теперь оставалось только запустить пару механизмов в работу и посмотреть, как они будут работать. В этот момент Эмма Аткинс продемонстрировала свои дипломатические способности.

— Послушай, Гомер, не убегай, как дикарь, — мягко сказала Эмма. — У тебя получилась хорошая машина, я горжусь тобой. Но не думай, что только потому, что она хороша, сарханцы сразу же начнут ее использовать. Вспомни, с каким трудом тебе удалось заставить профсоюзы в Америке принять землеройную технику. Эти люди здесь ничем не отличаются. Ты должен позволить им использовать машину самостоятельно и по-своему. Если ты попытаешься впихнуть ее им в глотку, они никогда не будут ее использовать.

— Хорошо, миссис Фостер Даллес,⁴⁰ скажете мне, что делать, — сказал Аткинс. Он знал, что она права, и был ей благодарен за это. — Скажите мне, как я должен обратиться к сарханцам.

Эмма спокойно объяснила Гомеру свой замысел, и он понял, что она обдумывала его уже некоторое время. Это был сложный, красивый план, и он пожалел, что никто из этих чванливых ничтожеств в американском посольстве не слышит разговора его жены.

На следующий день он привел в действие грандиозную стратегию Эммы Аткинс.

На своем подержанном джипе он отправился в деревню Чангдонг, где в пятнадцати или двадцати домах проживало сто человек. Деревня была расположена на крутом холме в шестидесяти милях от Хайдхо. Почва там была богатой, но из-за трудоемкого процесса подъема воды на семь или восемь уровней вверх — хотя перепады и были небольшими — Чангдонг всегда был бедной деревней.

Аткинс вежливо спросил первого встречного в Чангдонге, где находится дом старосты. Со старостой, почтенным человеком лет семидесяти пяти, он поговорил без переводчика. Это было нелегко, но он мог сказать, что староста был доволен тем, что Аткинс старается говорить на его языке. С бесконечной вежливостью старик чувствовал, какие слова подбирает американец, и вежливо подсказывал их. Беседа продвигалась быстрее, чем ожидал Гомер.

Аткинс рассказал, что он американец и что он изобретатель. У него есть идея создания насоса для подъема воды, и он, Аткинс, хочет разработать и запатентовать этот насос и продавать его с прибылью, поэтому ему хотелось бы,

⁴⁰ Джон Фостер Даллес — американский политик, занимавший пост государственного секретаря США при президенте Дуайте Эйзенхауэре. Брат создателя УСС и ЦРУ Аллена Даллеса.

чтобы староста нашел сарханского рабочего, обладающего навыками механика. Аткинс сказал, что хорошо заплатит за время и умение этого человека, а если тот сможет помочь с насосом, то станет наполовину владельцем патента. Старик серьезно кивнул. Затем они начали долгие, сложные и деликатные переговоры о том, сколько следует платить местному механику. Аткинс прекрасно понимал, что это все равно что вести переговоры с профсоюзным организатором в Штатах. Каждый знал, что в конце концов ему придется пойти на компромисс, и каждый получал удовольствие от того, что все это обсуждалось. В конце концов Аткинс получил услуги механика за цену, которая, как он знал, была чуть выше обычной. И староста, и Аткинс остались довольны. Они пожали друг другу руки, и староста ушел, чтобы привести механика. Гомер потянулся в карман рубашки, достал сигару и с удовольствием зажег ее. “Это будет забавно”, — подумал он.

Когда староста вернулся, он привел с собой невысокого, коренастого, крепко сбитого мужчину, которого представил как Джипо. Старик объяснил, что это не местное имя, так его называли из-за репутации известного механика по обслуживанию и ремонту джипов. Аткинс не слишком внимательно слушал, что говорил староста. Он изучал Джипо, и ему нравилось то, что он видел.

Тот выглядел как ремесленник. Его ногти были такими же грязными, как у Аткинса, а руки покрывали десятки мелких ссадин. Он смотрел на Аткинса открытым взглядом, в котором не было смирения и оправданий, и Гомер почувствовал, что в мире механиков, где существуют болты и гайки, поршни, кожа, и хорошая черная смазка, они с Джипо поймут друг друга.

А еще Джипо был гадким; гадким в том смысле, что был хулиганистым, потертым жизнью, и беззаботным, что Аткинса радовало. Оба мужчины улыбнулись друг другу.

— Староста говорит, что ты хороший механик, — сказал Гомер. — Он говорит, что ты специалист по ремонту джипов. Но у меня должен быть человек, который разбирается и в других вещах. Ты когда-нибудь работал над чем-нибудь, кроме джипов?

Джипо улыбнулся.

— Я работал с лебедками, насосами, “Ситроенами”, американскими и французскими танками, ветряными мельницами, велосипедами, туалетами богатых белых людей и несколькими самолетами.

— Ты разобрался во всем, с чем работал?

— Кто может разобраться во всем, с чем он работает? — сарханец ответил вопросом на вопрос. — Мне кажется, что я могу работать со всем, что связано с механикой. Но это только мое мнение. Испытайте меня.

— Мы начнем сегодня же днем, — сказал Аткинс. — В моем джипе сверху лежит куча оборудования. Мы с тобой выгрузим его и сразу же начнем.

К середине дня они собрали большую часть оборудования Аткинса на краю пади на втором ярусе деревни Чангдонг. Двадцать пять футов бамбуковой трубы были скреплены вместе; нижняя часть трубы была опущена в запруду реки, протекавшей мимо деревни. Верхняя часть трубы с помощью резиновой прокладки была прикреплена к грубому насосу, который сконструировал Аткинс. Над насосом возвышалась рама подержанного велосипеда со снятыми колесами. Джипо сделал все сам — Гомер сделал одну попытку помочь, но сарханец пошел

дальше сам, и Аткинс понял, что тот хочет продемонстрировать свою виртуозность. К позднему вечеру установка была готова.

Аткинс спокойно сидел на корточках в грязи и ждал, пока Джипо закончит. Рядом с ним сидели на корточках староста и два или три старейшины деревни. Хотя внешне они были такими же невозмутимыми, как и Гомер, он понимал, что они очень взволнованы. Старики прекрасно понимали, для чего предназначена машина, но не были уверены, что она заработает.

— Сэр, механизм готов к работе, — наконец тихо произнес Джипо. — Я не уверен, что мы сможем добиться подачи воды на такую большую высоту, но я с удовольствием покручу педали велосипеда в течение первых нескольких минут, чтобы проверить это.

Аткинс кивнул. Джипо взобрался на велосипед и начал медленно качать. Цепной привод велосипеда вращался с нарастающей скоростью. Грубые трубы издавали всасывающий звук.

В течение нескольких секунд не было слышно ничего, кроме этого бульканья. И вдруг из выходного отверстия насоса хлынула струя грязно-коричневой воды. Джипо не перестал крутить педали и не улыбнулся, но староста и другие старейшины не могли сдержать своего восторга по поводу размера струи воды, которая поднималась на вторую рисовую террасу.

— Это очень умная машина, — сказал Аткинсу староста. — За несколько минут вы подняли больше воды, чем мы могли бы поднять старым способом за пять часов работы.

На восторг старика Гомер не ответил. Он ждал, как отреагирует его напарник, и чувствовал, что тот не очень доволен и не убежден.

Джипо продолжал работать на установке. Он оглядел механизм, отметил несколько крошечных регулировок, которые нужно было произвести, и указал на них Аткинсу. Когда небольшая площадка наполнилась водой, он остановился и спустился с сиденья велосипеда.

— Это очень умная машина, мистер Аткинс, — тихо сказал Джипо. — Но для этой страны она не подойдет.

Аткинс долго смотрел на Джипо, а потом кивнул.

— Почему нет? — спросил он.

Сарханец ответил не сразу. Он бесшумно двигался вокруг механизма, покрутил болт здесь, отрегулировал рычаг там; затем повернулся лицом к американцу.

— Машина работает очень, очень хорошо, — заговорил, наконец, Джипо. — Но чтобы человек работал с ней, у него должен быть второй велосипед. В этой стране, мистер Аткинс, очень мало людей имеют достаточно денег, чтобы позволить себе два велосипеда. Если вы не найдете другого способа приводить насос в действие или если ваше правительство не будет готово дать нам тысячи велосипедов, ваше очень умное устройство — пустая трата времени.

На мгновение Аткинс почувствовал прилив гнева. Неприятно, когда тебя критикуют так прямолинейно. На короткое мгновение Гомер прикинул, сколько велосипедов можно купить на три миллиона долларов; затем, вспомнив о тактичности Эммы, отбросил эту мысль, и снова повернулся к Джипо.

— А что происходит со старыми велосипедами в этой стране? — спросил он. — Разве их недостаточно, чтобы использовать в качестве привода для насосов?

— В этой стране не бывает старых или выброшенных велосипедов, — ответил Джипо. — Мы ездим на велосипедах, пока они не придут в негодность. Когда человек выбрасывает свой велосипед, он уже слишком стар, чтобы использовать его для одного из этих насосов.

На мгновение гадкий американец столкнулся с гадким сарханцем. Если бы он был помоложе, Аткинс развернулся бы на пятках и ушел, но сейчас он просто ухмыльнулся своему напарнику.

— Ладно, Джипо, ты говоришь, что ты опытный механик. Что бы ты сделал? Мне нужно просто отказаться от своей идеи или мы можем найти другой способ подать энергию на насос?

Джипо ответил не сразу. Он сидел на корточках на мелком рисовом поле, его шорты цвета хаки погрузились в три дюйма в грязь, и неподвижно смотрел на невероятную машину. В течение десяти минут он ничего не говорил, затем встал и медленно подошел к насосу. Повернул педаль и провел пальцем по задней ведущей звездочке колеса, словно проверяя ее на прочность, после чего вернулся назад и снова присел на корточки.

Староста взглянул на Аткинса, а затем резким голосом обратился к старейшинам. Старосту смущало высокомерие Джипо, и он говорил, что вся деревня Чангдонг потеряла бы лицо из-за этого нелепого выступления. Уши Джипо слегка покраснели от критики, но он не повернул головы и не подал вида, что слышал слова старосты.

Аткинсу захотелось рассмеяться. Староста и старейшины очень напомнили ему дипломатов, с которыми он столько месяцев беседовал в Пномпене. Он был совершенно уверен, что у Джипо есть ответ на эти комментарии, и он также был уверен, что это не политический или личный ответ, а технический. Аткинс присел на корточки рядом с Джипо, и в течение пятнадцати минут оба мужчины молча сидели на пятках, изучая машину. Первым заговорил Аткинс.

— Возможно, мы могли бы сделать раму велосипеда из дерева, и тогда нам пришлось бы купить только механизм со звездочками, — неуверенно произнес он.

— Но именно эта часть велосипеда стоит дороже всего, — возразил Джипо.

Они неподвижно посидели на корточках еще минут десять. Позади себя Аткинс слышал пронзительные голоса старосты и старейшин. Хотя они сильно старались сохранять достоинство и манеры, американцу было ясно, что они пытаются найти способ извиниться перед ним и сгладить ситуацию. Гомеру и в голову не пришло заговорить с ними. Они с Джипо были заняты работой.

Один раз Аткинс подошел к механизму, быстро повернул педали, провел пальцем по звездочке и посмотрел на Джипо. Тот покачал головой. Он понял технический вопрос, который задал инженер, и дал на него ответ. Не обменявшись ни словом, они продемонстрировали шесть или восемь альтернативных способов заставить насос работать и отбросили их все. И каждое покачивание головой глубоко расстраивало старосту и старейшин.

Уже в сумерках им удалось найти решение проблемы, и это решение пришло в голову Джипо. Он вдруг резко встал, подошел к велосипеду, сел на него и начал яростно крутить педали. Из отверстия насоса хлынула вода. Сарханец оглянулся

через плечо на нижний уровень насоса, затем начал кричать Аткинсу громким и очень непочтительным голосом, в котором слышались нотки открытия. Аткинсу потребовалось еще пять минут, чтобы полностью понять, что предлагает Джино.

Решение оказалось верхом простоты. Он предложил построить беговую дорожку, которая могла бы вращаться с помощью заднего колеса обычного велосипеда, установленного на длинную бамбуковую стойку. Это означало, что семья, имеющая один велосипед, могла бы поставить его на стойку, закрепить и крутить педали. Заднее колесо приводило в движение беговую дорожку, которая, в свою очередь, приводила в движение насос с эффективностью, почти не уступающей оригинальной модели Аткинса. Когда кому-то нужно было воспользоваться велосипедом, он мог просто снять его со стойки и уехать.

— Этот человек сделал очень важное открытие, — торжественно заявил Аткинс старосте и старейшинам. — Он разработал способ, с помощью которого велосипед может приводить в действие насос и при этом использоваться также для передвижения. Без помощи Джино моя идея оказалась бы бесполезной. Я предлагаю составить документ, согласно которому Джино будет получать половину прибыли от этого изобретения.

Староста посмотрел на Джино, затем на старейшин. Он начал говорить со старейшинами торжественным голосом. Аткинс понял, что староста никогда не слышал об обязательном юридическом документе между белым человеком и сарханцем. Ему также стало понятно, что староста намерен заключить жесткую сделку. После нескольких минут совещания он повернулся к Аткинсу.

— Вы предполагаете, что вы и Джино начнете строить такие насосы? — спросил староста.

— Да. Я хотел бы вступить в дело с Джино. Мы откроем цех по производству таких насосов и будем продавать их тому, кто купит. Если у покупателя не будет денег, мы договоримся, что он сможет выплатить стоимость насоса в течение трех лет. Но не думайте, что Джино будет получать от меня деньги за то, что ничего не делает. Он должен работать в качестве мастера цеха, и ему придется много работать. Не больше, чем мне, но и не меньше.

Один из старейшин взволнованно вступил в разговор. Он отметил, что очень маловероятно, чтобы белый человек работал так же усердно, как Джино. Он никогда не видел, чтобы белый человек работал руками, и какая у них может быть гарантия, что Аткинс будет вести себя так же. Другой старейшина согласился с ним, отметив, что это похоже на уловку белого человека, который хочет получить дешевую рабочую силу от сарханского ремесленника. Оба старейшины были категорически против того, чтобы Джино вступал в партнерство.

Во время всего этого обсуждения Джино молчал. Он возился с насосом и велосипедным механизмом, подтягивая шестеренки, проверяя клапаны и подтягивая велосипедную цепь. Когда оба старейшины закончили разговор, он повернулся и пошел через грязь рисового поля к месту беседы.

— Я молча слушал, что вы, глупые старики, говорили, — сказал Джино, его голос был суров от гнева. — Этот американец отличается от других белых людей. Он знает, как работать руками. Он создал эту машину своими пальцами и своим мозгом. Вы не понимаете таких вещей. Но люди, которые работают руками и

мускулами, понимают друг друга. Что бы вы ни говорили, я вступлю в дело с этим человеком, если он согласится.

На лице старосты быстро проступил румянец стыда.

— Я думаю, Джипо прав, — сказал он. Этому человеку можно доверять. Сейчас я напишу документ, который удостоверит, что он и Джипо делят прибыль и работу поровну.

— И в документе должно быть написано, что ни я, ни американец не будем лицензировать или патентовать идею насоса, — сказал Джипо. — Мы предоставим эту идею любому другому, кто сможет ее сделать. Но на том, что сделаем мы, мы заработаем прибыль. Таков путь рабочих людей.

Джипо посмотрел на Аткинса. Тот довольно кивнул.

— А когда мы сделаем несколько насосов и продадим их, то напечатаем небольшие книжки, в которых расскажем другим, как это делается, — сказал Аткинс. — Мы разошлем их по всему Сархану, и деревня Чангдонг прославится своим мастерством механика.

Джипо и Аткинс не стали дожидаться, пока староста заключит с ними договор, и приступили к работе. Через два дня они арендовали большой старый рисовый склад на окраине Чангдонга. Еще через день они наняли двенадцать рабочих. Джипо и Аткинс ездили в Хайдхо, покупали подержанные инструменты и материалы и отвозили их на склад. Через неделю завод заработал в полную силу. Над входом на склад висела небольшая вывеска на сарханском языке, гласившая: “Компания Джипо-Аткинс, Лимитед”. Внутри склада царила атмосфера невероятных и энергичных усилий. Американец и сарханец работали по восемнадцать-двадцать часов в сутки. Они обучали местных жителей, установили небольшую кузницу, которая раскалялась докрасна большую часть дня, испытывали материалы, били молотками, спорили, по нескольку раз в день срывались и ругались друг на друга. Их споры почему-то доставляли сарханским рабочим огромное удовольствие, и только по прошествии нескольких месяцев Аткинс понял почему — это был единственный раз, когда сарханцы видели, как кто-то из их сородичей честно и добросовестно спорит с белым человеком, причем с шансами на успех.

Эмма Аткинс недолго жила в пригороде за пределами Хайдхо. Уже через неделю она перевезла их вещи в небольшой дом в Чангдонге. Она суежилась по дому и по деревне, покупая кур и овощи, готовя огромные запеканки из риса и курицы. Каждый день в полдень она и несколько деревенских женщин приносили на склад по две запеканки, и все мужчины обедали. Эмме казалось совершенно необычным, что ее муж находится в крошечной деревушке на склоне холма и занимается таким необычным делом, как строительство велосипедных водяных насосов.

Однажды на склад приехал технический советник из американского посольства и несколько часов молча наблюдал за происходящим. На следующий день позвонил советник посольства. Отведя Аткинса в сторону, он указал ему на то, что работа белых людей руками, особенно в сельской местности, снижает репутацию всех белых людей. Он взывал к гордости американца, чтобы тот отказался от этого проекта. Более того, он указал, что французы, самые опытные из колонизаторов, никогда не позволяли туземцам работать с машинами. Ответ

Аткинса был кратким, но метким, и советник в гневе удалился. А Гомер с радостью вернулся к своей работе на складе.

К концу шестой недели они изготовили двадцать три насоса. Когда был закончен двадцать четвертый насос, Аткинс созвал всех мужчин вместе. Он и Джипо встали перед группой и вкратце обрисовали, что теперь предстоит сделать. Большую часть разговора вел Джипо.

— Сейчас начинается самое сложное, — тихо начал гадкий сарханец. — Вы много и хорошо работали, чтобы создать эти насосы, теперь вы должны их продать. Наш друг Аткинс говорит, что в Америке одна из лучших вещей, которые могут случиться с такими инженерами, как вы, — это возможность продавать то, что они производят. Поэтому каждый из вас сейчас возьмет по два таких насоса в качестве образцов и пойдет принимать заказы на другие. За каждый проданный насос вы получите десять процентов комиссионных.

Один из мужчин перебил. Он не понимал, что такое комиссионные. Пока Аткинс и Джипо объясняли, в замешательстве прошло пять минут, а когда они закончили, будущие инженеры-продавцы радостно заулыбались. Они никогда раньше не слышали о таком предложении, но оно показалось им привлекательным и гениальным. Когда обсуждение закончилось, на стол положили двенадцать контрактов, и каждый из сарханцев подписал контракт между собой и компанией “Джипо-Аткинс, Лимитед”.

На следующее утро у склада выстроилось двенадцать телег, запряженных буйволами. На каждую телегу, на соломенные подстилки, было аккуратно уложено по два насоса, и к полудню двенадцать продавцов разъехались во все части провинции.

Началось ожидание. Джипо, староста, старейшины и все остальные жители деревни понимали, что все зависит от убедительности инженеров-продавцов и работы насоса, приводимого в действие велосипедом. Если заказов не будет, Аткинсу придется уйти, и оживление на фабрике исчезнет. Всего за несколько недель вся эта деятельность для жителей Чангдонга стала очень важна. Люди приходили на склад, смотрели, как работают Джипо и Аткинс, и многие из них начинали помогать. Напряжение неуклонно росло, и когда прошло четыре дня, а ни один из продавцов не вернулся, над деревней опустилось густое, как утренний туман, покрывало мрака.

Утром пятого дня вернулся первый из продавцов. Он ехал со скоростью, редкой для телеги. Буйвол спотыкался и разбрызгивал грязь в воздухе, а продавец с азартом и энтузиазмом подгонял животное. Пока животное поднималось на холм, все жители деревни пришли на склад, чтобы узнать, что будет дальше. Когда заляпанная грязью телега остановилась, раздался тихий ропот — все увидели, что она пуста. Возничий медленно спустился с телеги, преисполненный осознанием собственной важности, спокойно подошел и встал перед двумя своими работодателями.

— Имею удовольствие сообщить вам, господа, что я поступил неправильно, — начал он с ухмылкой на лице. — Вы сказали мне, что я должен вернуть два образца, но я не смог этого сделать. Я принял заказы на восемь насосов. Но два моих клиента настояли на том, чтобы я доставил насосы сразу. Поскольку их поля

отчаянно нуждались в воде и урожай мог погибнуть, я неохотно отдал им установки. Надеюсь, я не совершил никакой ошибки?

Из толпы раздался глубокий вздох, все повернулись и посмотрели на Джипо и Аткинса. Эти два приземистых, гадких, покрытых маслом человека на мгновение уставились друг на друга, а затем разразились криками радости. Джипо обнял Аткинса, Аткинс обнял Джипо, а затем они все вместе обняли миссис Аткинс. Потом все в деревне начали обниматься со всеми остальными. В течение нескольких часов в импровизированной вечеринке участвовала вся деревня.

На следующее утро деревня встала рано, — но не так рано, как Аткинс и Джипо. Когда люди спустились на склад, они слышали стук молотков и гаечных ключей. Заглянув в тусклое нутро здания, они улыбнулись друг другу. Американец и сарханец сильно спорили по поводу модификации насоса, Эмма Аткинс накрывала перед мужчинами огромный завтрак, а они, продолжая спорить, его игнорировали.

Согбенные спины Чангдонга

Эмма Аткинс была человеком простым и прямолинейным. Она не была занудой, но усвоила, что, когда необходимо что-то узнать, лучший способ выяснить это — задать прямой вопрос. Она пробыла в Чангдонге всего две недели, когда задала вопрос, на который не смогла ответить.

Она работала на своей кухне вместе с двумя соседками-сарханками, пытаясь приготовить варенье из маленькой гуавы, растущей в джунглях. Пылающая угольная печь и сладкий аромат пузырящихся фруктов придавали кухне уютную и домашнюю атмосферу. Эмма чувствовала себя хорошо. Она как раз закончила рассказывать соседям о том, как оборудована кухня в Америке, и тут, увидев через открытое окно, как мимо ковыляет одна из местных чангдонгских старушек, у нее в голове промелькнул вопрос. Она повернулась к двум женщинам и медленно заговорила, поскольку сарханский язык был для нее новым.

— Почему у всех стариков в Чангдонге согбенные спины? — спросила Эмма. — Все пожилые люди, которых я видела, согнуты и ходят так, будто у них болит спина.

Две женщины-соседки пожали плечами.

— Просто старики становятся согбенными, — ответила одна из них. — Это естественная вещь, которая случается с пожилыми людьми.

Эмму это не удовлетворило, но она не стала дальше разбираться с проблемой. Вместо этого она продолжала наблюдать. К тому времени, когда закончился сезон дождей, она заметила, что все люди старше шестидесяти в деревне ходят с вечной сутулостью. И по тому, как их лица искажались гримасой боли, когда им приходилось спешить, она поняла, что сутулость была крайне болезненной. Пожилые люди смирились с болью в спине и, когда Эмма спрашивала их, почему они ходят согнувшись, они только улыбались.

Через три недели после окончания муссона пожилые люди в деревне начали выметать свои дома, тропинки, ведущие от домов к дороге, и, наконец, саму дорогу. Подметать неизбежно должны были пожилые люди. Они использовали метлу, сделанную из пальмовых листьев. У нее была короткая ручка, может быть, два фута длиной, и, естественно, они нагибались, когда подметали.

Однажды, когда Эмма наблюдала за морщинистой и сторбленной женщиной из соседнего дома, проходящего по дороге, все встало на свои места. Она вышла поговорить с женщиной.

— Бабушка, я знаю, почему у тебя согнута спина, — сказала она. — Это потому, что ты так много подметаешь, согнувшись над короткой метлой. Подметание в таком положении по несколько часов в день постепенно формирует у тебя согнутое положение. Когда люди стареют, их мышцы и кости становятся не такими гибкими, как в молодости.

— Жена инженера, я так не думаю, — мягко ответила старуха. — У стариков Южного Сархана всегда были согнутые спины.

— Да, и я готова поспорить, что все они получили их, подметая по несколько часов в день метлой с короткой ручкой, — произнесла Эмма. — Почему бы вам не приделать к метле длинную ручку и не посмотреть, как это работает?

Старушка выглядела озадаченной. Эмма поняла, что в своем волнении она говорила по-английски. Она задала вопрос женщине на сарханском языке.

— У метлы не должно быть длинных ручек, — возразила старушка совершенно искренне. — Этого никогда не было. Я никогда не видела метлы с длинной ручкой, и даже если бы дерево было доступно, не думаю, что мы стали бы тратить его на длинные ручки для метел. Древесина — очень дефицитная вещь в Чангдонге.

Эмма знала, когда нужно прекратить разговор. Она уже давно поняла, что люди не перестают делать традиционные вещи только потому, что они иррациональны. Она также знала, что, когда людей критикуют за какие-то действия, они упрямо продолжают их совершать. В тот вечер Эмма поговорила с мужем.

— Гомер, ты заметил, что у стариков в этой деревне согбенные спины? — спросила Эмма.

— Нет, не видел, — ответил Гомер, запивая миску риса бутылкой пива. — Но если ты скажешь, что они гнутся, я поверю. Ну так что насчет этого?

— Только не говори “ну так что насчет этого”! — сердито сказала Эмма. — Я уже в том возрасте, когда суставы становятся менее гибкими и начинают болеть. Представь, через какие муки проходят старики с вечно согнутой спиной. Это хуже, чем люмбаго.⁴¹ Я спрашивала их, и они сказали, что это мучительно.

— Хорошо, хорошо, Эмма, — сказал Аткинс. — Что мы собираемся с этим делать?

— Ну, первое, что мы сделаем, это купим более длинные ручки для метлы, — с жаром сказала Эмма.

Однако она обнаружила, что достать более длинные рукоятки довольно сложно. Древесины в этих краях было мало, и стоила она дорого. Ручки, которые сарханцы использовали для своих метел, были сделаны из тростника с коротким крепким стеблем длиной около двух футов. Этот тростник использовался веками, и столетия назад люди перестали искать что-то лучше. Традиционно у метел были короткие ручки, а метлами пользовались исключительно люди, слишком старые, чтобы работать на рисовых полях. Но Эмма не была связана вековыми традициями и начала искать замену короткой ручке метлы.

Конечно, проще было бы привезти деревянные жерди, но Гомер давно научил ее, что по-настоящему изменить поведение людей могут только те вещи, которые они делают для себя сами. Со практичностью, характерной для жителей Среднего Запада, Эмма принялась за исследование своей проблемы. Задача оказалась не из легких. Она попыталась соединить несколько коротких тростинки вместе, чтобы получилась длинная ручка для метлы, но это не удалось. Все местные материалы, которые она использовала, чтобы удлинить метлу, не помогли.

⁴¹ Прострел спины, приступообразная интенсивная боль в поясничной области.

Эмме не хотелось быть побежденной. Она расширяла круг своих поисков, пока однажды не нашла то, что искала. Она ехала на джипе по крутой горной дороге примерно в сорока милях от Чангдонга, как вдруг резко затормозила. По одну сторону дороги на протяжении примерно двадцати футов рос тростник, очень похожий на тот, что рос в Чангдонге, только у него был мощный стебель, который высился на пять футов в воздух, прежде чем истончался.

— Гомер, — приказала она мужу, — вылезай и накопай мне полдюжины этих тростников. Но не трогай корни.

Вернувшись в Чангдонг, она посадила тростник возле своего дома и тщательно ухаживала за ним. Однажды, когда несколько соседок заглянули к ней домой, она небрежно срезала высокий тростник, привязала к нему обычные кокосовые листья и начала подметать. Женщины поняли, что происходит что-то необычное, но в течение нескольких минут не могли понять, в чем дело. Затем одна из женщин заговорила.

— Она подметает с прямой спиной, — удивленно сказала женщина. — Никогда подобного не видела.

Эмма не проронила ни слова. Она продолжала подметать прямо у них на виду, выходя на крыльцо и спускаясь по дорожке. Пыль и мусор взлетали тучами, и все, кто наблюдал за происходящим, понимали, насколько эффективнее было подметать стоя прямо.

Закончив подметать, Эмма вернулась в дом и стала готовить чай для своих гостей. Она не стала разговаривать с ними о метле, но когда они уходили, хозяйка стояла на крыльце, а все гости внимательно рассматривали ее инструмент.

На следующий день, когда Эмма подметала крыльцо, за ней издалека наблюдали три старые бабульки. Закончив уборку, она прислонила свою длинную метлу к кусту тростника, который она привезла с холмов. Намек был красноречив.

На следующий день около десятка пожилых людей, в том числе несколько мужчин, наблюдали за Эммой, пока она подметала. На этот раз, когда она закончила, к Эмме подошел старик, спина которого согнулась так, что он скорчился, как краб.

— Жена инженера, я хотел бы узнать, где можно достать такую же ручку для метлы, как у вас, — произнес человек. — Я не уверен, что это наши короткие метлы так согнули нам спины, но уверен, что ваш способ подметания более действенный.

Эмма любезно разрешила взять один из тростников, растущий возле дома. Старик заколебался.

— Я возьму один стебель и поблагодарю вас; но если я возьму один, другие тоже могут попросить, и скоро ваш тростник закончится.

— Не стоит беспокоиться, старик, — ответила Эмма. — В холмах много таких тростников. Я нашла их у ручья в Нангсе. Твои люди могут отправиться туда и привезти на спине одного водяного буйвола столько, сколько деревня сможет использовать за год.

Старик не стал срезать ни единого стебля Эммы. Вместо этого он повернулся и поспешил обратно к группе пожилых людей. Они быстро переговорили, и через несколько часов Эмма увидела, как они направляются к холмам, ведя перед собой водяного буйвола.

Вскоре после этого Гомер завершил свою работу в Чангдонге, и они переехали в Роток, небольшую деревню в семидесяти милях к востоку. И только спустя четыре года, когда Эмма вернулась в Питтсбург, она узнала об окончательных результатах своего проекта по изготовлению ручек для метлы. Однажды она получила письмо в большом красивом конверте из желтой бамбуковой бумаги. Внутри, написанное изящным почерком, было письмо от старосты Чангдонга.

Жена инженера!

Я пишу вам, чтобы поблагодарить вас за то, что вы сделали для стариков Чангдонга. На протяжении многих веков, дольше, чем кто-либо из людей может вспомнить, в этой деревне всегда были старики с согбенными спинами. И в каждой известной нам деревне у стариков всегда были согбенные спины.

Мы всегда думали, что это часть старости, и это была одна из причин, по которой ее боялись. Но, жена инженера, вы все изменили. Благодаря счастливой случайности, связанной с вашей длинной метлой, вы показали нам новый способ подметать. Это мелочь, но она изменила жизнь наших стариков. Вот уже четыре года, с тех пор как вы уехали, мы используем длинный тростник для ручек метлы. Вы будете рады узнать, что сегодня в деревне Чангдонг почти нет согбенных спин. Сегодня спины наших стариков прямые и крепкие. Их тела больше не болят в месяцы муссонов.

Это мелочь, я знаю, но для наших людей это очень важно.

Я знаю, что вы не принадлежите к нашей религии, жена инженера, но, возможно, вам будет приятно узнать, что на окраине деревни мы построили небольшое святилище в вашу память. Оно очень простое; у подножия алтаря выбиты такие слова: “В память о женщине, которая разогнула спины нашего народа”. А перед святилищем лежит стопка старых коротких тростинок, которые мы использовали.

Еще раз, жена инженера, мы благодарим вас и думаем о вас.

— Что он имеет в виду, говоря “счастливый случай”? — сказала Эмма Гомеру. — Я три месяца рыскала по всей округе, прежде чем нашла этот длинный тростник! Это не было случайностью!

Гомер не поднимал глаз от письма. Он знал, что возмущение в ее голосе было наигранным. Он знал, что если бы посмотрел сейчас, то увидел бы слезы, блеск в уголках ее глаз. Он выждал достаточное количество времени; и когда поднял голову, она как раз засовывала носовой платок обратно в карман своего фартука.

Сенатор, сэр...

Свою политическую карьеру сенатор Джонатан Браун начал с двух несомненных достоинств: сурового грубоватого лица, напоминавшего лицо Линкольна, и высокой степени коррумпированности. С возрастом его внешность особых изменений не претерпела — волосы поседели, а сам он стал слегка сутулиться; но вот свою коррумпированность он в какой-то момент полностью утратил.

Даже его жена не знала об этой тени в его прошлом. В 1924 году, когда Браун впервые баллотировался в Сенат, он считал, что каждый человек, отправляющийся в Вашингтон, либо преступник, либо дурак. В тот момент своей жизни, когда он только что пробрался из одного из самых отсталых округов своего штата, чтобы стать сначала членом Ассамблеи штата, а затем сенатором штата, он предпочел бы быть повешенным за мошенничество, чем за глупость. А способ, который позволил ему победить в сенатской гонке, был просто невероятен по своей грубости. Он просто пришел в офис президента крупнейшей частной электрической компании штата и сказал руководителю, что если его, Брауна, изберут в Сенат США, то он готов передать компании все мощности плотины “Лосиное сердце”. В обмен он попросил лишь о двух услугах: чтобы фирма отговорила от участия в выборах всех остальных, и чтобы они положили 150 000 долларов на счет руководителя его избирательной кампании. Президент фирмы, обладавший исключительным опытом и чутьем, взглянув на Брауна, понял, что такая наглость обязательно найдет свое политическое вознаграждение, и быстро согласился на оба условия.

Сенатор Браун так и не смог точно определить, когда прошла его коррупция и началась гордость за Сенат. Возможно, во время второго срока; но в любом случае он вдруг осознал, что очень гордится тем, как Сенат ведет свои дела. Он научился отличать здравые речи от конъюнктурных, начал понимать и ценить прелести парламентской процедуры. Однажды он понял, что 96 человек в Сенате — это в буквальном смысле самая могущественная политическая группа в мире. И по мере того, как он достигал этих представлений, Браун становился все более неподкупным, а его личная совесть — все более нестигаемой. Наконец настал день, когда он вышел на сцену Сената и представил законопроект, по которому мощности плотины “Лосиное сердце” отбирались у электрической компании. Он полностью осознавал, на какой риск идет; и, к его огромному облегчению, когда четыре месяца спустя президент компании подошел и пожал ему руку, он ничего не сказал о подарке, сделанном ему в ходе предвыборной кампании.

В 1942 году сенатор Браун стал членом сенатского комитета по иностранным делам, и хотя в молодые годы он не знал, где находится Камбоджа — в Африке или в Азии, — теперь он тщательно и добросовестно изучал все факты, касающиеся иностранных дел. За три года он стал одним из самых информированных членов комитета. Его старшинство сделало неизбежным то, что он стал председателем комитета; и когда он стал им, одним из первых его действий было составление планов путешествия по Азии и Дальнему Востоку. Он намеревался взять с собой

миссис Браун, а также еще одного сенатора, двух административных помощников и двух секретарей.

Маршрут поездки был длинным и подробным. Увидев его, миссис Браун побелела, и напомнила сенатору о его сердечной болезни и артрите на ногах. Обоих недугов сенатор глубоко стыдился; он приложил немало усилий, чтобы скрыть их, никогда не позволяя, чтобы они мешали его работе. Маршрут включал посещение Манилы, Токио, Формозы, Таиланда, Вьетнама, Камбоджи, Лаоса и Кореи. По завершении этих инспекций они возвращались в Вашингтон через Европу, сделав короткие остановки в Каире, Риме, Мадриде и Лондоне.

— Отныне я не желаю, чтобы в этой поездке пили виски, или общались со светскими красавицами, — заявил сенатор своим сотрудникам. — Знаю я этих дипломатов. Они постараются показать нам все с наилучшей стороны, только чтобы сохранить свои собственные ассигнования, но мы собираемся докопаться до всего. Я хочу поговорить с местными жителями, со служащими низкого ранга и техническими специалистами на местах, и я не хочу проводить слишком много времени с большими мальчиками. Все это понимают? Я возьму с собой спиртное. Джон, проследи, чтобы в самолете был ящик виски смешанного сорта, и смотри, чтобы никто не пил его, кроме меня.

По мере того как организовывались условия для визита сенатора, начали гудеть телеграммы. Сообщения отправлялись в посольства всех стран, которые он посетит; копии — в ВВС, которые должны были предоставить самолет. Проводились бесконечные встречи, чтобы подготовить почву для визита высокопоставленного гостя. Сенатор прекрасно понимал, как много работы повлечет за собой его поездка, но был полон решимости получить факты из первых рук. На Дальний Восток было направлено несколько миллиардов долларов, и он был намерен лично убедиться в том, какой результат принесли эти деньги.

Одним из американцев, получивших телеграмму о визите сенатора Брауна, оказался посол во Вьетнаме, почтенный Артур Александр Грей. Он ее ожидал, поскольку уже получил длинную информационную записку от своего старого друга, одного из стипендиатов Родса,⁴² который работал в японском отделе Госдепартамента:

В ближайший месяц в Сайгон прибудет сенатор Браун. Я слышал об этом как о слухе на Холме⁴³ и проверил его, сделав несколько телефонных звонков. Через несколько недель вы, вероятно, получите информацию об этом. Не стоит недооценивать Брауна. Он уже пожилой человек, и, правда, раньше он был изоляционистом, но когда входил в курс мировых дел, то вникал в них с такой

⁴² Стипендия Родса (англ. *Rhodes Scholarship*) — международная стипендия для обучения в Оксфордском университете. Учреждена в 1902 году Сесилом Родсом, является старейшей стипендией для выпускников в мире, и считается одной из самых престижных международных стипендиальных программ.

⁴³ Имеется ввиду Капитолийский холм в Вашингтоне, где находится Конгресс США.

тщательностью, равной которой я не встречал. За этой манерой пить виски и вести себя как деревенщина скрывается чертовски жесткий и честный человек. Сейчас он убежден, что мы столкнулись с последним кризисом в отношениях с Советской Россией и что следующие несколько лет решат, выиграем мы или проиграем. Он постоянно говорит об этом — на заседаниях комитетов, в коридорах и на коктейльных вечеринках. И он действительно так считает. Он пойдет на все, чтобы получить информацию, на которой будут основываться законодательные рекомендации его комитета.

Все это хорошо, Алекс, но есть одна вещь, которой вам следует остерегаться. Я знаю, что вам нечего скрывать, но вам придется быть осторожным с тем, с кем общается сенатор Браун. Он умеет заставлять обычных людей разговаривать с ним. Он не пытается их очаровать — он выглядит как один из них, говорит как один из них, и очень скоро они выкладывают ему все начистоту. На прошлой неделе я видел, как он общался с делегацией туземцев из Ганы. Они знали, что он южный сенатор, и с подозрением относились к его отношению к цветным людям. Боже мой, Алекс, это было что-то с чем-то. Он подошел к ним на большом приеме, напоминая сочетание Авраама Линкольна и обезьяны; он прекрасно с ними общался, и ни разу не возникло ощущения, что он снисходителен или предвзят. Сенатор, со свойственной ему прямоотой, просто сбил их с ног своей информацией о Гане — он знал о ней больше, чем они. По окончании вечеринки вся делегация вместе с Брауном погрузилась в такси, и, по слухам, они провели ночь, попивая бурбон. А еще ходят слухи, что на основании полученной в тот вечер информации Браун готов сократить ассигнования Гане на 30 процентов на том основании, что слишком большая их часть идет на административные расходы и в крупные города.

Должен сказать больше. Этот парень честен и жесток, и хотя вам нечего скрывать, я уверен, что существует множество способов рассказать ту же самую историю. Я просто пишу заранее, чтобы сказать вам, чтобы вы подготовили свою историю и убедительно донесли ее до него.

Посол Грей не испугался. Ему уже приходилось иметь дело с выдающимися и жесткими государственными деятелями. Он еще ни разу не терялся и не собирался этого делать в этот раз. Он на мгновение задумался, затем повернулся и нажал кнопку на своем столе.

— Прошу через двадцать минут собраться всему персоналу в конференц-зале, — произнес он в маленький черный ящик на своем столе, и уже через полчаса посол и его сотрудники уже всю разрабатывали планы приема, гостеприимства и обучения сенатора Брауна.

Первой начала Салли Винсент.

— Посол, я думаю, что мне следует подготовить для сенатора новую брошюру об истории Вьетнама и местной политической обстановке, — предложила она. — Я не имею в виду обычную, потому что есть вероятность, что он видел другие брошюры, которые мы готовили для предыдущих посетителей. Я имею в виду

настоящую откровенную брошюру, подчеркивающую проблемы сельской местности, с которыми сталкивается эта страна, а также дикость коммунистов. Я могла бы поместить несколько иллюстраций типичных вьетнамских ферм, упомянуть о количестве осадков и тому подобное.

— И кое-что об удобрениях, — сказал посол с неулыбчивым лицом. Он давно усвоил, что американцы из фермерских штатов неизменно интересуются удобрением почвы.

— Да, конечно, у меня будет раздел об удобрениях, — так же серьезно ответила Салли. — На самом деле у меня есть несколько фотографий с того компостного проекта, где их учат использовать различные виды отходов растительного происхождения в качестве удобрения. — И она разложила на столе несколько гляцевых фотографий, чтобы посол их одобрил.

Затем специалист по вопросам сельского хозяйства набросал маршрут поездки, которую он предложил совершить сенатору. Все понимали, что маршрут был весьма хитроумным. Он вел посла мимо всех сельскохозяйственных станций, созданных американской миссией, чтобы сенатор не упустил из виду ни единого наглядного свидетельства американской помощи. То, что при этом он не увидит настоящую сельскую глубинку, никого из этих реалистичных людей не волновало.

Встал сотрудник отдела информации и представил аудиовизуальные средства, которые он подготовит для “резюмирования” всей истории. Одним из них был полуторачасовой, специально смонтированный фильм, который сотрудник по информации собирал своими руками.

— Дашь мне посмотреть, Дик, прежде чем сделаешь окончательную нарезку, — сказал посол. — Помню, я видел фильм французской армии о боях вокруг Ханоя без цензуры, и он был немного несправедлив. В одной из сцен был показан французский танк, который был взорван самодельной бомбой местного производства, что создавало впечатление, что танки здесь не нужны. Как мы все знаем, наши французские коллеги считают их абсолютно необходимыми для той войны, которую мы здесь ведем.

— Да, сэр, так и сделаю, — ответил Дик. — Думаю, вы согласитесь, что черновой фильм даст очень объективную картину ситуации.

Встреча продолжалась три часа. Они обсуждали, какие светские мероприятия следует устроить для сенатора Брауна, какой пищей его будут кормить в посольстве (посол исключил из меню крупу и маис как слишком очевидный прием, чтобы получить одобрение сенатора), интересы и темперамент миссис Браун, с какими туземными лидерами и при каких обстоятельствах сенатору следует встречаться. Затем посол подвел итог.

— Думаю, что детали у нас под контролем, — твердо сказал он. — Но давайте попробуем прояснить общую атмосферу и настроение этой поездки. Сенатор считает, что мы столкнулись с кризисом во всем мире; и думаю, что никто из нас с этим утверждением не согласится. Поэтому мы должны продемонстрировать свое стремление и преданность делу. Я хочу, чтобы все были в посольстве заблаговременно, и чтобы никто не уходил раньше восьми вечера. Если у вас есть работа, которую нужно доделать, это самое подходящее время, чтобы сделать ее и поддерживать свет в посольстве по вечерам. Я хочу, чтобы на время визита сенатора ни один сотрудник посольства не ходил во французский ресторан или

кафе. Я хочу, чтобы ни один сотрудник американского посольства не ездил по улицам Сайгона на машине во время визита сенатора — покатайтесь на работу на такси или на велосипеде. На самом деле, мне кажется, что это неплохая идея. Может быть, полдюжины из вас могли бы арендовать велосипеды на неделю, пока он будет здесь, и попросить плотника сделать стоянку для велосипедов у дверей посольства.

Отпуская своих сотрудников, посол велел двум людям остаться: майору Эрнесту Крэйвату, военному атташе посольства, и доктору Гансу Барре, натурализовавшемуся американскому гражданину, родившемуся в Германии и специализировавшемуся на восточных языках. Доктор Барре работал в посольстве временно, и был единственным человеком, владевшим там вьетнамским языком.

— Итак, джентльмены, — сказал посол, — я попросил вас двоих остаться, потому что в визите сенатора есть два момента, которые меня беспокоят. Во-первых, он собирается задавать вопросы о военной обстановке. Как вы знаете, Крэйват, это сложная проблема, и с людьми, не знакомых с ситуацией, возникало множество недоразумений. Американские журналисты весьма нелицеприятно освещают французскую военную тактику. Мы же с вами знаем, что французы справились с уникальной ситуацией с большим мужеством и воображением, но сенатор может быть настроен критично. Я хочу, чтобы вы поговорили с Верховным комиссаром Франции и рассказали ему о важности этого визита. Думаю, мы смотрим на вещи одинаково. Военная помощь здесь исчисляется миллионами, и если сенатор Браун не будет убежден, что она используется с умом, то ее могут сократить до нуля. Я также хочу, чтобы вы поговорили с *Chef de Cabinet*⁴⁴ генерала Салана⁴⁵ и проследили за тем, чтобы все французские офицеры штаба были проинструктированы о том, что нужно говорить. Это должно быть хорошее шоу, иначе ситуация в этой стране ухудшится чертовски быстро.

Майор Крэйват кивнул и вышел из комнаты. Посол повернулся к доктору Барре.

— Доктор Барре, вы впервые переживаете визит политика, и вам придется нелегко. Политики не интересуются реальностью; они заинтересованы только в том, чтобы получить голоса избирателей и иногда заработать себе бойскаутские очки, предложив сильно сократить бюджет на иностранную помощь. Браун — особенно сложный случай. Мне бы хотелось, чтобы вы находились под рукой у сенатора на протяжении всего его визита. Он не говорит по-вьетнамски, как и все его сотрудники; и я бы хотел, чтобы вы переводили для него.

— Это не должно быть слишком сложно, господин посол, — ответил доктор Барре. — Как вы знаете, я знаком с этим языком.

— А вот сенатор — нет; и я боюсь, что если он будет получать дословные переводы чужих слов, то может неправильно их понять, — ответил посол. Он смотрел в окно, а его большой и указательный пальцы поглаживали значок “Фи

⁴⁴ Руководитель аппарата, начальник канцелярии (фр.)

⁴⁵ Рауль Альбен Луи Салан (1899 — 1984 гг.) — французский генерал, ветеран двух мировых войн; командующий французской армией в Индокитае (1952—1953 гг.), затем в Алжире. Создатель подпольной организации ОАС, ставившей своей целью недопущение отделения Алжира от Франции.

Бета Каппа”.⁴⁶ — Например, он может внезапно остановиться и начать опрашивать уроженца Вьетнама в поле или на улице. — Посол обернулся, и его лицо стало серьезным. — Представляете, доктор Барре, какой ущерб может быть нанесен американской внешней политике, если сенатор примет всерьез какую-нибудь чепуху, сказанную ему туземцем?

Доктор Барре кивнул. На его лице отражалась усталость, и он избегал смотреть в глаза послу.

— Я не хочу, чтобы вы компрометировали себя как ученого и как эксперта, доктор Барре, но хотел бы, чтобы вы просто извлекли правильный смысл из того, что будут говорить туземцы, если сенатор случайно заговорит с кем-то из них.

Доктор Барре снова кивнул и встал. Они с послом пожали друг другу руки.

Комитет по приему гостей, встречавший делегацию сенатора Брауна в аэропорту Тенсан за пределами Сайгона, был немногочисленным. В нее входили только американский посол, Верховный комиссар Франции, доктор Барре и майор Крэйват. Посол Грей объяснил, что высокопоставленные французские генералы очень хотели бы встретить самолет, но срочные военные соображения заставили их работать на местах.

— И это чертовски хорошо, — хмыкнул сенатор, садясь в простой седан марки “Форд”, который был частной собственностью посла. — Вот где место генералам — в поле и на полигонах.

Когда они въезжали в Сайгон, посол Грей спросил сенатора Брауна, что бы он хотел увидеть, и сказал лишь, что сотрудники посольства помогут сенатору во всем, что он захочет сделать. По словам посла, они не составляли никакого маршрута и не строили тщательно продуманных планов, поскольку сначала хотели узнать, что именно интересует гостя.

— Послушай, сынок, не будем обманывать друг друга, — едко ответил сенатор Браун. — За последние два с половиной года мы вливали в эту страну по миллиарду в год. Я хочу посмотреть, что с этим сделано. Я также хочу поговорить с местными политическими лидерами и с парочкой руководителей местных регионов, начальников уездов, или как там их еще называют. Мне не нужны шикарные приемы и вечеринки, на которых я встречаюсь только с другими американцами и дипломатами. Если вы не можете сделать это для меня, просто скажите, и я остановлюсь в отеле в центре города и сам организую свой маршрут.

Сенатор прочно сидел в своем кресле, зажав во рту сигару.

— Сенатор, сегодня вечером я составлю расписание, в котором будет абсолютный минимум официальных протокольных мероприятий и абсолютный максимум контактов с туземцами и их лидерами. Безусловно, вам придется немного повидаться с французскими гражданскими и военными руководителями, но вы, вероятно, захотите сделать это в любом случае, чтобы узнать их точку зрения.

⁴⁶ Общество «Фи Бета Каппа» (англ. *Phi Beta Kappa Society*) — старейшее почётное студенческое общество (изначально — братство) в Соединённых Штатах Америки, основанное 5-го декабря 1776 года.

— Чертовски верно, — проворчал сенатор.

В тот же вечер посол и миссис Грей, а также сенатор и миссис Браун спокойно ужинали в резиденции посла. После ужина появился сотрудник отдела информации с кинопроектором и показал девяностоминутный фильм о политической ситуации во всем Индокитае. Сотрудник отдела информации был опытным; когда сенатор задавал вопрос, он сразу же останавливал фильм и отвечал на него четко и прямо. Если он не знал ответа на вопрос, то обещал дать его в письменном виде на следующий день. Один раз сенатор спросил о том, каким вооружением располагают коммунисты, и сотрудник отдела информации сказал, что более полный ответ на этот вопрос может дать майор Крэйват.

— Итак, господин сотрудник отдела информации, во сколько вам и правительству Соединенных Штатов обошелся этот фильм? — спросил сенатор с циничной ухмылкой на лице, когда фильм закончился. — Похоже, это довольно дорогостоящее производство.

— Сэр, правительству Соединенных Штатов этот фильм не стоил ничего, — быстро ответил сотрудник отдела информации. — Я фотограф-любитель и кинорежиссер, и я сам собрал его из французской и американской документальной кинохроники. И хочу добавить, сэр, сделал это в свободное от работы время.

Грей бросил на сотрудника быстрый взгляд одобрения. Хлебнув еще одну порцию виски и простой воды, сенатор отправился спать.

На следующее утро инспекционная поездка началась с тихой суматохи. Майор Крэйват и доктор Барре оказались единственными двумя сопровождающими сенатора и миссис Браун. Они ехали в чистом, но старом бронетранспортере. Ехать было тяжело; сенатор никак не мог знать, что майор Крэйват так затянул амортизаторы, что каждая неровность дороги отзывалась ударом.

Первой остановкой стал склад боеприпасов, который они осмотрели пешком. Затем они прошли к разгрузочному доку, где разгружались американские военные грузы, после чего на том же транспортере отправились во французский тренировочный лагерь. Там их встретил французский младший офицер, который повел их полурусью по лагерю. Они осмотрели полосу препятствий, танковую директрису, пулеметное стрельбище и плац. К 13:30 майору Крэйвату стало ясно, что у сенатора болят ноги, но темпа он решил не сбавлять.

Один раз миссис Браун предложила им отдохнуть, но сенатор лишь упрямо покачал головой. Она вернулась к транспортеру, а остальные продолжили путь. Сенатор Браун остановился рядом с группой вьетнамских туземцев, которых французский сержант инструктировал по поводу безоткатного орудия, и потрепал одного из туземцев по плечу. Тот огляделся и быстро привстал.

— Спросите его, сколько раз он стрелял из этого оружия и по каким целям, — обратился сенатор к доктору Барре. Доктор Барре и вьетнамец быстро переговорили на протяжении нескольких минут. Туземец ответил, что до сегодняшнего утра никогда не видел безоткатного орудия, а так то он обычный повар. Вьетнамец был озадачен внезапным изменением своих обязанностей, но обрадовался — на кухне было жарко. Доктор Барре медленно повернулся к сенатору.

— Сенатор, он говорит, что работает с оружием уже несколько недель. По мишеням он не стрелял, потому что у нас крайняя нехватка снарядов. Однако говорит, что рад возможности попрактиковаться в стрельбе из безоткатки, и хотел бы использовать это оружие против коммунистов.

— Так почему же, черт возьми, они не просят больше снарядов? — сердито спросил сенатор. — Какой смысл отправлять орудия без боеприпасов? Вот человек, готовый к бою, а мы посылаем вооружение на пару миллиардов долларов, но только не то, что ему нужно!

Сенатор повернул свое больное тело и уставился на майора Крэйвата. Майор вместе с французским офицером ответили сразу же. Оба заявили, что ситуация настолько серьезна, что снаряды следует выпускать только по врагу. Майор Крэйват отметил, что Индокитай находится в конце длинной линии снабжения, которая тянется через весь Тихий океан. Французский офицер добавил, что они запасают все свои боеприпасы, чтобы использовать их исключительно против коммунистов.

Сенатор хмыкнул, и делегация удалилась. Позже майор Крэйват и французский офицер сошлись во мнении, что сенатора просто смутило бы упоминание о том, что безоткатные орудия были в Индокитае почти бесполезны, поскольку коммунисты воевали так, что целей, по которым можно было бы из них стрелять, почти не было. Они также поспешно согласились, что безоткатки будут бесценными, если когда-нибудь придется защищать крупные города Индокитая.

Делегация съела солдатский обед в полевых условиях, который был настоящим. Он состоял из французского хлеба, небольшой банки консервированной свинины на человека, поллитра вина, высококонцентрированного шоколадного батончика и двух огромных желтых конфет, которые по вкусу напоминали лимон, но на самом деле были почти чистой декстрозой. Когда обед закончился, миссис Браун попросила отпустить ее, и ее отвезли в гражданском автомобиле в резиденцию посла.

Сенатор продолжил свои инспекции, которые по какой-то причине пришлось проводить пешком. К четырем часам дня гость заявил, что на сегодня с него хватит. Он отпустил майора Крэйвата и доктора Барре и сказал, что обратно в резиденцию посла доберется сам. Майор и переводчик протестовать не стали, ведь посол велел им этого не делать, иначе сенатор мог бы подумать, что ему устроили предвзятую экскурсию. Оба они остались в бронетранспортере, а сенатор приказал своему водителю, американскому сержанту, медленно отправляться обратно в город.

— Сынок, ты когда-нибудь спал с одной из этих вьетнамских девушек? — бодро спросил сенатор. — Некоторые из них выглядят очень даже неплохо.

— Сэр, мы не очень-то братаемся с туземцами, — ответил сержант.

— Черт, я не спрашивал, общаетесь ли вы. Я спросил тебя, трахался ли ты с ними.

— Нет, сэр. У меня здесь семья, — сказал сержант.

— У тебя здесь есть дом? Сколько в нем комнат? Слуги есть? Пригнал ли ты сюда машину за государственный счет? — Тон сенатора внезапно стал очень твердым.

Сержанта предупредили, чтобы он не отвечал на прямые вопросы гостя, но его допрашивал один из мировых экспертов. Сенатор Браун уже давно выучил, как именно следует задавать вопросы, в каком порядке и с какой скоростью. Он и без лишних вопросов знал, что сержант — “канцелярская крыса”, а не боец. Сержант неохотно ответил “да” на все вопросы своего пассажира; затем сенатор перестал его спрашивать, поскольку понял, что сержант уже был проинструктирован. Из этого лимона больше нельзя было выжать сок, поэтому гость перестал обращать на него внимание и изучал город, пока они медленно катились через него.

Они проехали уже половину города, когда оказались напротив небольшого открытого кафе. За круглым столиком сидели два явно пьяных офицера. Один из них был высоким, худощавым американцем, а другой — невысоким, худым французским капитаном. Оба были одеты в грязную униформу, грязь заляпала ее почти по пояс. На форменных рубашках белели кристаллики пота. Офицеры не разговаривали друг с другом, а просто смотрели на площадь перед кафе и пили. Вокруг их столика полукругом валялись разбитые стаканы; французский официант держался на почтительном расстоянии, явно стараясь не замечать эту парочку.

— Остановите машину, сержант, — приказал сенатор. — Чертовски неприятно, когда мы отправляем сюда американского офицера, а он напивается в разгар дня.

Выбравшись из бронетранспортера, сенатор подошел к столу. Оба офицера ошарашенно смотрели на него.

— Майор, на вас форма американского офицера, — сурово сказал сенатор. — Какого черта вы напиваетесь посреди дня?

Американец спокойно улыбнулся, и жестом велел сенатору убираться. Когда тот не двинулся с места, майор пододвинул стул и предложил сенатору сесть.

— Приятель, ты выглядишь и говоришь как американец, — произнес американец с техасским акцентом. — Садись, выпей и закрой рот. Меня зовут Текс Волчек, а это майор Монé, единоразовый ужас французского Иностранного легиона, а ныне наемник. Мы пьяны.

Сенатор сел, и холодно заявил:

— Майор, меня зовут сенатор Браун, и я здесь с инспекционной поездкой. Я задал вам вопрос и хочу получить на него ответ. Что вы делаете здесь в середине дня?

Оба офицера посмотрели на сенатора, улыбнулись и снова наполнили свои стаканы.

— Сенатор, мы пьяны и становимся все пьянее, — ответил француз на безупречном английском.

— Ну, это видно, — сказал сенатор. — Но это же позорно, черт возьми! Мы отправляем сюда американских офицеров, чтобы помочь вам, а потом обнаруживаем, что они распивают спиртные напитки в кафе. Похоже, вы не понимаете, что нам здесь чертовски непросто.

Текс Волчек закрыл глаза и слабо улыбнулся.

— Сенатор, даю вам пять секунд на принятие решения, — сказал он с закрытыми глазами и очень мягким голосом. — Либо вы можете выпить с нами и

держат рот на замке, либо я надеру вам задницу на всем обратном пути к бронетранспортеру.

Пять ошеломленных секунд сенатор сидел неподвижно. В молодости он был крепким мужчиной и умелым бойцом, и на мгновение он подумал о том, чтобы принять вызов майора. В нем закипала ярость от того, что американского офицера видели пьяным в разгар кризиса, с которым Америка столкнулась в Индокитае. Но Браун не был дураком — когда майор Волчек открыл глаза и начал вставать, сенатор отодвинул свой стул и отправился к транспортеру.

Сразу по возвращении в посольство, он отправил за послом, описал двух офицеров и назвал ему их имена. Посол вызвал майора Крэйвата, и они вдвоем заверили сенатора, что в отношении этих двух людей будут приняты надлежащие дисциплинарные меры. Много позже посол заметил своим сотрудникам, что этот эпизод стал поворотным пунктом в визите сенатора; после него гость стал гораздо приветливее. Это, и, возможно, чрезвычайно долгая прогулка, которую он совершил в первый день, несколько поубавила у него сил для последующих поездок, потому что с тех пор он довольствовался осмотрами, проводимыми исключительно на автомобилях или бронетранспортерах.

Однажды они взяли его в один из дальних бункеров, где французы держали оборону от коммунистов. Бункер являл собой образец изобретательной долговременной фортификации, и сенатор задался вопросом, как такое возможно, что настолько сильно защищенный форпост мог быть взят коммунистами. Майор Крэйват и французский генерал быстро ответили на этот вопрос. Это можно было сделать только двумя способами, сообщили они. Во-первых, с помощью огромных масс людей.

— Коммунисты разбрасываются людьми так же легко, как американцы выбрасывают окурки, — заявил французский генерал. — Если они хотят потерять пятнадцать сотен человек в лобовой атаке на такой бункер, они могут это сделать. Но это та цена, которую они не могут позволить себе вечно.

— Второй способ, которым коммунисты могут захватить бункер, — это если укрепление недостаточно оснащено радиостанциями, боеприпасами, оружием и припасами.

Сенатор мрачно кивнул.

Конечно, было еще несколько моментов, о которых майор с генералом не упомянули. Например, они не сочли нужным сказать, что большинство утраченных до сих пор бункеров были захвачены всего одним взводом коммунистов, которые проникали на позицию ночью и забрасывали гранаты через амбразуры в центральное помещение бункера. Но теоретически такое укрепление было неуязвимым, а важные персоны не должны обременяться исключениями из теорий.

Они также не сказали сенатору, что в джунглях вокруг бункера размещены два полка французских войск, чтобы гарантировать, что коммунисты не предпримут рейд, пока сенатор находится в таком опасном положении.

В тот вечер светский ритм визита несколько ускорился. Жена помощника генерального комиссара Франции пригласила миссис Браун на, как она выразилась, небольшой французский семейный ужин. Это действительно был маленький французский ужин, но далеко не простой. На нем присутствовали

только четверо, и на еду ушло более трех часов. Помощник генерального комиссара где-то раздобыл несколько бутылок любимого сенатором Брауном виски смешанного сорта. К ужину подали три сорта вина, а закончили его шампанским. За сигарами и коньяком помощник показал сенатору Брауну стопку фотографий, сделанных во время боев вокруг Дьенбьенфу. Это были черно-белые увеличенные снимки, сделанные экспертами. Это были снимки сражения.

Чем глубже они погружались в кипу фотографий, тем более ужасающими становились их сюжеты. Там были фотографии коммунистических солдат с остекленевшими от смерти глазами, повисших на примитивных баррикадах из бамбуковых копий. Там были груды тел, ожидающих погребения после боя. Были фотографии туземцев, сотрудничавших с французами, которым коммунисты в отместку отрубали руки. Был также снимок, сделанный внутри хирургического бункера с ярусом из шести коек; фотография была настолько четкой, что сенатор мог видеть, как с одной койки на другую капает кровь.

— Конечно, нам нужно действительно современное вооружение, — сказал помощник. — Люди не могут сражаться только голыми руками.

Сенатору стало почти физически плохо. Он никогда не сталкивался с такой жестокостью. Его восхищение французами неуклонно росло.

На следующий день сенатор попросил доставить его в Ханой, где в свое время разгорелась битва за Дьенбьенфу. Они покружили над Дельтой; майор Крэйват и французский генерал-десантник указывали места, где шли бои. Приземлившись недалеко от Ханоя, они на черных лимузинах въехали в город. На последней миле пути дорога оказалась заполнена чернокожими североафриканскими солдатами, стоящими в боевой готовности. Сенатор Браун устал от еды, упражнений и поздних часов, но эта демонстрация вернула в его голосе тон экзаменатора, ведущего перекрестный допрос.

— Какого черта, майор Крэйват, — сказал сенатор. — Все эти войска — североафриканцы, и это кажется чертовски глупым занятием. Почему бы французам не набрать солдат из числа местных жителей? Это сэкономило бы расходы на перевозку североафриканцев сюда и дало бы Франции преимущество в виде граждан, сражающихся за свою собственную страну.

— Ну, сэр, из вьетнамцев просто не получится хороших солдат, — ответил майор Крэйват. Их образ жизни не способствует дисциплине, и если вы дадите им пистолет или карабин, они продадут его или уйдут с ним в горы.

Глаза сенатора сузились.

— Если французы не могут набрать туземцев, то кого, черт возьми, коммунисты используют в качестве солдат? — спросил Браун.

Это был вопрос, над которым майор Крэйват задумывался пару раз, но так и не смог дать на него удовлетворительного ответа. Он повернулся к французскому генералу, который лишь пожал плечами.

— Большинство настоящих солдат в коммунистических войсках, сражающихся на Дельте, — китайцы, — заявил генерал. — Они лучше сражаются, чем вьетнамцы. Кроме того, коммунисты расстреливают туземцев, если те плохо сражаются. Франция, сэр, цивилизованная страна и не позволила бы себе такого варварства.

— Послушайте, генерал, я хотел бы поговорить с несколькими пленными, которых вы взяли, — сказал сенатор. — Как только мы отправимся на этот проклятый прием, который устраивают в Ханое, я хотел бы побывать в лагере для пленных.

Он был уверен, что если ему удастся поговорить с коммунистом лицом к лицу, то он сможет узнать, почему местные жители будут сражаться за коммунистов, а не за французов.

Однако до лагеря для военнопленных сенатор Браун так и не добрался. В Доме Франции в Ханое, где их встретил оркестр и почетный караул, они сразу же сели за огромный обед и приступили к интенсивному обсуждению военной обстановки в Дельте. Французский майор быстро продемонстрировал карты, фотографии, сводки разведки и предоставил другую информацию о ситуации. Обед был плотным, и им подали два сорта вина, которое, как с гордостью отметил хозяин, было именно таким, какое выдавалось войскам в полевых условиях. Он заметил, что несмотря на элегантную сервировку на столе и хрустальные бокалы для вина, возможно, гость почувствовал некоторую срочность в складывающейся ситуации. Сенатор утвердительно кивнул. Когда майор показал последнюю страницу своих материалов, там оказался график, иллюстрирующий количество танков, самолетов, боевой техники и прочего вооружения, которое позволит Франции вытеснить коммунистов с Дельты.

После обеда они отправились в лагерь для военнопленных. Они проехали две мили до окраины Ханоя, затем французский генерал объявил, что остаток пути им придется пройти пешком. Процессия продолжила свой путь по тропинке, пролежавшей между рисовыми полями, но тропинка очень быстро стала испещрена воронками от минометных мин и в конце концов почти полностью исчезла. Через несколько минут, к своему удивлению, сенатор обнаружил, что шлепает в грязи выше щиколоток, но это его ничуть не обескуражило. Ноги, правда, немного болели, но он сказал сам себе, что может идти так же, как и все остальные. Через полчаса он уже не был так уверен. Грязь казалась теперь свинцовой, а ноги болели невероятно. Когда французский генерал предложил отдохнуть, сенатор с благодарностью присел на груды камней. В противоположном направлении шел непрерывный поток туземных беженцев, бегущих в сторону Ханоя. На этой прогулке майора Крэйвата подменил доктор Барре, и гость попросил его опросить одного из туземцев.

— Спросите вон ту маленькую старушку с кучей белья на голове, почему она убегает от коммунистов, — сенатор указал на крошечную женщину, которая бодро прыгала по грязи.

Доктор Барре быстро заговорил с женщиной. Несколько мгновений та просто качала головой, затем доктор протянул ей зажженную сигарету. Женщина сделала несколько глубоких затяжек и заговорила тяжелым от переполнявшего ее яда голосом. Когда она закончила говорить и снова надела свой тюк на голову, доктор Барре понаблюдал за ее рысью и несколько секунд собирался с мыслями. Затем он повернулся к сенатору.

— Сэр, она говорит, что в городе безопаснее; говорит, что французы позаботятся о ней, в то время как коммунисты, скорее всего, их вырежут. Она

говорит, что лучше навсегда покинет Дельту, чем будет жить там при коммунизме. — закончил доктор Барре.

На самом же деле женщина сказала, что и французы, и коммунисты — это собаки. За полгода до этого коммунисты жестоко убили ее старшего сына. Французы, с не меньшей жестокостью, сожгли ее хижину, чтобы проложить через деревню оборонительную позицию. А потом, с горечью заметила она, те же французы оставили деревню, даже не вступив в бой. Она ехала в Ханой, потому что там была еда и обещали приют. Все было так просто.

Сенатор перестал настаивать на том, чтобы они продолжили путь к лагерю пленных. Вместо этого они медленно отправились обратно в Ханой, и вернулись в город как раз вовремя, чтобы сенатор успел принять душ и подготовиться к большому банкету, который давал генеральный комиссар Ханоя. Рано утром следующего дня они вылетели обратно в Сайгон.

Следующий день оказался заполнен осмотром складов боеприпасов, тренировочных лагерей и дипломатических объектов. Вечером состоялся коктейль, а затем опять банкет. На обоих приемах присутствовали французские журналисты, правительственные чиновники, военные и крупные бизнесмены, все они откровенно и открыто разговаривали с сенатором, и все они были убедительны в том, что говорили. Измученный сенатор лег спать, понимая, что съел и выпил слишком много; но утром снова принялся за работу.

Неделю спустя сенатор и его группа покинули Сайгон. “Это был стоящий визит”, — заявил он потом своим сотрудникам. Теперь у него было четкое представление о ситуации на местах из первых рук.

Как раз в тот момент, когда сенатор был на грани того, чтобы задремать в своем кресле в самолете, сработал один из его политических рефлексов, и он резко открыл глаза. До него только что дошло, что за все время пребывания в Сайгоне и Ханое он разговаривал только с двумя местными жителями и только с тремя армейскими офицерами в звании ниже генерала — двое из которых были пьяны. На мгновение он засомневался во всех своих впечатлениях от визита; но потом усталость и хорошо приготовленный обед одолели его, и сенатор заснул.

Председатель Сената Соединенных Штатов призвал к порядку, и суматоха на сенатском этаже утихла.

— У сенатора от Нью-Мексико все еще есть регламент для выступления, сенатор Браун, — сурово сказал председатель. — Если он захочет уступить, ему придется выделить время из своей речи.

Сенатор Корона был рассержен, но в то же время ему не хотелось раздражать сенатора Брауна.

— Господин председатель, я уступлю две минуты сенатору Брауну, но задержу вас еще на одну минуту, — произнес он. — Я хочу высказать еще одну мысль, и она заключается в следующем: мы влили четыре миллиарда долларов во французское правительство Индокитая, а они добились только того, что потеряли Дьенбьенфу и всю Дельту. Я спрашиваю вас, господа, как долго мы будем продолжать сливать деньги налогоплательщиков в эту азиатскую крысиную нору?

Сенатор Корона не был дураком. Он знал, что у сенатора Брауна есть какие-то аргументы, и внезапно, не имея ни малейшего представления о том, во что он ввязывается, сенатор решил подкрепить свои аргументы.

— Эти обвинения отнюдь не праздные, — добавил он. — Они также основаны не на домыслах, а на фактах, и факты эти были предоставлены нам человеком, который хорошо знает ситуацию изнутри.

— Его имя, сэр? — резко произнес сенатор Браун, даже не спросив формального разрешения.

Сенатор Корона ответил без раздумий.

— Посол Маквайт, наш дипломатический представитель в Сархане, — ответил он. — Мы спросили посла, одного из наших самых опытных дипломатов, что он думает о ситуации во Вьетнаме, и он настроен горько пессимистично. Опираясь на факты...

— Сенатор, пожалуйста, приведите их! — рявкнул сенатор Браун. Сенатор Корона посмотрел на свой стол и открыл папку. На ней стояла четкая пометка “Секретно. Закрытое заседание”, — но на карту была поставлена его репутация.

— Посол Маквайт доложил следующее, — раздраженно произнес сенатор Корона. — Он сказал, что вьетнамцы, как коммунисты, так и антикоммунисты, ненавидят французов. Он заявил, что французам приходится за огромные деньги ввозить североафриканских наемников, чтобы они воевали за них во Вьетнаме, и что все местные жители возмущены этим. Он заявил, что французские купцы были больше заинтересованы в своих концессиях, чем в развитии страны. Он заявил, что французы попали в ловушку, расставленную коммунистическими военными лидерами... Что они не одержали ни единой победы и постоянно терпели поражения. Он также заявил, что мы поставляли военную технику, которую нельзя было использовать во вьетнамской грязи. Он заявил, что французские вооруженные силы отказались использовать партизанскую тактику. Он заявил, что французы одурачили американских военных и дипломатов, заставив их думать, что все радужно...

Когда сенатор Корона уступил слово, поднялся сенатор Браун.

— Конечно, господин председатель, мы слышали достаточно, — произнес он голосом, в котором звенели гнев и убежденность. — Мой distinguished коллега привел ряд высказываний, но они были получены от посла другой страны. — Сенатор Браун сделал паузу, намеренно позволив ей затянуться, чтобы она стала напряженной и приобрела дополнительную важность.

— Джентльмены, все, что сказал distinguished сенатор, является ошибкой, — медленно и с явным сожалением произнес сенатор Браун. В зале Сената было тихо и спокойно. Галёрка с представителями прессы была внимательна; зрители затихли. Сенатор собрался, и каждый из присутствующих почувствовал торжественность и честность в его словах.

— Я могу заявить вам это, — сказал он, — из первых рук, потому что, господа, я был там...

Сумма крошечных мелочей

Посол Маквайт ожидал этого письма задолго до того, как оно пришло. В тот день, когда сенатор Браун выступил со своей речью на заседании Сената, в посольство США в Хайдхо нагрянули представители “Ассошиэйтед Пресс”, “Юнайтед Пресс” и всех иностранных информационных агентств. Это был мрачный день. Маквайт полагал, что его показания будут секретными, поскольку они были даны на исполнительном заседании сенатского комитета; но, очевидно, газеты уже располагали полным текстом выступления. Ничего не оставалось делать, кроме как защищать свои слова о Вьетнаме, что Маквайт и сделал в меру своих сил.

В течение трех недель Вашингтон хранил гробовое молчание. Посол знал, что в конце концов до него что-нибудь дойдет, но когда это произошло, даже он был удивлен. Маквайт получил длинную, написанную от руки записку от Государственного секретаря следующего содержания:

Дорогой Гилберт!

Как вы знаете, я был одним из тех, кто уговорил вас поступить на дипломатическую службу. Я с большой гордостью наблюдал за вашей карьерой, и всегда считал вас тем американцем, которым мы можем гордиться. Вы всегда ставили безопасность и будущее своей страны выше личной выгоды. Я был рад, когда вы получили должность в Сархане, и предполагал, что это будет первая из ряда выдающихся должностей, которые вы будете занимать.

Однако я был бы не совсем честен, если бы не сказал, что в последние месяцы испытываю серьезные сомнения. Позвольте мне просмотреть записи:

(1) В своем первом докладе вы указали, что совершили грубую ошибку. Вы сообщили, что в персонал посольства проникли коммунистические агенты, и предложили принять меры по всему миру, чтобы предотвратить это. Я защищал вас на том основании, что ваш доклад стал мужественным поступком; менее отважный человек ничего бы не сообщил.

(2) Затем вы взяли отпуск. Я получил жалобы по меньшей мере от двух послов в разных азиатских странах, поскольку вы наступали им на пятки. Как вы знаете, Гилберт, я стараюсь избавиться от излишнего протокола на дипломатической службе; но ваши приключения вокруг Дьенбьенфу действительно оказались несколько более экстравагантными, чем можно было бы ожидать в поездке для ознакомления с ситуацией.

(3) Вы просили освободить от должности Джорджа Свифта, заместителя главы вашей дипломатической миссии, допустившего небрежность. Потом выяснилось, что этой небрежностью был отказ позволить одному из полковников наших ВВС прочитать по ладони короля Сархана.

(4) А только что я прочитал стенограмму ваших показаний на исполнительном заседании комитета Сената по иностранным делам. Как вы знаете, мы не пытаемся контролировать показания наших людей на таких заседаниях, но ваши комментарии о делах в стране, в которой вы не были

аккредитованы, были очень нескромными. Даже если все изложенное — это правда, они были нескромными.

Позвольте мне внести ясность, Гилберт. Я не прошу вашей отставки; я также не предлагаю вам покинуть Сархан. Но я должен быть уверен, что ваше поведение в будущем будет соответствовать тому, что мы ожидаем от сотрудников дипломатической службы. Пожалуйста, поверьте мне, когда я говорю, что использую такой неофициальный способ общения с вами в попытке избавить Департамент от неловкости и помочь вашей карьере.

Маквайт положил письмо на место. Он знал, что госсекретарь был глубоко религиозным и преданным своему делу человеком; человеком, который бесконечно и неустанно путешествовал, и обладавшим огромным мужеством.

Гилберт Маквайт долго думал, прежде чем написать ответ непосредственно госсекретарю. Он решил не отвечать на четыре вопроса, поднятые в письме, поскольку каждый из них, по его мнению, являлся частью общей картины. Он сделает последнюю попытку изложить министру свои соображения по поводу американской политики и на этом поставит точку в этом вопросе. Если министр не согласится, Маквайт подаст в отставку.

Уважаемый господин секретарь!

Я очень благодарен за откровенность, с которой вы обратились ко мне. Мне хотелось бы ответить в том же духе.

Как вы уже догадались, ничто в моем предыдущем опыте не подготовило меня к тому молчаливому отчаянию, с которым здесь ведется борьба между коммунистическим и свободным миром. Я оказался не готов к тому, что в этой области политика в буквальном смысле является вопросом жизни и смерти. Я никогда не осознавал, что замечание Ленина о том, что “Дорога в Париж ведет через Пекин” означает, что та же самая дорога проходит через Сайгон, Токио, Бангкок, Джакарту и даже Хайдхо. Но это так и есть.

Я не думаю, что русские когда-нибудь прибегнут к термоядерной войне. Им это и не нужно. Они побеждают слишком легко, чтобы рисковать уничтожением вследствие ответных действий. С момента окончания Второй мировой войны они не потерпели ни одного крупного поражения. Как вы часто говорили в своих публичных выступлениях, мы никогда не будем первыми, кто сбросит бомбу, но это же и означает, что русские завоюют мир благодаря своим успехам во множестве крошечных сражений. Многие из них будут вестись за столами переговоров, на рисовых полях Азии, на деревенских собраниях, в школах; но в основном они будут происходить в умах людей. Лишь изредка эти битвы будут жестокими, но именно сумма подобных крошечных сражений и определит, погибнет ли наш образ жизни или сохранится.

Я прошу прощения за столь экстравагантный язык, но у меня нет иного способа сказать то, что я чувствую: Соединенные Штаты должны либо подготовиться к победе в этих многочисленных мелких конфликтах, составляющих суть конкурентного сосуществования, либо потерпеть поражение.

Что нам делать? Не уверен, что я знаю всю картину целиком; возможно, ее не знает никто. Но несколько случаев из личного опыта подсказали мне выход

из ужасной дилеммы, в которой мы оказались. За время своей работы в Хайдхо через посольство в том или ином качестве прошло около трехсот американцев. Лишь пятеро из них оказались полезны в нашей борьбе с коммунизмом. Один из них был католическим священником, другой — инженером, еще один — полковником ВВС, а остальные — это майор из Техаса и частное лицо, производящее сухое молоко. У этой крошечной горстки эффективных людей я научился некоторым принципам. Не уверен, что они применимы во всех странах мира, в которых идет борьба, но подозреваю, что это так.

Мелочи, которые мы делаем, должны являться нравственными поступками, и должны совершаться в интересах реальных чаяний народов, чья дружба нам нужна, а не только в интересах пропаганды. Люди, о которых я упомянул выше, люди, которые жертвовали собой и трудились здесь, не сентиментальные романтики; это твердые и жесткие работяги, но все они согласны со мной в том, что в той мере, в какой наша внешняя политика будет гуманной и разумной, она окажется успешной. В той степени, в какой она будет империалистична и помпезна, она потерпит неудачу.

В любом случае, сейчас я готов со всем смирением просить вас разрешить мне сделать несколько вещей в Сархане. Если вы не сочтете возможным разрешить эти действия, я с сожалением уйду с дипломатической службы. Если же вы сможете дать свое разрешение, я думаю, что шансы на спасение Сархана от коммунизма более чем равны. Если мне это удастся, возможно, мой опыт послужит примером для подражания.

(1) Я прошу обязать каждого американца (и членов его семьи), отправляемого в Сархан, уметь читать и говорить по-сархански. Я убежден, что при достаточно высокой мотивации любой человек может выучить язык за двенадцать недель настолько, что сможет на нем объясниться. Этого следует требовать как от военного, так и от гражданского персонала.

(2) Я прошу, чтобы ни одному американскому служащему не разрешалось привозить в Сархан членов своей семьи, если он не готов прослужить здесь по меньшей мере два года. Если он привезет свою семью, то должен понимать, что им не будут предоставлены роскошные апартаменты, а они будут жить в жилье, обычном для этой местности; их жилье не должно быть более роскошным, чем они могут позволить себе в Америке. Они также должны питаться продуктами, доступными в местных магазинах — которые полезны, и которых вполне достаточно.

(3) Я прошу вывести из Сархана аппарат американских советников и магазины военной торговли, и не продавать более никаких американских товаров, кроме туалетных принадлежностей, детского питания, консервированного молока, кофе и табака.

(4) Я прошу не разрешать американцам привозить в страну свои личные автомобили. Все наши официальные поездки должны осуществляться на служебном автотранспорте. Частным транспортом должны быть только такси, велорикши или велосипеды.

(5) Я прошу обязать всех американцев, служащих в Сархане, независимо от их должности и компетентности, прочитать книги Мао Цзэдуна, Ленина,

Чжоу Энъяла, Маркса, Энгельса и ведущих азиатских коммунистов. Такое изучение должно быть сделано до прибытия в страну.

(6) Я прошу, чтобы в рамках нашей программы набора персонала мы разъяснили все эти условия любому потенциальному государственному служащему, чтобы он прибывал сюда без иллюзий. По моему опыту могу сказать, что превосходных людей привлекает только личный вызов. Устанавливая низкие стандарты и делая нашу жизнь комфортной, мы, совершенно автоматически и бессознательно, окружаем себя посредственными людьми.

Я знаю, сэр, что это необычные требования. Во времена мощного вооружения и в битве между огромными империями они могут показаться почти комичными. Но, повторяю, грандиозные планы — не более чем сумма их мельчайших частей, и именно на этом базовом уровне мы проигрываем борьбу. Насколько это было возможно и законно, я уже стал предъявлять эти требования к новому персоналу в Сархане.

Если мы не сможем отправить за границу обученных, самоотверженных и преданных своему делу американцев, то мы будем продолжать проигрывать в Азии. Русские победят, не сделав ни единого выстрела, и единственным выбором для нас будет стать агрессором с термоядерным оружием.

С нетерпением жду вашего ответа.

В течение трех недель Маквайт из Вашингтона ничего не получал, но он не беспокоился и не бездействовал. Несколько дней он провел в примитивном лагере, наблюдая, как майор Волчек обучает сарханских новобранцев партизанской тактике. Затем он посетил деревню Чангдонг, чтобы осмотреть ее процветающий, хотя и крошечный, промышленный комплекс. Сарханский механик разработал и производил простую машину для консервирования рыбы, и разработка этой машины привела к созданию совершенно новой отрасли рыбопереработки в Сархане.

На обратном пути в Хайдхо посол Маквайт пообедал на “станции Финиана”, небольшом неконфессиональном колледже. Здесь 250 сарханских студентов-стипендиатов, каждому из которых было не более 21-го года, получали четырехлетнее образование. Их учебная программа включала полное знакомство с трудами коммунистических и западных лидеров. Большинство студентов, с которыми беседовал Маквайт, говорили, что после окончания колледжа они собираются вернуться и работать в своих деревнях.

Когда машина посла подъехала к Хайдхо, он увидел на холмистой пастбище пятьдесят голов красновато-коричневого скота. Коровы были завезены из Америки всего полгода назад, но уже сейчас они начали менять привычки питания в некоторых районах Сархана. Впервые в истории страны дети пили свежее молоко, а в полудюжине городов зарождалась кожевенная промышленность.

Когда из Вашингтона наконец пришел ответ, это была каблограмма — краткая и точная.

Отвечаем отрицательно на все предложения, изложенные в вашей рукописной записке ТЧК Такие действия, даже если они имеют свои достоинства, крайне непрактичны ТЧК Мы не сможем заставить американцев

служить за границей в таких условиях ТЧК Пожалуйста, вернитесь в континентальные Соединенные Штаты первым доступным транспортом ТЧК Ожидайте существенной замены вашего нынешнего персонала ТЧК Пожалуйста, выясните у Сарханского правительства их отношение к приему мистера Джозефа Бинга в качестве нового посла ТЧК Мы считаем его обширный опыт работы в прессе и вербовке отличной квалификацией для такой высокой должности ТЧК Подписано государственным секретарем

Через три недели Гилберт Маквайт покинул Сархан.

Документальный эпилог

Прилагать к художественному произведению фактологический эпилог — не совсем обычно, однако нам бы не хотелось, чтобы читатель отложил нашу книгу, думая, что все прочитанное им — плод сплошного воображения. Это не так; она основана на фактах, и наша цель — изложить причины и источники ее появления.

Хотя персонажи действительно вымышлены, а государство Сархан — это выдумка, каждое из описанных нами мелких и порой трагических событий происходило... множество раз. Слишком много раз. И мы убеждены, что если подобные события будут происходить и дальше, они разрастутся в картину катастрофы.

Во времена великих событий — “Спутников” и “Эксплореров”,⁴⁷ межконтинентальных баллистических ракет, “грязного” и “чистого” атомного оружия — легко упустить из виду один из суровых фактов истории: государство может терять свою силу и целостность медленно, по крупицам. Мы считаем, что ядерный катаклизм маловероятен, но наша свободная жизнь может быть утрачена в череде мелочей и фрагментов.

В событиях в Юго-Восточной Азии, которые послужили источником вдохновения для этой книги, авторы принимали непосредственное участие, по документам и на местах изучая путь коммунистов к власти. Как писатели, мы стремились несколько драматизировать то, что мы увидели в американцах, которые представляют нас в этой борьбе.

Для описания некоторых из них, таких как полковник Хилландейл, отец Финиан, Джон Колвин или сам Гадкий американец, потребовалось лишь немного фактов, поскольку они хорошо послужили Америке. Достаточно указать, что они были взяты из реальной жизни. Однако мы обязаны обсудить достоверность менее правдоподобных вымышленных персонажей, таких как Луис Сирс, Джордж Свифт и сенатор Браун.

Посла Сирса, например, не существует, но за последние годы в Азии их было более одного. Он изображен как политический боевой конь, удобно устроившийся в конюшне своей партии в ожидании судейской должности. Было бы неуместно называть имена дипломатов, которые продемонстрировали подобную систему в действии (некоторые, к счастью, оказались способными, трудолюбивыми людьми), но список наших послов по всему миру свидетельствует о том, что слишком часто личное богатство, политическая лояльность и способность не ввязываться в неприятности являются качествами, которые при выборе кандидатур на должность послов перевешивают профессиональную подготовку.

Многие действия Сирса основаны на реальных событиях, в которых принимал участие не один реальный дипломат. Атака на него в сарханской прессе и его неспособность прочитать ее были частью нашего вымысла, однако на это нас вдохновил тот факт, что за последние два года в столице каждой из стран Юго-Восточной Азии была проведена как минимум одна мощная антиамериканская

⁴⁷ Первые искусственные спутники Земли, запущенные соответственно СССР и США.

кампания в прессе, и в большинстве из этих столиц американский посол, как и Сирс, оказался не в состоянии читать местные газеты. (Один дипломат был настолько обеспокоен, что отправлял местные газеты в Вашингтон, чтобы их перевели для него в Библиотеке Конгресса).

Казалось бы, то, что послы — по крайней мере крупных держав — должны говорить на этих языках, является простым фактом. Однако во Франции, Италии, Германии, Бельгии, Нидерландах, Норвегии и Турции наши послы не могут разговаривать на местном языке (хотя наш посол в Париже может говорить по-немецки, а посол в Берлине — по-французски). Во всем арабском мире — в девяти государствах — только два посла имеют языковую подготовку. В Японии, Корее, Бирме, Таиланде, Вьетнаме, Индонезии и других странах наши послы вынуждены говорить и общаться только через переводчиков. Во всем коммунистическом мире только наш посол в Москве может говорить на русском.

Если бы послы были просто фигурантами, окруженными опытными, лингвистически подкованными карьерными дипломатами, их неумение говорить или читать на рабочем месте было бы не более чем оскорбительным неудобством для местных чиновников, подобно невежеству Луиса Сирса для принца Нгонга из Сархана. Но, к сожалению, послы — это не просто фигуры; они несут ответственность, и, как и в случае с Сирсом, их недопонимание может привести к серьезным последствиям. Более того, карьеристы в их представительствах, как правило, не имеют лингвистической подготовки для выполнения своей работы. Вместо этого они часто становятся Джо Бингами из нашей книги.

В своем мастерском анализе дипломатической службы Джон Осборн утверждает, что самым важным элементом хорошего сотрудника дипломатической службы является «умение общаться». Однако, как сообщает Джеймс Рестон в газете «Нью-Йорк Таймс» от 18-го марта 1958 года: «Пятьдесят процентов всех кадровых сотрудников дипломатической службы не владеют ни одним иностранным языком. В таком же положении находится семьдесят процентов новых сотрудников, поступающих на дипломатическую службу». Эти цифры отражают тех, кто не может говорить *ни на одном* языке, кроме своего родного — даже на французском, испанском, немецком или итальянском. Число американцев на дипломатической службе, которые могут разговаривать на любом из более сложных языков, ничтожно мало.

Помимо сотрудников нашей дипломатической службы, за границей находится более миллиона военнослужащих. Лишь немногие из них могут говорить на языке страны, в которой они расквартированы, а когда речь идет о сложных военных и научных данных, эта горстка сокращается почти до нуля. Пусть так, но то, что наши обученные представители в Азии владеют языками немногим лучше, неприемлемо. С другой стороны, по различным оценкам, девять из десяти русских говорят, читают и пишут на местном языке еще до прибытия на место службы. Это предварительное требование. Весь действующий персонал советских посольств в Азии — русскоязычный, и все русские — чиновники, стенографисты, телефонисты, шоферы, слуги — разговаривают и пишут на языке страны пребывания.

В американских посольствах слуги, посыльные и переводчики нанимаются из числа местных жителей. Почти в каждом американском представительстве и

агентстве в Азии телефонный оператор — азиат. Разумеется, в шпионаже существует правило, что один из самых полезных агентов — это внедренный сотрудник. История Гилберта Маквайта и Ли Панга вымышлена, но условия, о которых идет речь, существуют в каждом американском представительстве в Азии, а образы двух описанных китайских слуг были лично известны одному из авторов.

Когда в нашей истории принц Нгонг в конце концов убеждает Сирса поверить в то, что карикатура в прессе была для него благоприятной, он лишь демонстрирует факт. Поскольку мы вынуждены полагаться на переводчиков, которые почти всегда являются неамериканцами, наша информация, полученная на месте событий, является и вторичной, и подвергается незначительной цензуре и редактированию без нашего ведома. Недавние беспорядки в Индонезии лишь подчеркнули этот недостаток. Нам пришлось прибегнуть к услугам местных переводчиков, чтобы переводить прессу, радио и личные разговоры. Следуя азиатскому этикету, согласно которому не принято рассказывать работодателю о том, что может его огорчить, переводчики передавали нашим дипломатам приукрашенные сообщения о местных настроениях, и только после опасной задержки до наших представителей, находившихся в звукоизоляции, дошло, что Индонезия находится в тисках политических потрясений. В Индокитае представители наших военных и дипломатических миссий могли общаться только с французами, чей взгляд на восстание, направленное против них, был, мягко говоря, односторонним. Одному из авторов, пытавшемуся услышать вьетнамскую версию событий, не прибегая к услугам французского или вьетнамского переводчика, удалось добиться успеха только с помощью американского священника, который, подобно отцу Финиану из нашей книги, свободно владел местным языком. Так же, как и русские, — но в отличие от нас, — Церковь осознает, что ее работа в Азии невозможна без тесного общения с азиатами.

Блокирование информации — не единственное наказание, которое мы претерпеваем. Задумайтесь на минуту, во что нам обходится каждый случай, когда официальный американский представитель требует, чтобы его собеседник говорил по-английски, иначе его не услышат. Русские такой ошибки не допускают. Например, на вывеске советского посольства на Цейлоне указано, что оно работает на сингальском, тамильском, английском и русском языках. Американское посольство обозначено только на английском.

Джон Фостер Даллес высказал то, что было у нас на уме, когда мы описывали истории о полковнике Хилландейле, Рэгтайме Киде и Джоне Колвине, с одной стороны, и о Сирсе и Свифте и Джо Бинге — с другой. Он сказал: “Переводчики не заменяют друг друга. Невозможно понять, что на уме у других людей, не понимая их языка, а не понимая их языка, невозможно быть уверенным, что они понимают, что у нас на уме”.

Точка зрения мистера Даллеса лежит в основе нашей истории о “Шестифутовом провидце из Саванны”. Джордж Свифт не знал языка и не мог понять, что было на уме у сарханцев; вот он и проговорился. Его история — вымысел, но такой же протокольный промах действительно произошел с одним из авторов почти в точности так, как здесь рассказано, — хотя он никого не ударил.

Американцы вроде Свифта, не владеющие языком, могут обладать не более чем академическим представлением об обычаях, верованиях, религии и фольклоре

страны пребывания. Ограниченные общением только с той отдельной, небольшой и, как правило, хорошо обеспеченной частью местного населения, которая свободно владеет английским языком, они получают ограниченное и зачастую обманчивое представление о стране, которая их окружает. Недавний американский посол на Цейлоне — способный и чрезвычайно популярный дипломат — получил опыт, который прямо указал на эту дилемму. Он близко сошелся с лидерами политической партии, стоящей у власти, — реликтом колониальных времен, состоящим в основном из богатой верхушки общества, получившей образование в Англии. По всей видимости, посол получал всю свою информацию только от них, потому что он не предупредил наш Государственный департамент до того, как произошел националистический политический переворот, в результате которого его друзья неожиданно получили в правительстве лишь 8 мест из ста одного.

С другой стороны, мы рассказали историю гадкого инженера и полковника Хилландейла, которые, владея языком, смогли отправиться в сельскую местность и показать людям идею Америки. Эти персонажи основаны на реальных американцах, известных авторам. Есть и другие; но в целом они не пользуются любовью американских чиновников в различных азиатских столицах и являются диким исключением из правил.

В то время как немногочисленные хилландейлы и многочисленные русские бродят по баррио и задворкам, большинство американцев ограничены в общении друг с другом как официальными узами, так и языковыми барьерами. Врожденная социальная жизнь, изображенная в истории Мэри Макинтош, реальна, хотя сам этот персонаж вымышлен. Название ей дали сами азиаты. Впервые мы услышали о ней однажды в Бангкоке, когда пригласили тайца провести с нами вечер. Он ответил, что, к сожалению, должен присутствовать на “S.I.G.G.”. Когда мы спросили, что он имеет в виду, он выразил удивление, что мы не знаем этого термина.

— Мы используем его, — сказал он, — всякий раз, когда речь идет об американской коктейльной вечеринке, ужине или любом официальном мероприятии. Оно означает “Социальный инцест в золотом гетто”.⁴⁸

Вице-президент Никсон, выступая в Национальном пресс-клубе по итогам своего турне по Латинской Америке, сказал: “Я мог бы сосредоточиться на целом ряде коктейльных вечеринок и ужинов в белых галстуках. Если мы продолжим концентрироваться на этой области, то можем считать, что проиграем битву”. По его словам, нашим дипломатам нужно выходить на улицу и общаться со студентами, лидерами трудовых коллективов и людьми, формирующими общественное мнение, которые представляют собой “волну будущего”.

В своем отчете о деятельности военно-консультативной миссии США во Вьетнаме Лиланд Барроуз подчеркнул, что слишком много американцев было сосредоточено в столичных городах, а в сельской местности их почти не было. Персонажи Джо Бинга и Джорджа Свифта — не выдумка.

В рассказе “Джо Бинга любят все” вымышленная Рут Джиоти утверждает, что в “красном мире” гораздо лучше налажены связи с общественностью, чем в

⁴⁸ Англ. *Social Incest in the Golden Ghetto (S.I.G.G.)*.

свободном. Ее речь и интервью являются выдумкой, но ее точка зрения вполне реальна. Например, Америка каждый год приглашает в страну большое количество азиатских студентов. Идея конструктивная, но, к сожалению, Америка требует, чтобы все кандидаты на эти стипендии говорили по-английски, поскольку их преподаватели здесь не смогут говорить ни на каком другом языке. Это означает, что азиатские студенты должны быть набраны из одного класса — обеспеченных меньшинств крупных азиатских городов. А Азия в значительной степени является сельскохозяйственным регионом.

Коммунисты не столь ограничены в своем подходе. В китайской провинции Юнань действует обширная система школьного образования для студентов из Юго-Восточной Азии. Студенты, численностью около 30 000 человек, приезжают из Индонезии, Бирмы, Таиланда, Лаоса, Камбоджи и окраинных районов Вьетнама. Срок обучения составляет восемнадцать месяцев, а лекции читаются на родном языке студента. Курсы включают в себя сельское хозяйство, кожевенное дело, кузнечное дело и другие ремесла, необходимые сельским жителям из небольших городков и поселков. Студенты живут в общежитиях вместе со своими соотечественниками, а религиозное служение осуществляют священнослужители их собственной веры.

Неудивительно, что, когда жители Юго-Восточной Азии возвращаются домой, на свои фермы и в деревни, они с энтузиазмом относятся к китайскому коммунистическому режиму.

В рассказах о майоре Волчке и майоре Монé, “Железо войны” и “Уроки войны”, мы попытались в художественной форме описать состояние невежества, которого можно было избежать. В течение многих лет и мы, и наши союзники затрачивали много дорогостоящих усилий, пытаясь заранее выведать у коммунистов планы как тактических маневров, так и великих завоеваний. Однако во время борьбы в Индокитае авторам не удалось найти ни одного американского (или французского) военного или гражданского чиновника, который бы прочитал или хотя бы ознакомился с кратким изложением общего плана коммунистических операций, содержащегося в “Избранных трудах Мао Цзэдуна”, опубликованных лондонским издательством “Лоуренс Вишарт Лтд.” и американским “Интернэшнл Паблишерс”. Четырехтомное издание вышло в 1954 году, но основной материал был доступен в печати еще в 1934 году. (Полезным кратким исследованием является книга *“Организационное оружие — изучение стратегии и тактики большевиков”*, за авторством Филипа Селзника, выпущенное издательством “Макгроу-Хилл” в 1952 году).⁴⁹

В своем замечательном труде Мао, один из гениальных тактиков нашего времени, анализирует почти все кампании и сражения, в которых участвовали его Красные армии. Он разбирает каждое поражение (которых было очень мало) и большинство побед, а также объясняет, чему они его научили. При этом он закладывает шаблон стратегии и тактики, которому коммунисты Юго-Восточной Азии неуклонно следуют.

⁴⁹ *The Organizational Weapon — A Study of Bolshevik Strategy and Tactics* by Philip Selznick, McGraw-Hill, 1952.

Сражения, которые привели к Дьенбьенфу, были классическими примерами модели Мао. И все же наши военные миссии дали советы, а французы потерпели поражение, не изучив его труды.

Почему наши представители за рубежом не выучили необходимые им языки и не изучили основные источники информации, такие как труды Мао, — это вопрос, который волнует всю американскую нацию. Каковы бы ни были причины, наши зарубежные службы привлекают слишком мало наших самых способных и квалифицированных выпускников колледжей. Система набора сотрудников за рубежом, которую мы изобразили в рассказах “Девушка, которую завербовали” и “Возможность трудоустройства за границей”, а также отчет посла Сирса о том, какой персонал, по его мнению, ему нужен, представляют собой тот вид найма людей, который происходит на самом деле.

В последней брошюре, выпущенной в 1956 году Государственным департаментом под названием “Карьерные возможности”, описаны зарплаты, условия жизни, привилегии и льготы. В нем показаны молодые люди, садящиеся в элегантный самолет и отправляющиеся на свое первое задание. В нем показаны американцы, делающие покупки на базаре в иранском Исфахане. Но в ней нет ни слова о том, что работа будет сложной, ни слова о том, что мы ввязались в тихую борьбу по всему миру и что новобранцы станут частью этой борьбы. Это брошюра, созданная для привлечения посредственностей. И мы считаем, что в этом она преуспела.

В ходе обширных интервью с выпускниками высших учебных заведений авторы выяснили, что самые способные выпускники отвергают службу за границей, потому что она “слишком скучна, слишком бюрократична”. Многих из этих студентов привлекла бы служба за границей, если бы требования были выше, если бы был возможен контакт с местными жителями, если бы “хорошая жизнь” не так сильно подчеркивалась, а стоящие перед ними вызовы были бы более значительными. Отсутствие вызова привлекает Джорджей Свифтов, Бриджей Аптонов и Джо Бингов, которых мы и знаем за границей.

Когда у нас появляются хорошие люди — а их, конечно, много, но недостаточно, — мы склонны использовать их не по назначению. У вымышленного Гилберта Маквайта из нашей книги есть свои двойники. Он способный, целеустремленный, умный человек, вкладывающий огромную энергию в свою работу. В конце концов, в нашей истории он вынужден был уйти в отставку, причем не только из-за собственного чувства неудачи, но и под давлением сверху. В нашей недавней дипломатической истории не существует статистики, которая бы подтверждала подобные вещи, но отставка Джорджа Кеннана является показательной.

В главе “Сенатор, сэр...” мы обвинили наших дипломатов в том, что они проводят много времени, развлекая высокопоставленных американцев, вместо того чтобы выполнять свои прямые обязанности.

Мы видели посольства в Азии, которые настолько активно развлекают ВИП-персон, что напоминают туристические агентства. Время, потраченное на организацию, брифинги, коктейльные вечеринки, протокольные визиты, уход и содержание жен, почти не оставляет времени на изучение местной ситуации.

Мистер Никсон обратил на это внимание в своих заявлениях после недавней поездки по странам Юго-Восточной Азии.

В истории о Томе Ноксе, нашем вымышленном эксперте по курам, который поначалу был встречен официальным недоверием, а затем смягчен ласковыми словами и богатой жизнью, пока даже он сам не забыл, к чему он относился с таким энтузиазмом, мы пытались указать на тот факт, что мы тратим миллиарды на неправильные проекты помощи, упуская из виду почти беззатратные и гораздо более полезные варианты.

Большинство американских технических специалистов за рубежом участвуют в планировании и реализации “больших” проектов: плотин, автострад, ирригационных систем. В результате мы часто создаем огромные технические комплексы, которые когда-нибудь смогут принести дивиденды, но которые на данном этапе развития Азии не нужны и не востребованы, за исключением нескольких местных политиков, которые рассматривают такие проекты как средство достижения власти и богатства. Специалисты, которые хотят работать над небольшими и более управляемыми проектами, не поощряются. Авторы этой книги собрали высказывания местных экономистов о том, какие проекты “наиболее остро необходимы” в различных азиатских странах. Среди них — улучшение условий разведения кур и свиней; небольшие насосы, не требующие дорогостоящих запасных частей; знания о промышленном рыболовстве; консервирование продуктов; улучшение качества семян; небольшие деревенские бумажные фабрики (неграмотность во многих странах вызвана тем, что никто не может позволить себе иметь бумагу); санитарное использование нечистот и развитие мелкой промышленности. Это те проекты, которые не только позволят завоевать друзей, не требуя больших затрат, но и станут предпосылкой для индустриализации и экономической независимости Азии. Они должны быть реализованы прежде, чем коммунизм потеряет свою привлекательность. Мы оплачиваем прокладку огромных автострад через джунгли в азиатских землях, где нет никакого транспорта, кроме велосипедного и пешего. Мы финансируем строительство плотин там, где самой большой насущной потребностью является портативный насос. Мы предоставляем военную технику на многие миллионы долларов, которая не выигрывает войн и не повышает уровень жизни. Именно это мы имели в виду, рассказывая историю о гадком инженерере Гомере Аткинсе. Этот персонаж опять-таки выдумка, но авторы знали именно такого человека, работавшего среди жителей сельской местности.

Конечно, американцы не всегда заблуждаются. Реакция русских, и особенно местных коммунистов, на наши различные программы — интересный пример того, насколько полезны наши усилия. История Льва Крупицына, советского посла в Сархане, включает в себя вымышленный рассказ об американской поставке риса голодающей азиатской стране. В нашей истории коммунисты демонстрируют свою оценку эффективности этого решения, нанося на мешки надпись: “Этот рис — подарок СССР”. Это тоже история, основанная на фактах.

Не так давно, когда один из авторов находился в Пакистане, наша экономическая миссия доставила партию американских тракторов. Через несколько дней по всей стране было принято считать, что тракторы были переданы Пакистану Советским Союзом. После долгих пререканий с известным

редактором пакистанской газеты автор убедил его осмотреть тракторы. Они, конечно же, оказались американскими, но на каждой плоской поверхности каждого трактора местные коммунисты нанесли по трафарету красные серп и молот.

В итоге мы видим Азию, в которой мы остаемся относительно немymi, запертыми в городах, не понимая нравов и потребностей азиатов. Мы видели, как Америка тратит огромные суммы, в то время как Советская Россия тратит гораздо меньше, а достигает гораздо большего. Результат был назван “непростым равновесием”, но на самом деле ничего подобного нет. Мы проигрываем — не только в Азии, но и везде.

Не противопоставляя напрямую советского солдата американскому, Советский Союз одержал ошеломляющую серию побед. За несколько лет, прошедших после окончания Второй мировой войны, Россия добавила 700 000 000 человек к множеству тех, кто уже находился под ее непосредственным управлением. Ее земельная империя увеличилась примерно на 5 000 000 квадратных миль. Только в Азии коммунистическое оружие выиграло войны в Китае, Индокитае и Тибете, завоевало престиж и завело в беспокойный тупик Корею. В Италии, Египте, Индонезии, Камбодже, Лаосе и других странах коммунистические партии стали сильными претендентами на власть. В недавнем опросе, проведенном в Индии, Чжоу Энлай, лидер китайских коммунистов, был фаворитом по сравнению с президентом Эйзенхауэром в соотношении три к одному. На Среднем Востоке наш престиж стремительно падает, в то время как престиж Советского Союза растет. В Южной Америке наш вице-президент был оплеван и подвергся нападению во время позорной демонстрации враждебности к нашей стране.

Даже среди тех стран, которые казались нам преданными, нарастает волна антиамериканизма. Мы подвергаемся нападкам со стороны прессы на Филиппинах, в Японии и Китайской Республике,⁵⁰ а также в тех странах, которые не так твердо привержены нам, и чьей дружбы мы добиваемся, тратя большие суммы на иностранную помощь — Лаосе, Камбодже, Индии, Индонезии и Пакистане. Жестокое обращение с вымышленным Джоном Колвином со стороны его бывшего друга, Деонга, может означать то, что произошло с Америкой в Азии. Коммунисты добрались до Деонга, а американцы — нет.

Нам не нужны 1 500 000 американцев — в основном дилетантов, — которые сейчас работают на Соединенные Штаты за границей. Нам нужны небольшие силы хорошо обученных, хорошо отобранных, трудолюбивых и преданных своему делу профессионалов. Они должны быть готовы рискнуть своим комфортом, а в некоторых странах — и здоровьем. Они должны быть готовы применять позитивную политику, провозглашенную ясно мыслящим правительством. Они должны разговаривать на языке страны назначения и быть более компетентными в ее проблемах, чем местные жители.

Если единственная цена, которую мы готовы заплатить, — это цена доллара, то нам лучше уйти, пока нас не выкинули. Если мы не готовы платить человеческую цену, нам лучше отступить к своим берегам, построить крепость

⁵⁰ Имеется ввиду Тайвань.

Америку, научиться жить без международной торговли и коммуникаций и смириться с посредственностью, низким уровнем жизни и надвигающимся мировым коммунизмом, которые будут сопровождать каждый такой шаг.

На самом деле, положение, в котором мы оказались, далеко не безнадежно. У нас есть материальные и, прежде всего, человеческие ресурсы, чтобы изменить наши подходы и победить. В том, что мы ведем себя так, как ведем, нет вины ни правительства, ни его лидеров, ни какой-либо политической партии. Это вина всей нации. Если знание о проблеме станет широко распространенным, и если удастся пробудить энтузиазм народа, то мы сможем добиться успеха. Как однажды сказал Корделл Халл: “Правительство Соединенных Штатов никогда не опережает американскую общественность, но и не отстает от нее”.⁵¹

Мы предлагаем азиатским странам не ту помощь. Мы настолько утратили представление о собственном прошлом, что пытаемся продать только оружие и деньги, вместо того чтобы вспомнить, что именно стремление к достоинству и свободе стало причиной нашего собственного образа жизни.

По всей Азии мы убедились, что основные американские этические нормы почитаются, уважаются, и по возможности им подражают. Мы должны, помогая Азии в достижении самодостаточности, показать своим примером, что Америка по-прежнему остается Америкой свободы, надежды, знаний и закона. И если нам это удастся, мы не сможем проиграть эту борьбу.

⁵¹ Американский государственный и политический деятель, занимал пост государственного секретаря 11 лет (1933-1944 гг.), лауреат Нобелевской премии мира.